

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
BALTIJSKIJ REGION

2018

Том 10

№ 1

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2018

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2018
Том 10
№ 1

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2018.
145 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — главный редактор (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, БФУ им. И. Канта — зам. главного редактора (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем, ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниеми*, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии, СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Лохто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор, РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук, НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития, Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и истории международных отношений, СПбГУ (Россия); *Э. Спириевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия).

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77-46309 от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика региона

- Дружинин П. В., Прокопьев Е. А.* Оценка эффективности развития стран ЕС, входящих в Балтийский регион..... 4
- Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Мыслякова Ю. Г., Глухих П. Л.* Внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада: оценка влияния и специфика институционального обеспечения..... 19
- Кузнецов С. В., Растова Ю. И., Суцева Н. В.* Роль публичных компаний в формировании устойчивых предпосылок к экономическому росту Санкт-Петербурга 37

Безопасность в регионе

- Грибанова Г. И., †Косов Ю. В.* Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты 56
- Межевич Н. М., Зверев Ю. М.* Экономические дилеммы безопасности в восточной части Балтийского моря 73

Экономико-географические аспекты развития региона

- Себенцов А. Б., Зотова М. В.* Калининградская область: вызовы эксклавности и пути ее возможной компенсации..... 89
- Житин Д. В., Кришьяне З., Секи Г.* Влияние миграции на изменение половозрастной структуры населения Латвии..... 107
- Манаков А. Г., Голомидова Е. С.* Оценка уровня сформированности трансграничного латвийско-эстонско-русского туристско-рекреационного региона 130

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ СТРАН ЕС, ВХОДЯЩИХ В БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

П. В. Дружинин^{1,2}

Е. А. Прокопьев^{1,3}

¹ Институт экономики,
Карельский научный центр РАН,
185030, Россия,
Республика Карелия, Петрозаводск,
просп. А. Невского, 50.

² Петрозаводский
государственный университет,
185910, Россия,
Республика Карелия, Петрозаводск,
просп. Ленина, 33.

³ Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации, Карельский филиал,
185002, Республика Карелия,
Петрозаводск, ул. Чапаева, 6а.

Поступила в редакцию 30.10.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-1

© Дружинин П. В., Прокопьев Е. А.,
2018

Поднимаются вопросы влияния формирования единого экономического пространства за счет расширения Европейского союза (ЕС) на развитие экономик стран Балтийского региона за период с 1995 по 2015 год. Цель данной работы состоит в исследовании динамики эффективности экономик развитых (Германии, Дании, Финляндии, Швеции) и восточноевропейских стран (Польши, Латвии, Литвы, Эстонии) в ходе интеграции последних в ЕС.

Приведена динамика показателей эффективности восьми стран ЕС, входящих в Балтийский регион. В качестве контрольной группы для сравнения используются три балтийских субъекта Российской Федерации (РФ), объединенных в Балтийский регион РФ. На основе производственных функций проведен сравнительный анализ динамики развития отдельных стран и групп, выделены ключевые особенности каждой группы. Показано, что, несмотря на более быстрый рост экономик восточноевропейских стран, различия между ними и развитыми странами Балтийского региона ЕС остаются значительными. Установлено, что приближение восточноевропейских стран ЕС к развитым странам по уровню инвестиций не приводит к конвергенции показателей производительности труда. Обнаружено соответствие уровня прироста производительности труда в Балтийском регионе РФ среднему уровню по восточноевропейским странам при одинаковом приросте фондовооруженности.

Ключевые слова: Европейский союз, интеграция, производственная функция, эффективность, инвестиции

Введение

Интеграция национальных экономик в единое экономическое пространство позволяет странам-участницам устранить барьеры для свободного перемещения людей, капиталов, товаров и услуг, что, в свою очередь, способствует развитию экономики и повышению качества жизни. В этом отношении можно констатировать, что наиболее ярким примером подобного рода объединения является создание и расширение

ние Европейского союза. Закономерно, что проблематика влияния европейской интеграции на развитие стран-участниц ЕС достаточно хорошо изучена, поскольку с момента создания ЕС к нему поэтапно присоединились 22 страны [1—6].

На этом фоне вступление в 2004 году в ЕС стран Центральной и Восточной Европы обращает на себя отдельное внимание в силу ряда особенностей. Во-первых, в состав объединения вошли одновременно 10 новых стран, что, по данным Всемирного банка, включило в единый общеевропейский рынок еще 103 млн потребителей, доведя общую численность населения ЕС до 490 млн человек. Во-вторых, отмечается существенное отставание уровня развития экономики вновь прибывших стран от стран-участниц. В научной литературе есть работы, посвященные как прогнозам, так и последствиям данного расширения [7—11]. В основном исследователи сосредоточены на вопросах инвестиций [12; 13], миграции, занятости и безработицы [7; 14—16], которые обострились на фоне мирового финансового кризиса [17]. География исследований охватывает как отдельные страны [16; 18] и группы стран ЕС [19; 20], так и весь ЕС, при этом уровень территориального деления может доходить до NUTS 3 [21; 22].

Расширение ЕС создает новые возможности для развития как его старых членов, так и вступивших стран, вместе с тем появляются и проблемы. Для более развитых стран-членов ЕС увеличивается объем доступных рынков [23], растут возможности поставок своей продукции в присоединившиеся к ЕС страны, появляются новые мигранты [7], готовые работать на худших условиях, что, с другой стороны, может привести к повышению уровня безработицы. Последнему факту также способствует перенос части производств и перетекание инвестиций в менее развитые страны ЕС с более низкими зарплатами [14]. Но для развитых стран размещение малоэффективных для них предприятий в странах с более низкими издержками, с другой стороны, высвобождает ресурсы для более конкурентоспособных высокоэффективных производств [24; 25].

Нельзя оставить без внимания и то, что значительный рост инвестиций в страны-члены ЕС в связи с открывающимся доступом на новые рынки приводит к росту цен и зарплат, тем самым ухудшая конкурентоспособность продукции данных стран на мировых рынках. В подобной ситуации после расширения ЕС в 2004 году оказались Португалия, Ирландия, Греция и Испания, где рост зарплат приводил к большим бюджетным расходам, ухудшая состояние государственного бюджета [26].

Для вступивших в ЕС менее развитых стран расширяется доступ к интеллектуальным и финансовым ресурсам, прежде всего, к современным технологиям через иностранные инвестиции [11]. Это проявляется в создании новых производств и реконструкции действующих. Сокращение безработицы происходит также за счет миграции населения в более развитые страны ЕС [7; 15]. Но безработица может вырасти, поскольку возникает проблема закрытия части предприятий, ставших неконкурентоспособными из-за отсутствия таможенных пошлин и появления более высокопроизводительных производств, предоставляющих меньшее количество рабочих мест. Надо отметить, что активизация взаимодействия восточноевропейских стран с более развитыми странами и рост объема иностранных инвестиций привели сначала к увеличению темпов роста экономики, а затем к резкому их уменьшению, когда доля прямых иностранных инвестиций достигла 7—15% от общего объема инвестиций [27].

Отправной точкой исследования является следующий факт: состоявшееся в 2004 году расширение ЕС практически сформировало единое экономическое пространство вокруг Балтийского моря, причем страны, имеющие к нему вы-

ход, значительно различаются по уровню развития. Более развитые западные и северные страны вступили в ЕС в XX веке (Германия, Дания, Швеция, Финляндия), менее развитые восточные — в 2004 году (Польша, Эстония, Латвия, Литва). На небольшом количестве стран, имеющих сходные природно-климатические характеристики и отличающихся уровнем экономического развития, можно более детально показать особенности влияния интеграции, в том числе сравнить с балтийскими регионами не входящей в ЕС России. Исследование результатов интеграции стран с разным уровнем развития экономики актуально и для РФ, особенно в связи с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Заметим, что уже в 1990-х годах восточноевропейские страны переориентировались на активные внешнеэкономические связи с более развитыми странами Западной Европы. Они запустили процесс вступления в ЕС, который заключался в приведении законодательства, норм и правил к стандартам ЕС.

Вхождение в ЕС оказало заметное влияние на их экономику. Было бы необъективным полагать, что приближение ЕС к границам России не оказало воздействие на развитие экономики отечественных приграничных регионов, которые стали участвовать в программах ЕС: INTERREG, СВС и других. Поэтому целесообразно оценить, как формирование единого экономического пространства повлияло на экономику российской части Балтийского региона. Сделаем одну важную оговорку, касающуюся состава территорий, включенных нами в Балтийский регион. В данном исследовании в Балтийский регион включены целиком восемь перечисленных выше стран ЕС, а в российскую часть Балтийского региона — только три субъекта РФ: Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области, имеющие непосредственный выход к Балтийскому морю, хотя в некоторых работах называют пять субъектов [28].

Статья сконцентрирована на анализе динамики эффективности экономики стран Балтийского региона в контексте оценки влияния расширения ЕС и роста эффективности экономик отдельных стран, входящих в исследуемый регион. Впервые проведен сравнительный анализ и построены уравнения взаимосвязи показателей эффективности стран, состоящих в ЕС, имеющих сходные природно-климатические условия и отличающихся уровнем экономического развития, и российских балтийских регионов. Ранее анализировались влияние интеграции на производительность труда, фондовооруженность и динамику безработицы, а также взаимосвязь производительности труда и уровня безработицы по ЕС в целом и группам стран, включающим одновременно вступившие в ЕС страны [1; 20; 29]. В данном случае восемь стран рассматриваются отдельно. Подход к оценке влияния интеграции и основные методики и модели анализа данных были предложены ранее [29]. В настоящем исследовании они были уточнены и дополнены.

Данные

В данной статье анализируются процессы, происходящие в Балтийском регионе за период с 1995 по 2015 год, до 2004 года страны Восточной и Центральной Европы реформировали свою экономику для вступления в ЕС. Лишь в отдельных случаях для сравнения рассматривается и период 1975—1995 годов для развитых стран. Из восьми рассматриваемых нами стран ЕС пять входят в зону евро (Германия и Финляндия — с 1999 года, Эстония — с 2011-го, Латвия — с 2014-го, Литва — с 2015-го), но влияние этого шага для них остается за рамками нашего исследования.

В качестве показателей, характеризующих эффективность экономики, использовались производительность труда и фондовооруженность, а также соотношение их приростов и темпов прироста. Для их расчета использовались данные по валовому внутреннему продукту (ВВП), а для российских регионов — валовому региональному продукту (ВРП), инвестициям и численности занятых. Показатель «фондовооруженность» в данном случае представляет собой отношение кумулятивных инвестиций (сумма инвестиций за пять лет — объем инвестиций за текущий год и четыре предыдущих) к численности занятых, а показатель «производительность труда» — отношение ВВП (ВРП) к численности занятых.

Данные для исследования были получены из баз данных статистического бюро ЕС [30] и Всемирного банка [31], из статистических сборников «Eurostat Yearbook» [32; 33] и «Регионы России» [34—37]. База данных Европейского статистического бюро позволяет получить большую часть интересующих нас показателей в сопоставимом виде — в евро в ценах 2010 года. Для расчета кумулятивных инвестиций по странам ЕС нам потребовались данные по инвестициям с 1991 года, которые были приведены к сопоставимому виду через индексы физического объема и доли в ВВП. Для отечественных регионов стоимостные показатели были приведены к сопоставимым ценам 2010 года через индексы физического объема. Поскольку отечественная статистика стала считать ВРП с 1996 года, то для получения данных по ВРП за 1995 год использовались индексы, рассчитанные Н. Н. Михеевой [38]. Далее показатели пересчитывались в евро по средневзвешенному курсу за 2010 год на основе данных Центрального банка России [39].

Прежде всего проводился анализ динамики основных и производных показателей, строились графики, выявлялись особенности отдельных стран, основные тенденции и точки их изменения, сравнивалась динамика показателей стран ЕС и балтийских регионов РФ. Надо отметить, что производительность труда в Германии очень мало изменилась, ее рост в Дании и Финляндии был ненамного больше, и лишь в Швеции она выросла за рассматриваемый период примерно на 40%, или в среднем на 1,7% ежегодно. В то же время в восточноевропейских странах производительность повысилась в 2—2,5 раза, или в среднем более чем на 4% в год. Лишь в Польше ежегодный прирост был меньше — 3,6%. В балтийских регионах РФ среднегодовой темп прироста также составил 4%. Новые производства и технологии обеспечили этот рост, причем в вошедших в ЕС восточноевропейских странах и балтийских регионах РФ показатели роста близки.

Низкий рост производительности труда в Германии, видимо, связан с тем, что инвестиции в ее экономику за 20 лет выросли незначительно и фондовооруженность, которая определялась через сумму инвестиций за пять последних лет, увеличилась менее чем на 5%. В остальных трех развитых странах рост фондовооруженности был больше, она выросла примерно в полтора раза. А в менее развитых странах ее рост был очень большой, от 2,6 раз в Латвии и балтийских регионах РФ до примерно 3,5 раз в Эстонии и Польше. Именно рост инвестиций вызвал повышение производительности труда. В то же время если оценивать динамику фондоотдачи как соотношения ВВП и кумулятивных инвестиций, то наиболее эффективной была экономика Германии, ВВП росла быстрее кумулятивных инвестиций. У большинства стран и балтийских регионов РФ рост инвестиций несколько опережал рост ВВП, наиболее значительным разрыв был у Польши и Эстонии, и фондоотдача в этих странах упала более, чем на треть.

Еще один изучаемый показатель — соотношение прироста производительности труда за 20 лет и средней за период фондовооруженности (или за отдельные годы). В данном случае выявляется, как влияет приток инвестиций на прирост производительности труда. Снова обнаруживается значительная разница развитых стран и восточноевропейских. Худшие показатели у Германии, примерно в полтора раза лучше у Дании и Финляндии и в два раза — у Швеции. В Германии требуется в семь раз больше инвестиций на одного занятого, чем в Литве, чтобы получить одинаковый прирост производительности труда. Получается, что наращивание фондовооруженности за счет новых инвестиций малоэффективно в развитых странах, особенно в Германии. Новые мощности вытесняют производства с высокой фондовооруженностью труда, и средств требуется намного больше, чем в Латвии или Литве, даже для небольшого прироста производительности труда. Но надо отметить, что для темпов прироста картина несколько меняется из-за разного уровня производительности труда.

За исследуемый период (1995—2015) структура экономики исследуемых стран заметно изменилась, доля обрабатывающих производств в большинстве стран Балтийского региона снизилась. Исключение составляют Германия и Литва, в которой эта доля даже выросла. При этом в Германии она была стабильной весь период, кроме 2009 года — во время воздействия мирового финансового кризиса. Наибольшее падение доли обрабатывающего производства было зафиксировано в Финляндии — 8,4 п. п., и произошло это после 2009 года. Среди новых стран ЕС наибольшее падение в данном показателе у Латвии (7,5 п. п.). Доля обрабатывающих производств в ВРП балтийских субъектов РФ снизилась незначительно, примерно как в Дании и Польше. В целом она немного меньше, чем в Германии, и больше, чем в других странах. Минимальная доля обрабатывающей промышленности — в Латвии.

Методика

Проведенный анализ динамики основных показателей стран Балтийского региона позволил перейти к построению графиков взаимосвязей основных и производных экономических показателей для выявления наличия и вида их зависимостей. Исследовались графики по отдельным странам и по двум выделенным группам (развитые страны и страны Восточной Европы вместе с балтийскими регионами РФ). На основе анализа графиков были выявлены зависимости показателей, построены математические модели и проведены расчеты для определения различий в изменении показателей эффективности исследуемых стран и регионов. По временным данным рассчитывались однородные и неоднородные функции Кобба — Дугласа для отдельных стран:

$$y_i(t) = A_i \times k_i^{\alpha_i}(t), \quad (1)$$

$$Y_i(t) = B_i \times K_i^{\alpha_i}(t) \times L_i^{\beta_i}(t) \times \exp(\delta_i \times t), \quad (2)$$

где A , B — константы; $y_i(t)$ — производительность труда в стране i в год t ; $k_i(t)$ — фондовооруженность в стране i в год t ; α , β , δ — константы; α , β — факторные эластичности; δ — темп нейтрального прогресса; $Y(t)$ — ВВП, для российских регионов — ВРП; $K(t)$ — кумулятивные инвестиции (в статье — за пять лет); $L(t)$ — численность занятых. Факторные эластичности показывают изменение результирующего показателя при росте фактора на 1%, в данном случае они демонстрируют эффективность инвестиций — как изменится ВВП (производительность труда) при росте кумулятивных инвестиций (фондовооруженности) на 1%.

В ходе анализа данных исследовалась возможность построения модели по панельным данным, отдельно для развитых и восточноевропейских стран:

$$y_i(t) = A_i \times k_i^\alpha(t), \quad (3)$$

где A_i — разные для разных стран, а α — одинаковые.

Для расчетов использовались стандартные статистические пакеты программы R. Анализ результатов расчетов позволил сравнить эффективность развития экономики стран Балтийского региона и оценить перспективы ее изменения на основе производственных функций (1).

Результаты расчетов

Для выявления вида зависимости производительности труда от фондовооруженности был построен график, который показал, что сделанное ранее выделение двух групп обоснованно (рис. 1). Явно видны отличия двух групп, а различия внутри групп существенно меньше, хотя для развитых стран они есть, производительность труда в Дании заметно выше при одинаковой величине фондовооруженности. Для развитых стран наблюдается значительный рост обоих показателей у трех стран и очень небольшой у Германии. Линии трех стран почти параллельны, а у Германии не очень заметный рост фондовооруженности дает более существенный прирост производительности труда.

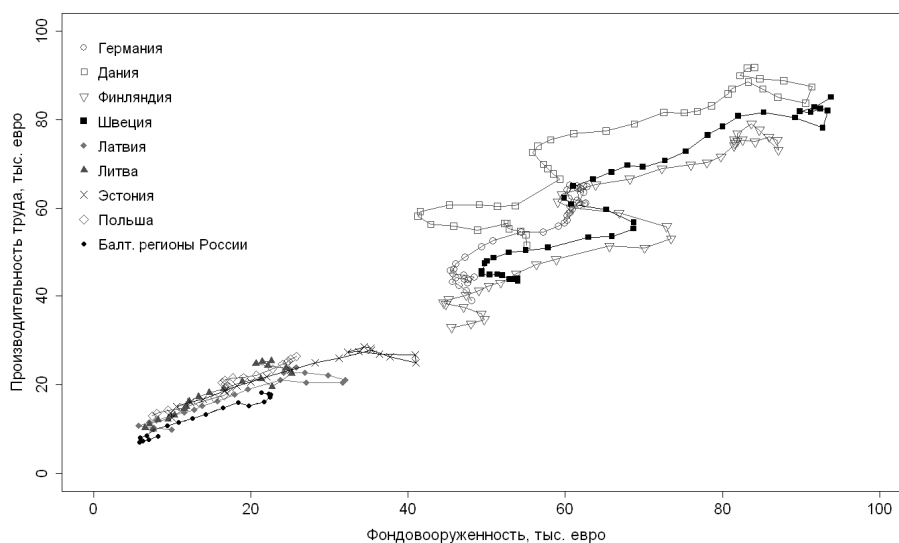

Рис. 1. Взаимосвязь фондовооруженности и производительности труда в странах Балтийского региона

Для восточноевропейских стран кривые практически совпадают, немного более высокие показатели имеет Эстония, остальные страны и регионы повторяют ее показатели с некоторым отставанием. Балтийские регионы РФ незначительно отстают от восточноевропейских стран, это отставание связано с меньшим объемом инвестиций и с их меньшей эффективностью.

Если рассматривать динамику зависимости производительности труда от фондовооруженности, то можно сказать, что восточноевропейские страны в

2010-х годах почти вышли на уровень развитых стран начала 1970-х годов по производительности труда и фондовооруженности, но сложившиеся тенденции несколько иные. Если экстраполировать кривые, то они пересекутся, но не будут продолжением друг друга. Достигнув уровня развитых стран по фондовооруженности, восточноевропейские страны будут иметь более низкую производительность труда. Развитые страны имели фондовооруженность около 40 тыс. евро в 1960-х годах, но у них быстрее росла производительность труда. Сейчас рост производительности труда обеспечивается гораздо большим ростом фондовооруженности, и при наращивании объема инвестиций рост производительности труда в восточноевропейских странах будет существенно меньше. Для смены траектории нужен скачок эффективности, который должен быть связан со значительными технологическими изменениями, переходом на принципиально новые технологии.

Исходя из графика, можно сказать, что кроме уравнений для отдельных стран можно построить и уравнения для двух групп стран, поскольку зависимость производительности труда от фондовооруженности для них схожа внутри каждой группы.

Для построения зависимости производительности труда от фондовооруженности по функциям (1) и (2) по отдельным странам и двум секторам по панельным данным был построен еще один график (рис. 2), в котором исследовалось изменение производительности труда и фондовооруженности к начальному году. Для северных и западных стран за исходный год был взят 1975-й, для восточноевропейских — 1995-й (более ранние данные для них несопоставимы).

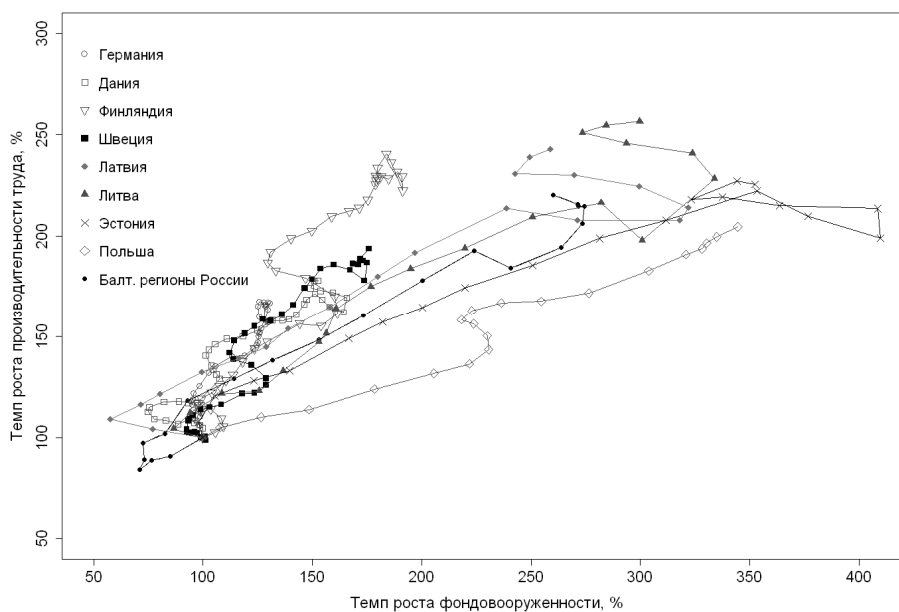

Рис. 2. Динамика фондовооруженности и производительности труда в странах Балтийского региона (развитые страны — за 1975—2015 годы, восточноевропейские — за 1995—2015 годы)

Из рисунка 2 видно, что восточноевропейские страны за 20 лет увеличили производительность труда примерно так же, как и развитые страны за 40 лет, но им потребовался гораздо больший рост объема инвестиций, отдача от которых была значительно меньше.

Для оценки значения эластичности по кумулятивным инвестициям проводились расчеты по формулам (1) и (2) по восьми странам и российским балтийским регионам. В результате выяснилось, что эластичность у всех развитых стран близка к единице. У восточноевропейских стран она оказалась в среднем в полтора раза ниже. Эластичность показывает, на сколько процентов вырастет производительность труда при росте фондовооруженности (кумулятивных инвестиций на одного занятого) на 1%.

Графики на рисунке 2 показали, что можно проводить расчеты по панельным данным отдельно по двум секторам — по четырем западным странам и по пяти восточноевропейским, включая балтийские регионы России. В данном случае принимаются неизменными факторные эластичности, а для каждой страны различны свободные члены. В таблице 1 приводятся результаты расчетов по формулам (1) и (3).

Таблица 1

**Результаты расчетов параметров производственной функции
Кобба — Дугласа (1) и (3) по панельным данным
для стран Балтийского региона (в скобках — *t*-критерий)**

Показатель	Развитые страны		Восточноевропейские страны	
	(1)	(3)	(1)	(3)
$\ln A$	0,186 (0,96)	- 0,0002 (- 0,001)	1,070 (15,2)	1,005 (23,0)
α	0,947 (20,2)	0,980 (29,1)	0,634 (25,5)	0,588 (36,3)
$\ln A_1$	0	0,065 (3,1)	0	0,226 (8,6)
$\ln A_2$	0	0,204 (10,2)	0	0,164 (6,7)
$\ln A_3$	0	- 0,061 (- 3,1)	0	0,269 (11,1)
$\ln A_4$	0	0	0	0,318 (12,9)
R^2	0,72	0,87	0,86	0,95
F	406,6	270,0	648,8	413,8
p	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

В результате видно, что западные страны имеют высокую эффективность — факторная эластичность близка к единице, иными словами, прирост фондовооруженности (кумулятивных инвестиций на одного занятого) на 1% вызывает примерно такой же прирост производительности труда. У восточноевропейских стран эффективность инвестиций более чем в полтора раза ниже, что подтверждается и результатами расчетов для отдельных стран. За 1995—2015 годы отношение производительности труда в восточноевропейских странах к уровню развитых стран выросло с примерно 15 до почти 30%, но в абсолютных величинах разрыв даже немного увеличился. Если рассмотреть графики приближений, то видно, что свободный член A_i показывает эффективность стран относительно друг друга, и их можно проранжировать (рис. 3).

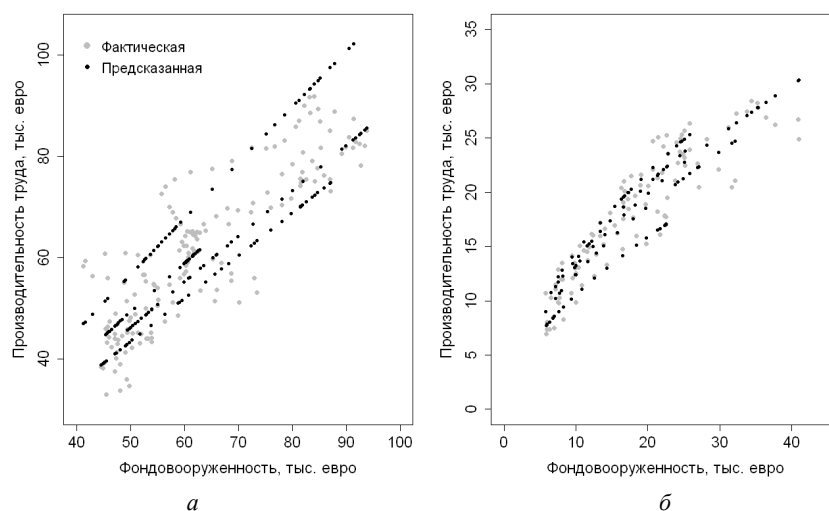

Рис. 3. Фактические и расчетные данные, полученные по формуле (3) для развитых (а) и восточноевропейских (б) стран (параметры уравнений приведены в таблице 1)

При одинаковой фондовооруженности страна с более высоким коэффициентом A_i имеет более высокую производительность труда. Для развитых стран наиболее высокая эффективность у Дании, далее — Германия, Швеция и Финляндия. У восточноевропейских стран наиболее высокая эффективность у Польши, далее — Литва, Эстония, Латвия и балтийские регионы России. Надо отметить, что в каждой группе худшие результаты наблюдаются у стран, у которых наиболее сильно уменьшилась доля обрабатывающей промышленности (Финляндия и Латвия). А наиболее высокая эффективность — у стран, где было незначительное снижение доли обрабатывающей промышленности (Дания и Польша).

Соседство Балтийского региона РФ с ЕС лишь на некоторое время способствовало опережающему по отношению к РФ росту инвестиций, а уже к 2012 году они практически сравнялись (315 и 316% к уровню 1997 года). Но отдача от них была существенно выше, трансграничное сотрудничество способствовало перетоку новых технологий, опыта и знаний, что привело к опережающему росту эффективности экономики балтийских регионов РФ, ВРП у них рос на треть быстрее, чем в РФ, достигнув в 2015 году 276,2% к уровню 1997 года (в РФ — 202,7%).

По формуле (1) осуществлялся прогноз изменения производительности труда до 2035 года. В оптимальном варианте для восточноевропейских стран при сохранении средних темпов прироста инвестиций Эстония догоняет развитые страны по уровню фондовооруженности, Польша выходит на их уровень 2015 года, а Литва — 1995 года, но по производительности труда они находятся на уровне развитых стран лишь 1990 года. Латвия и балтийские регионы России к 2035 году по фондовооруженности выйдут на уровень развитых стран 1995 года, но их производительность труда в 1,5—2 раза ниже, чем у развитых стран в 1995 году. Но в реальности у развитых стран темпы прироста фондовооруженности с 1970-х годов в среднем стабильны, а у восточноевропейских они постепенно снижаются, приближаясь к темпам роста развитых стран — 2—3% в год в среднем. Тогда разрыв в уровне производительности труда возрастает.

Обсуждение результатов

Проведенный в статье сравнительный анализ развития стран Балтийского региона, вступивших в Европейский союз в разные годы, и Балтийского региона РФ показал, что, несмотря на быстрый рост экономик восточноевропейских стран, их отставание от развитых стран слабо уменьшается, различия двух групп стран Балтийского региона остаются огромными. Перенос в восточноевропейские страны не самых новых производств и технологий привел к тому, что, несмотря на быстрый рост инвестиций, эффективность их развития существенно ниже, чем развитых стран. Постепенно сравниваясь с развитыми странами по уровню инвестиций, восточноевропейские страны очень медленно приближаются по уровню производительности труда. При одинаковом приросте фондовооруженности прирост производительности труда у развитых стран существенно больше. Построение производственных функций отдельных стран и групп стран позволило сравнить эффективность развития экономики среди стран каждой группы и ранжировать их. Балтийские регионы РФ оказались достаточно близки по эффективности развития к восточноевропейским странам, хотя и несколько им уступают, заметно опережая РФ в целом.

Надо отметить, что в ЕАЭС Россия является технологическим лидером и ее технологии перетекают в другие страны ЕАЭС. В условиях санкций переток новейших технологий в РФ из развитых стран затруднен, поэтому для роста эффективности экономики необходимо усилить поддержку инновационных проектов, связанных с пятым и шестым технологическими укладами, что способствовало бы ускорению роста производительности труда.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 15-06-04086а «Исследование влияния расширения ЕС на эффективность его экономики на основе математических моделей».

Список литературы

1. Дружинин П. В., Морошкина М. В. Эффективность экономики Северных стран после вступления в Европейский союз // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 1. С. 60—68.
2. Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х гг. / под ред. А. В. Кузнецова и Е. С. Хесина. М., 2013.
3. Buch C., Piazzolo D. Capital and trade flows in Europe and the impact of enlargement // Economic Systems. 2001. Vol. 25, iss. 3. P. 183—214.
4. Henrekson M., Torstensson J., Torstensson R. Growth effects of European integration // European Economic Review. 1997. Vol. 41. P. 1537—1557.
5. Wallner K. Specific investments and the EU enlargement // Journal of Public Economics. 2003. Vol. 87, iss. 5—6. P. 867—882.
6. Dreyer J., Schmid P. Growth effects of EU and EZ memberships: Empirical findings from the first 15 years of the Euro // Economic Modelling. 2016. URL: <http://www.science-direct.com/science/article/pii/S0264999316303467> (дата обращения: 10.11.2016).
7. Elsner B. Emigration and wages: The EU enlargement experiment // Journal of International Economics. 2013. Vol. 91, iss. 1. P. 154—163.
8. Hoffmann A. The collateral effects of political integration on credit growth in the new member states of the EU // Economic Systems. 2016. Vol. 40, iss. 4. P. 658—669.
9. Kohler W. Eastern enlargement of the EU: a comprehensive welfare assessment // Journal of Policy Modeling. 2004. Vol. 26, iss. 7. P. 865—888.
10. Nahuis R. One size fits all?: Accession to the internal market; an industry-level assessment of EU enlargement // Journal of Policy Modeling. 2004. Vol. 26, iss. 5. P. 571—586.
11. Tang D. Has the Financial Integration affected the European Union (EU) trade with the New Member Countries from Central and Eastern Europe (CEEC) during 1994—2013? // The Journal of Economic Asymmetries. 2016. Vol. 13. P. 8—20.

12. *Chidlow A., Salciuviene L., Young S.* Regional determinants of inward FDI distribution in Poland // *International Business Review*. 2009. Vol. 18, iss. 2. P. 119—133.
13. *Seck A.* International technology diffusion and economic growth: Explaining the spillover benefits to developing countries // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2012. Vol. 23. P. 437—457.
14. *Pavliková L., Siničáková M.* Labor Market Indicators and Their Causalities: The Case of the New European Union Member States // *Procedia Economics and Finance*. 2012. Vol. 3. P. 1229—1237.
15. *Şener S., Savrul B.* Europeanization of Labour Markets in New Member and Candidate States // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 24. P. 716—726.
16. *Raišienė A. G., Bagdonienė J., Bilan Y.* Inter-Institutional Interaction Results: The Effect of EU Programs on the Reduction of Long-term Unemployment // *Procedia Economics and Finance*. 2014. Vol. 16. P. 641—650.
17. *Boeri T., Jimeno J.F.* Learning from the Great Divergence in unemployment in Europe during the crisis // *Labour Economics*. 2016. Vol. 41. P. 32—46.
18. *Moldovan I.* Considerations on the Advantages and Disadvantages of Romania's Accession to the European // *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 27. P. 600—606.
19. *Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В.* Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9, №1. С. 60—78.
20. *Проконьев Е.А., Поташева О.В.* Эффективность экономики интеграционных объединений: опыт расширения Европейского союза // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2016. №12 (94). С. 11.
21. *Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E.* Does social capital matter for European regional growth? // *European Economic Review*. 2015. Vol. 77. P. 47—64.
22. *Postoiu C.* Regional Growth Patterns in the European Union // *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 30. P. 656—663.
23. *Clemente J., Pueyo F., Sanz F.* Market potential, European Union and growth // *Journal of Policy Modeling*. 2009. Vol. 31, iss. 5. P. 719—730.
24. *Авилова А.Р.* Реформа системы регионального управления в Италии // *Проблемы теории и практики управления*. 2002. №6. С. 53—57.
25. *Яськова Т.И.* Миграционное притяжение московского столичного региона как фактор трансформации системы расселения приграничных регионов Смоленской области // *Региональные исследования*. 2010. №2. С. 91—98.
26. *Batavia B., Nandakumar P., Wague C.* Export stagnation and budget deficits in the peripheral EU nations with EMU membership // *The Journal of Economic Asymmetries*. 2013. Vol. 10, iss. 2. P. 94—100.
27. *Славянов А.С.* Национальные приоритеты и иностранный капитал в России: проблемы и противоречия // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012. №32. С. 7—12.
28. *Межевич Н.М., Кретинин Г.В., Федоров Г.М.* К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона // *Балтийский регион*. 2016. Т. 8, №3. С. 15—29.
29. *Дружинин П.В.* Моделирование структурных сдвигов на основе специальных функций // *Государство и бизнес. Современные проблемы экономики* : матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. / Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Факультет экономики и финансов. М., 2015. С. 11—16.
30. *Eurostat Database* // Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 07.08.2016).
31. *World Bank Open Data* // The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения: 12.08.2016).
32. *Eurostat Yearbook. A statistical eye on Europe* // Eurostat. Office for Official Publications of the European Communities. Luxembourg, 2000.
33. *Eurostat Yearbook'96* // Eurostat. Office for Official Publications of the European Communities. Luxembourg, 1996.
34. *Регионы России* : стат. сб. : в 2 т. / Госкомстат России. М., 2001. Т. 2.
35. *Регионы России: социально-экономические показатели*. 2010 : стат. сб. / Росстат. М., 2010.
36. *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2006 : стат. сб. / Росстат. М., 2007.

37. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016* : стат. сб. / Росстат. М., 2016.

38. *Михеева Н. Н.* Дифференциация социально-экономического положения регионов России и проблемы региональной политики / Российская программа экономических исследований. Науч. докл. №99/09. М., 2000.

39. *База данных по курсам валют* / Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx?VAL_NM_RQ=R01239 &date_req1=01.01.2010&date_req2=31.12.2010&rt=1&mode=1 (дата обращения: 12.03.2017).

Об авторах

Павел Васильевич Дружинин, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития, Институт экономики, Карельский научный центр РАН, Россия; профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Институт экономики и права, Петрозаводский государственный университет, Россия.

E-mail: pdruzhinin@mail.ru

Егор Александрович Прокопьев, кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития, Институт экономики, Карельский научный центр РАН, Россия; доцент кафедры экономики и финансов, Карельский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

E-mail: e_prokopiev@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин П. В., Прокопьев Е. А. Оценка эффективности развития стран ЕС, входящих в Балтийский регион // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 1. С. 4—18. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-1.

AN ASSESSMENT OF THE ECONOMIC PERFORMANCE OF THE EU BALTIC REGION STATES

P. V. Druzhinin^{1,2}

E. A. Prokopyev^{1,3}

¹ Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
50 A. Nevskogo pr., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185030 Russia

² Petrozavodsk State University,

33 Lenin St, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia

³ Karelia Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

6 A Chapaev St, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185002, Russia

Submitted on October 30, 2017

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-1

The paper explores how the common economic space, a product of the EU, influenced the economies of the Baltic Sea Region states in 1995—2015. The authors investigate changes in the economic performance of the developed (Germany, Denmark, Finland, and Sweden) and Eastern European countries (Poland, Latvia, Lithuania, Estonia) during the integration

of the latter states into the EU. Performance dynamics is analyzed for eight EU Baltic Sea Region countries. Three Russian Baltic regions constitute a control group. The authors conduct a production-function-based comparative analysis of development dynamics in individual countries to identify distinctive features for each group. Despite a rapid growth of Eastern European economies, the difference between the region's eastern and western countries remains substantial. Economic convergence between eastern and western EU countries in terms of investment does not lead to convergence in labour efficiency. The capital-labour ratio and the growth rate of labour efficiency in the Russian Baltic are close to the Eastern European average.

Key words: European Union, integration, production function, efficiency, investment

References

1. Druzhinin, P. V., Moroshkina, M. V. 2016, Efficiency of economy of the northern countries after the accession to the EU, *Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka*, no 1, p. 60—68. (In Russ.)
2. Kuznetsova, A. V., Hesin, E. S. 2013, *Jekonomika stran ES posle vvedenija evro: ot jeforii 1999 g. do dolgovogo krizisa 2010-h gg.* [The economy of the EU countries after the introduction of the euro: from the euphoria of 1999 to the debt crisis of the 2010s.], Moscow, 250 p. (In Russ.)
3. Buch, C., Piazzolo, D. 2001, Capital and trade flows in Europe and the impact of enlargement, *Economic Systems*, Vol. 25, no. 3, p. 183—214. doi: 10.1016/S0939-3625(01)00019-X.
4. Henrekson, M., Torstensson, J., Torstensson, R. 1997, Growth effects of European integration, *European Economic Review*, Vol. 41, p. 1537—1557. doi: 10.1016/S0014-2921(97)00063-9.
5. Wallner, K. 2003, Specific investments and the EU enlargement, *Journal of Public Economics*, Vol. 87, no. 5—6, p. 867—882. doi: 10.1016/S00472727(01)00159-1.
6. Dreyer, J., Schmid, P. 2016, Growth effects of EU and EZ memberships: Empirical findings from the first 15 years of the Euro, *Economic Modelling*. doi: 10.1016/j.econmod.2016.09.007.
7. Elsner, B. 2013, Emigration and wages: The EU enlargement experiment, *Journal of International Economics*, Vol. 91, no. 1, p. 154—163. doi: 10.1016/j.jinteco.2013.06.002.
8. Hoffmann, A. 2016, The collateral effects of political integration on credit growth in the new member states of the EU, *Economic Systems*, Vol. 40, no. 4, p. 658—669. doi: 10.1016/j.ecosys.2016.05.003.
9. Kohler, W. 2004, Eastern enlargement of the EU: a comprehensive welfare assessment, *Journal of Policy Modeling*, Vol. 26, no. 7, p. 865—888. doi: 10.1016/j.jpolmod.2004.08.006.
10. Nahuis, R. 2004, One size fits all?: Accession to the internal market; an industry-level assessment of EU enlargement, *Journal of Policy Modeling*, Vol. 26, no. 5, p. 571—586. doi: 10.1016/j.jpolmod.2004.04.013.
11. Tang, D. 2016, Has the Financial Integration affected the European Union (EU) trade with the New Member Countries from Central and Eastern Europe (CEEC) during 1994—2013? *The Journal of Economic Asymmetries*, Vol. 13, p. 8—20. doi: 10.1016/j.jeca.2015.10.004.
12. Chidlow, A., Salciuviene, L., Young, S. 2009, Regional determinants of inward FDI distribution in Poland, *International Business Review*, Vol. 18, no. 2, p. 119—133. doi: 10.1016/j.ibusrev.2009.02.004.
13. Seck, A. 2012, International technology diffusion and economic growth: Explaining the spillover benefits to developing countries, *Structural Change and Economic Dynamics*, Vol. 23, p. 437—457. doi: 10.1016/j.strueco.2011.01.003.
14. Pavliková, L., Siničáková, M. 2012, Labor Market Indicators and Their Causalities: The Case of the New European Union Member States, *Procedia Economics and Finance*, Vol. 3, p. 1229—1237. doi: 10.1016/S2212-5671(12)00301-2.

15. Şener, S., Savrul, B. 2011, Europeanization of Labour Markets in New Member and Candidate States, *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, Vol. 24, p. 716—726. doi: 10.1016/j.sbspro.2011.09.053.
16. Raišienė, A.G., Bagdonienė, J., Bilan, Y. 2014, Inter-Institutional Interaction Results: The Effect of EU Programs on the Reduction of Long-term Unemployment, *Procedia Economics and Finance*, Vol. 16, p. 641—650. doi: 10.1016/S2212-5671(14)00852-1.
17. Boeri, T., Jimeno, J.F. 2016, Learning from the Great Divergence in unemployment in Europe during the crisis, *Labour Economics*, Vol. 41, p. 32—46. doi: 10.1016/j.labeco.2016.05.022.
18. Moldovan, I. 2015, Considerations on the Advantages and Disadvantages of Romania's Accession to the European, *Procedia Economics and Finance*, Vol. 27, p. 600—606. doi: 10.1016/S2212-5671(15)01039-4.
19. Maksimtsev, I.A., Mezhevich, N.M., Koroleva, A.V. 2017, Economic Development of the Baltic and Nordic Countries: Characteristics of Economic Models, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 41—54. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-4.
20. Prokopyev, E.A., Potasheva, O.V. 2016, Efficiency of the economy of integration associations: the experience of enlargement of the European union, *Management of economic systems. Scientific electronic journal*, no. 12, p. 11. (In Russ.)
21. Forte, A., Peiró-Palomino, J., Tortosa-Ausina, E. 2015, Does social capital matter for European regional growth? *European Economic Review*, Vol. 77, p. 47—64. doi: 10.1016/j.eurocorev.2015.03.013.
22. Postoiu, C. 2015, Regional Growth Patterns in the European Union, *Procedia Economics and Finance*, Vol. 30, p. 656—663. doi: 10.1016/S22125671(15) 012848.
23. Clemente, J., Pueyo, F., Sanz, F. 2009, Market potential, European Union and growth, *Journal of Policy Modeling*, Vol. 31, no. 5, p. 719—730. doi: 10.1016/j.jpolmod.2009.04.002.
24. Avilova, A.R. 2002, Reform of the regional management system in Italy, *Problemy teorii i praktiki upravlenija* [The International Journal Theoretical and Practical Aspects of Management], no. 6, p. 53—57. (In Russ.)
25. Yaskova, T.I., 2010, Migration attraction of Moscow capital region and transformation of the settlement system in the neighboring areas of the Smolensk region, *Journal Regional research*, no. 2, p. 91—98. (In Russ.)
26. Batavia, B., Nandakumar, P., Wague, C. 2013, Export stagnation and budget deficits in the peripheral EU nations with EMU membership, *The Journal of Economic Asymmetries*, Vol. 10, no. 2, p. 94—100. doi: 10.1016/j.jeca.2013.11.002.
27. Slavjanov, A.S. 2012, National priorities and foreign capital in Russia: problems and contradictions, *National interests: priorities and security*, no. 32, p. 7—12. (In Russ.)
28. Mezhevich, N. Kretinin, G., Fedorov, G. 2016, Economic and Geographical Structure of the Baltic Sea region, *Balt. reg.*, Vol. 8, no. 3, p. 11—21. doi: 10.5922/ 2079-8555-2016-3-1.
29. Druzhinin, P.V. 2015, Modeling of structural shifts based on special functions. In: *Gosudarstvo i biznes. Sovremennye problemy jekonomiki* [The state and business. Contemporary problems of economics], Materials of the VII International Scientific and Practical Conference, North-West Institute of Management, branch of RANEPa, Faculty of Economics and Finance, p. 11—16. (In Russ.)
30. Eurostat, 2016, *Eurostat Database*, available at: [http://ec.europa.eu/eurostat/data/ database](http://ec.europa.eu/eurostat/data/database) (accessed 07.08.2016).
31. The World Bank, 2016, *World Bank Open Data*, available at: <http://data.worldbank.org> (accessed 07.08.2016).
32. *Eurostat Yearbook*, 2000, A statistical eye on Europe, Eurostat. Office for Official Publications of the European Communities. Luxembourg, 544 p.
33. *Eurostat Yearbook '96*, 1996, Eurostat. Office for Official Publications of the European Communities, Luxembourg, 516 p.
34. *Regiony Rossii* [Regions of Russia], 2001, Stat. Sat. Vol. 2, Moscow, 827 p. (In Russ.)
35. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli 2010* [Regions of Russia. Socio-economic indicators], 2010, Moscow, 996 p. (In Russ.)

36. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli 2007* [Regions of Russia. Socio-economic indicators], 2007, Moscow, 981 p. (In Russ.)
37. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli 2016* [Regions of Russia. Socio-economic indicators], 2016, Moscow, 1326 p. (In Russ.)
38. Mikheeva, N.N. 2000, *Differenciacija social'no-jekonomicheskogo polozenija regionov Rossii i problemy regional'noj politiki* [Differentiation of socio-economic status of Russian regions and issues of regional policy], scientific report, no. 99/09, 60 p. (In Russ.)
39. Baza dannyh po kursam valjut2017, *The Central Bank of the Russian Federation*, available at: http://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx?VAL_NM_RQ=R01239&date_req1=01.01.2010 &date_req2=31.12.2010&rt=1&mode=1 (accessed 12.03.2017). (In Russ.)

The authors

Prof Pavel V. Druzhinin, Leading Research Fellow, Department of Regional Development Modelling and Forecasting, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia; Professor, Department of Economics and Management, Institute of Economics, Petrozavodsk State University, Russia.

E-mail: pdruzhinin@mail.ru

Dr Egor A. Prokopyev, Research Fellow, Department of Regional Development Modelling and Forecasting, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia; Associate Professor, Department of Economics and Finance, Karelian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: e_prokopiev@mail.ru

To cite this article:

Druzhinin P. V., Prokopyev E. A. 2018, An Assessment of the Economic Performance of the EU Baltic Region States, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 4—18. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-1.

**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФАКТОР РАЗВИТИЯ
РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА:
ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ
И СПЕЦИФИКА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Е. Л. Андреева^{1,2}

*А. В. Ратнер*¹

Ю. Г. Мыслякова^{1,2}

*П. Л. Глухих*¹

Актуальность исследования обусловлена существенными позициями Северо-Западного федерального округа (СЗФО) в российском экспорте. Это предопределило цель и задачи исследования: выявить взаимосвязь уровней внешне- и внутриэкономического развития округа, а также в какой степени институциональное обеспечение международного экономического сотрудничества выступает движущим фактором активной внешнеэкономической деятельности. Внешнеэкономическая деятельность была рассмотрена с точки зрения процессной и институциональной составляющей. Обоснована зависимость между изменением внешнеторгового оборота и показателей внутриэкономического развития регионов СЗФО. Проанализировано институциональное обеспечение в отношении предпосылок развития, уровней и сфер международного экономического сотрудничества. Анализ показал, что внутри- и внешнеэкономическое развитие регионов Северо-Запада тесно связаны, а внешнеэкономический фактор развития имеет широкое институциональное обеспечение в части международного сотрудничества, представленное на различных уровнях и в целом ряде сфер. Во многом это обусловлено особенностью регионов СЗФО, заключающейся в их транспортно-географическом положении; общей с сопредельными зарубежными регионами «северной» спецификой различных сфер экономики; многоуровневостью институционального оформления международного экономического сотрудничества в рассматриваемом международном регионе.

Ключевые слова: внешнеэкономический фактор развития, институциональное обеспечение, российский Северо-Запад, международное межрегиональное сотрудничество, Северная Европа, специфика северных регионов

Введение

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО), на долю которого приходится 9,85% территории и 9,47% населения РФ, в 2016 году занимал лидирующее положение по доле в российском внешнеторговом обороте (14%), значительно опережая следующие за

¹ Институт экономики, Уральское отделение РАН, 620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29.

² Уральский государственный экономический университет, 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

Поступила в редакцию 28.04.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-2

© Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Мыслякова Ю. Г., Глухих П. Л., 2018

ним Приволжский (10,2%) и Сибирский (7%) ФО (рассчитано по: [24]). В рейтинге 200 крупнейших российских компаний-экспортеров в 2015 году 28 предприятий — из СЗФО, что соответствует 14%. Как же взаимосвязаны уровни внешнеэкономического и внутриэкономического развития округа: насколько отражается такое внешнеэкономическое состояние на внутриэкономическом развитии? И что выступает движущими факторами активного участия регионов СЗФО в международном экономическом сотрудничестве? Можно сделать предположение, что связь существует и что движущим фактором активной внешнеэкономической деятельности регионов Северо-Запада выступает развитое институциональное обеспечение международного сотрудничества. Таким образом, цель данной статьи — определить, как внешнеэкономическое развитие отражается на социально-экономическом состоянии регионов Северо-Запада России и как оно стимулируется в институциональном плане.

Теоретические подходы к изучению регионального внешнеэкономического фактора

В научной литературе существует достаточное количество трудов, посвященных исследованию регионального внешнеэкономического потенциала. Обоснована роль межрегионального сотрудничества в социально-экономическом развитии региона [1]. Предлагается комплекс показателей для анализа экспортного потенциала региона: степень вовлеченности региона в международное разделение труда; развитость транспортной системы; мера участия в международных организациях; степень соответствия международным стандартам и правилам и др. [12, с. 8]. В исследованиях также используется понятие «международное экономико-географическое положение» (С.П. Земцов, В.Л. Бабурин), максимальный потенциал которого в России, по оценкам, сосредоточен в регионах на побережье Черного, Балтийского и Японского морей [7, с. 126]. Внешнеэкономическим связям Урала посвящены работы А.А. Мальцева [5].

Оценивается и влияние экспорта на ВРП, например с помощью логарифмической функции. Так, Л.М. Капустина исследует влияние открытости России в мировой экономике на национальную безопасность, в качестве показателей которой берутся динамика ВВП, доля инвестиций в ВВП, бюджетные расходы на науку, доля импорта в потреблении населения, доля людей с низкими доходами, разрыв между доходами, доля иностранных инвестиций в общем объеме капиталовложений и др. [8, с. 259—278]. На базе показателей внешнеэкономической деятельности оцениваются риски, угрозы и уровень использования конкурентных преимуществ приграничных регионов [10, с. 5]. Предлагается методика оценки готовности регионов к функционированию в условиях членства страны в ВТО [9, с. 3; 11], методика анализа моделей внешнеэкономических связей региона — традиционной и геоэкономической — в контексте возможных негативных последствий вступления страны в ВТО [30]. Национальное институциональное обеспечение федерального и регионального регулирования отражено в работах [23, с. 49; 16, с. 57—59] и др. При этом, как отмечает Н.Н. Евченко, заключение договоров о международном сотрудничестве относится к механизмам управления внешнеэкономической деятельностью региона [6, с. 26]. И все же оценка взаимосвязи уровней внешне- и внутриэкономического развития региона в современных исследованиях остается не вполне изученной. Кроме того, при исследовании внешнеэкономической деятельности региона недостаточно внимания уделяется специфике институционального обеспечения отдельных регионов.

Специфика регионов Северо-Запада России

Для регионов СЗФО характерна следующая специфика, оказывающая влияние на развитие международного сотрудничества на различных уровнях и в целом ряде сфер:

— приграничное и приморское положение, развитость (в том числе историческая) торгово-транспортной инфраструктуры;

— развитый научно-образовательный потенциал в крупных городах, в частности особый потенциал Санкт-Петербурга (административного центра округа) и двух федеральных вузов (в Архангельске и Калининграде), который активно задействован в развитии международного научно-образовательного взаимодействия [31], в том числе сетевого;

— общая с граничащими зарубежными регионами «северная» специфика различных сфер хозяйства, делающая актуальным решение схожих вопросов и, как следствие, необходимость обмена опытом, особенно по вопросам сохранения в регионах северных стран экосреды (в виде охраны окружающей среды, разумного лесопользования и др.); развития транспортной инфраструктуры в условиях Севера (его затрудняют суровый климат и малая освоенность территорий); энергообеспечения (в связи с природными условиями потребности в развитии топливного секторе либо в приобретении топлива); развития сельского хозяйства в экстремальных условиях (вследствие климата — уклон в сторону животноводства); предпринимательства, в том числе молодежного; сохранения коренных малочисленных народов Севера; подготовки кадров, владеющих знанием северной специфики (в разных сферах хозяйства); развития туризма (благодаря уникальным природно-рекреационным зонам); обеспечения социальной инфраструктурой малоосвоенных территорий;

— близость к странам Северной Европы и другим странам ЕС, где активно представлено международное межрегиональное сотрудничество, в том числе на многосторонней основе, и институциональное обеспечение финансирования международного развития (устойчивого социально-экономического развития, развития транспортной инфраструктуры и др.) в виде международных программ, а также прилагаются усилия по формированию общей трансрегиональной идентичности северного макрорегиона;

— многообразие институционального оформления международного экономического сотрудничества в рассматриваемом макрорегионе. Географическим фокусом выступает пространство международного экономического взаимодействия, где наиболее активно в силу своего географического положения участвует Северо-Запад России.

В рассматриваемом географическом фокусе Северо-Запад России имеет внешнеэкономические связи со странами, входящими в целый ряд объединений или макрорегионов: Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР), Прибалтика, Балтийский регион, Совет государств Балтийского моря, Северное измерение, Арктический совет. Так, в БЕАР входят наряду с Россией Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания и Исландия. Россия, Дания, Швеция, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Польша и Германия представляют страны Балтийского региона (омываемые Балтийским морем). Вместе с Норвегией и Исландией они образуют Совет государств Балтийского моря. Еще более широкий охват имеет Северное измерение — «политическая концепция, имеющая задачу привлечения внимания Европейского союза к проблемам Северной Европы и развитию сотрудничества с Россией, в особенности с ее Северо-Западным регионом. На практике данная программа — это деятельность в сфере проек-

тов Евросоюза в территориальных границах Северного измерения», охват которого очерчивается «открытой» окружностью, включающей пространство от Баренцева моря до Северной Германии. Открытость окружности подчеркивает принадлежность к ней, с одной стороны, Исландии, США и Канады, с другой — также отдаленных арктических территорий [29, с. 5—7] (рис.).

Рис. Географический охват объединений Северной Европы в рамках взаимодействия с Северо-Западом России

Источник: веб-страницы норвежского Баренцева секретариата (<http://barents.no/en/barents-region-0>) [20] и Совета государств Балтийского моря (<http://www.cbss.org/council/>) [29, с. 6—7].

Схожие природно-климатические условия (обусловившие схожий уклад, структуру хозяйства) и длительные торгово-экономические и культурные связи регионов Северо-Запада России и граничащих с ними регионов Северной Европы обуславливают актуальность международного экономического партнерства, сотрудничества в рассматриваемом географическом фокусе, в том числе на уровне регионов. При этом в регионе Баренцева моря большая часть населения и территории относится к России, так же, как и крупнейшие города, где проживает большинство населения региона, что говорит о важной роли России, в том числе СЗФО, в данном регионе (табл. 1).

Таблица 1

**Доля регионов — членов Баренцева регионального совета
(сотрудничество в рамках БЕАР на уровне регионов)
в его населении и территории**

Страна	Регион	Доля в населении, %	Доля в территории, %
Россия	Республика Карелия	12,0	10,3
	Республика Коми	16,3	23,7
	Архангельская область (и Ненецкий автономный округ в ее составе)	22,4	33,5
	Мурманская область	14,5	8,2
	<i>Всего</i>	65,3	75,7
Финляндия	Лапландия	3,4	5,3
	Кайнуу	1,4	1,1
	Оулу (Северная Остроботния)	7,8	2,1
	Северная Карелия	3,1	1,0
	<i>Всего</i>	15,8	9,5
Швеция	Норрботтен	4,8	5,5
	Вестерботтен	5,1	3,1
	<i>Всего</i>	9,8	8,6
Норвегия	Нурланд	4,6	2,1
	Финнмарк	1,4	2,6
	Тромс	3,1	1,4
	<i>Всего</i>	9,0	6,1

Примечание: Всего в регионах — членах Баренцева регионального совета проживает 5244 тыс. чел. на территории 1764 тыс. кв. км.

Составлено и рассчитано по данным статистических служб России [24], Норвегии (<http://www.ssb.no/a/english/aarbok/tab/tab-050.html>) [38], Швеции (<http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/>) [37], Финляндии (http://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html) [35]. Данные по России и Швеции — 2016 года, Норвегии — 2013 года, Финляндии — 2017 года.

Если брать во внимание валовые масштабы стран, входящих в БЕАР, а также взять случай более обширного объединения — Совета государств Балтийского моря, то доля России в ВВП, численности населения и экспорте будет также представительной. В рамках Арктического совета доли России — менее высокие, хотя и достойные; но в эту организацию помимо всех членов БЕАР входят такие страны Группы семи, как США и Канада (табл. 2).

Таблица 2

**Доли России в выбранных объединениях
рассматриваемого географического фокуса, %**

Объединение	ВВП, дол. (текущие цены)	Численность населения, чел.	Экспорт, млн дол. (текущие цены)
Баренцев Евро-Арктический регион	48,8	84,5	45,8
Совет государств Балтийского моря	20,3	48,6	14,7
Арктический совет	6,1	29,3	12,8

Составлено и рассчитано по [34; 40].

При этом, согласно Стратегии развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года, в ее Арктическом бассейне в перспективе за счет строительства новых портов и развития существующих мощности портов в целом могут увеличиться в 1,6—2,8 раза (энерго-сырьевой и инновационный сценарий; относительно 2013 года). Порт Мурманск при этом может стать крупнейшим центром перевалки как внешнеторговых, так и арктических грузов [28].

Модель оценки влияния внешнеэкономического фактора на социально-экономическое развитие регионов

Для оценки влияния внешнеэкономического фактора на социально-экономическое развитие регионов представляется целесообразным разбить внешнеэкономический фактор на две составляющие — процессную и институциональную. Процессная составляющая включает такие элементы, как развитость внешнеторговых связей (включает торговлю товарами, услугами, технологиями), международную инвестиционную активность территорий и сферу международной трудовой миграции. В институциональную составляющую входят международные соглашения об экономическом сотрудничестве различного уровня.

Оценка влияния в случае процессной составляющей состоит в расчете коэффициентов корреляции между показателями внутри- (x) и внешнеэкономического (y) развития регионов, ($y(x) = y_n(x_n)$). Внешнеэкономическое развитие в наибольшей степени выражается показателем внешнеторгового оборота. В качестве рассматриваемых параметров целесообразно взять показатели, характеризующие производственный, сырьевой, инвестиционный, интеллектуальный и другие потенциалы, а именно:

x_1 — масштаба экономики региона (валовой региональный продукт, млн дол.);

x_2 — специализации (объем отгруженных товаров собственного производства в сфере «обрабатывающие производства», млн дол.);

x_3 — минерально-ресурсный (доля региона в общероссийской добыче полезных ископаемых, %);

x_4 — трудовой (число занятых, чел.);

x_5 — транспортный (перевозка грузов и грузооборот автомобильного, железнодорожного, морского и авиатранспорта, млн т);

x_6 — технологический (объем произведенных инновационных товаров, работ и услуг, млн дол.);

x_7 — интеллектуальный (выпуск лиц с высшим образованием, чел.);

x_8 — внутренние затраты на НИР (млн дол.);

x_9 — предпринимательский (оборот малых предприятий, млн дол.);

x_{10} — инвестиционный (инвестиции в основной капитал, млн дол.).

Таким образом, $y(x) = y_n(x_1, x_2, x_3, x_4, x_5, x_6, x_7, x_8, x_9, x_{10})$.

Корреляционную взаимосвязь ввиду существенного воздействия мирового финансового кризиса 2008—2009 годов на изменение трендов развития целесообразно рассмотреть за период 2010—2015 годов.

Величина коэффициента корреляции будет показывать степень корреляционной взаимосвязи y и x (в соответствии со шкалой Чеддока: 0,1—0,3 — слабая сила связи, 0,3—0,5 — умеренная, 0,5—0,7 — заметная, 0,7—0,9 — высокая, 0,9—0,99 — весьма высокая).

Апробация модели на примере регионов СЗФО

Разработанная нами модель была апробирована на примере СЗФО (табл. 3). Весьма высокая сила корреляционной связи изменения выбранных показателей с динамикой внешнеторгового оборота для Санкт-Петербурга (ВРП, объем отгруженных товаров в сфере обрабатывающей промышленности, инновационное производство и внутренние затраты на научные исследования и разработки) соотносится с его позицией важнейшего производственного, инновационного и научно-образовательного центра российской экономики.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между объемом внешнеторгового оборота и показателями регионального экономического развития для Северо-Западного федерального округа, 2010—2015 годы

Регион	ВРП	Объем отгруженных товаров в сфере обрабатывающей промышленности	Удельный вес в общероссийской добыче полезных ископаемых	Среднегодовая численность занятых в экономике	Перевозка грузов железнодорожным и автотранспортом	Объем инновационных товаров, работ, услуг	Выпуск бакалавров, специалистов, магистров	Внутренние затраты на научные исследования и разработки	Оборот малых предприятий	Инвестиции в основной капитал
Санкт-Петербург	0,97	0,98	-0,19	0,04	0,52	0,92	-0,16	0,94	0,77	0,47
Республика Карелия	0,46	0,95	0,98	0,93	-0,10	0,60	0,87	0,23	0,44	0,62
Республика Коми	0,61	0,80	-0,74	-0,24	0,78	0,63	-0,58	0,76	0,30	0,63
Архангельская область	0,03	-0,34	0,92	0,82	-0,84	-0,38	0,92	-0,48	-0,18	-0,03
Ненецкий АО	0,49	-0,64	0,78	-0,97	-0,39	0,91	—	-0,19	0,13	-0,84
Калининградская область	0,60	0,81	-0,56	0,86	0,77	-0,03	-0,42	-0,32	-0,50	0,02
Ленинградская область	0,77	0,76	0,07	0,70	0,64	0,26	-0,09	0,73	0,85	0,57
Мурманская область	0,52	0,02	0,16	0,01	-0,17	0,04	-0,05	0,28	0,37	0,54
Вологодская область	0,88	0,88	-0,22	0,14	0,56	-0,49	0,45	0,64	0,91	0,88
Новгородская область	0,92	0,83	-0,15	-0,03	0,48	-0,44	-0,20	0,67	0,97	0,74
Псковская область	0,94	0,94	Отсутствует	0,91	0,84	0,59	0,47	-0,21	0,98	0,89

Рассчитано по [24].

В случае Псковской, Новгородской и Вологодской областей весьма высокая сила корреляционной связи по таким показателям, как ВРП, обрабатывающая промышленность, число занятых и оборот малых предприятий говорит о результативности проводимой политики содействия развитию промышленности и малому и среднему бизнесу на региональном уровне.

Для Республики Карелия, Архангельской области и Ненецкого АО наиболее ярко выраженной является зависимость удельного веса в общероссийской

добыче полезных ископаемых, однако у Карелии в отличие от двух других регионов она еще весьма высока для объема отгруженных товаров в сфере обрабатывающей промышленности.

В целом высокая и средняя сила корреляционной связи в наибольшей степени проявлена по двум показателям: ВРП и объем обрабатывающей промышленности (в каждом случае по 8 регионов из 11), на втором месте по силе связи (7 регионов) — показатель инвестиций в основной капитал, на третьем (6 регионов) — показатель грузоперевозок, на четвертом (5 регионов) — 4 показателя: численность занятых, объем инновационных товаров, затраты на НИОКР и оборот малых предприятий. Последнее место (2 региона) по выпуску специалистов объясняется спадом рождаемости в соответствующей возрастной группе в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Таким образом, для 8 показателей из 10 наблюдаются случаи высокой силы связи с динамикой внешней торговли, что свидетельствует о том, что уровни внутри- и внешнеэкономического развития Северо-Западных регионов тесно связаны и изменение внешнеторгового оборота может служить вкладом в общее социально-экономическое развитие.

Оценка специфики институционального обеспечения внешнеэкономического фактора Северо-Западных регионов России

Выявленный высокий уровень развития внешнеэкономической деятельности в СЗФО побуждает исследовать, какими институциональными инструментами международного сотрудничества он обеспечивается и в чем специфика этого институционального обеспечения.

Проведение анализа институционального обеспечения международного экономического сотрудничества регионов СЗФО заключалось в выявлении соглашений о таком сотрудничестве, в которых данные регионы участвуют напрямую или косвенно. Несомненно, в качестве региона с наиболее развитым институциональным обеспечением внешнеэкономической деятельности выступает Санкт-Петербург как один из важнейших экономических центров, имеющий двусторонние документы о сотрудничестве с 93 зарубежными городами и 25 зарубежными регионами [27]. Развитым институциональным обеспечением (19 международных соглашений о сотрудничестве) обладает также Калининградская область. У Ленинградской области имеются 16 соглашений об экономическом и прочем сотрудничестве с региональными и федеральными властями зарубежных стран [4]. Партнерами Республики Карелия по международному сотрудничеству выступают территории из 11 стран [18]. Развитым институциональным обеспечением внешнеэкономической деятельности обладают также Мурманская и Архангельская области. Непременными зарубежными партнерами выступают регионы стран обозначенного географического фокуса (включающего страны Совета государств Балтийского моря и другие страны Северного измерения), часть которых — арктические. Международные соглашения об экономическом сотрудничестве, в которых участвуют регионы СЗФО, были нами типологизированы, что позволило выделить следующие уровни:

1. *Многостороннее межгосударственное экономическое сотрудничество.* Россия участвует в различных международных соглашениях и организациях, касающихся развития и освоения Арктики, например входит в уже упоминавшийся Арктический совет. Также по инициативе России в 2013 г. был создан *Международный экспертный совет по сотрудничеству в Арктике*, включаю-

ций научные организации пяти полярных стран (Россия, Дания, Канада, Норвегия, США). Деятельность по развитию Арктики касается, соответственно, Северных регионов. В СЗФО арктическими территориями (в соответствии с Указом Президента РФ № 296 от 02.05.2014 г.) обладают Республика Коми, Мурманская и Архангельская области, Ненецкий АО.

К данному уровню может быть отнесено и сотрудничество в рамках *БЕАР*, созданного (как организация) в 1993 году с целью развития международного сотрудничества. В рамках *БЕАР* действуют пять рабочих групп, подчиненных Совету *БЕАР* (<http://www.barentscooperation.org/en>), а также независимая Рабочая группа по вопросам коренных народов, тесно взаимодействующая с Советом [20]. Развитие может получить такой формат сотрудничества, как форумы. Так, в рамках *БЕАР* планируется провести форум, аналогичный Давосскому.

2. *Двустороннее межгосударственное экономическое сотрудничество*. В этом случае институциональное обеспечение может создаваться в том числе и на уровне регионов. Так, Ненецкий АО участвует в *Финляндско-Ненецкой подгруппе* Рабочей группы по межрегиональному сотрудничеству Межправительственной российско-финляндской комиссии по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству [4].

Сюда же относятся и двусторонние *программы приграничного сотрудничества России и ЕС* на период до 2020 года, которые предполагают сотрудничество между восточноевропейскими странами-членами ЕС и регионами СЗФО России: «Юго-Восточная Финляндия — Россия» (г. Санкт-Петербург, Ленинградская область и Республика Карелия), «Карелия» (Россия (Республика Карелия, г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Мурманская и Архангельская области) — Финляндия); «Россия — Эстония» и «Россия — Латвия» (Ленинградская и Псковская области, г. Санкт-Петербург).

Также сюда входит реализованная в первой половине 2000-х годов уже упоминавшаяся *инициатива ЕС «Северное измерение»*, затрагивавшая трансграничное сотрудничество в сфере экологии, транспортной инфраструктуры и др. [3, с. 55].

3. *Многостороннее транснациональное межрегиональное экономическое сотрудничество*. Имеет место, когда сотрудничают регионы нескольких стран, граничащих между собой или расположенных в одном регионе. Сюда может быть отнесено сотрудничество между регионами (14) стран-членов *БЕАР*, оформленное в виде *Баренцева регионального совета* (таким образом, в рамках *БЕАР* сотрудничество осуществляется на двух уровнях). Его членами от России выступают Республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области и Ненецкий АО, входящие в СЗФО. В рамках данного совета действуют три рабочие группы. Так, в Республике Карелия, сотрудничающей в рамках *БЕАР* в том числе с тремя норвежскими губерниями, при финансовой поддержке норвежского Баренцева секретариата в 2015 году было реализовано 19 проектов на сумму 3,5 млн крон [4].

К данному уровню сотрудничества может быть отнесен также *Северный форум* — международная неправительственная организация губернаторов северных регионов, выступающая наблюдателем Арктического совета. В 2015 году была подписана Якутская декларация данного форума, где приняли участие помимо российских регионов (Республика Якутия, Чукотский и Ненецкий АО, ХМАО, Красноярский край, ЯНАО) также зарубежные территории — г. Акурейри (Исландия) и Кангвон (Республика Корея). В декларации предусмотрено усиление позиций Северного форума в Арктическом совете с целью

повышения его статуса и более тесного взаимодействия с рабочими группами и со структурами Арктического совета в решении насущных проблем устойчивого развития Севера [14]. В Северном Форуме участвует Ненецкий АО, а в реализации проектов Северного Форума — Республика Коми.

Здесь же относятся и *программа приграничного сотрудничества «Колларктик»*: между Северным Калоттом (Финляндия, Швеция, Норвегия) и Северо-Западом России (г. Санкт-Петербург, Мурманская, Архангельская и Ленинградская области, Республика Карелия, Ненецкий АО) [22].

К данному уровню относятся *еврорегионы* — форма трансграничного сотрудничества европейских стран, в которой задействованы и регионы СЗФО России. Так, Калининградская область участвует в деятельности пяти еврорегионов («Балтика», «Неман» и др.).

4. *Двустороннее международное межрегиональное экономическое сотрудничество*. Так, Калининградская область имеет международные соглашения о сотрудничестве с регионами Литвы (с пятью), Польши (с четырьмя), Беларуси (с тремя) (с регионами данных стран организованы Советы по долгосрочному сотрудничеству), Дании, Швеции, Германии (с двумя) [3]. В Калининградской области ежегодно с 2008 года проводится Форум регионов-партнеров. У Мурманской области заключены соглашения с административно-территориальными единицами государств Северной Европы: Норвегии (с областями Финнмарк (с которой также сотрудничает уже 25 лет Архангельская область), Тромс, Рогаланд), Финляндии (с губернией Оулу, Лапландия, Северная Остроботния), Швеции (с областью Норрботтен) [15]. У Ленинградской области имеются соглашения об экономическом и прочем сотрудничестве с региональными и федеральными властями Финляндии (с двумя регионами), Норвегии, Беларуси (с четырьмя регионами) и др. [26].

5. *Международное сотрудничество на уровне городов (побратимские связи)*. Так, Санкт-Петербург имеет двусторонние документы о сотрудничестве с 93 зарубежными городами. Города Новгородской, Калининградской, Вологодской, Псковской и Ленинградской областей входят в Ганзейский союз Нового времени, который представляет собой случай многостороннего сотрудничества (включает более 187 городов из 16 стран), направленного на развитие торгово-экономических и культурных отношений между городами [36]. Существует сотрудничество «городов-близнецов» (Нарва — Ивангород, Иманра — Светогорск и др.) — граничащих городов сопредельных стран, имевших общее историческое прошлое [2, с. 29—30].

Соглашениями предусматривается ряд сфер сотрудничества:

1. *Общэкономическое сотрудничество* предполагает широкий спектр возможных направлений — торговлю, инвестиции, кооперацию [32]. Эта сфера представлена в соглашениях всех уровней. Так, в рамках БЕАР на межгосударственном уровне действует рабочая группа по экономическому сотрудничеству, а на межрегиональном — по инвестициям и экономическому сотрудничеству. Северным форумом реализовывалась программа по устойчивому экономическому развитию (Сеть северных и циркумполярных бизнес-ассоциаций). Задачами программы «Колларктик» являются поддержка социально-экономического развития в сотрудничающих регионах, создание условий для развития мобильности товаров, капитала, людей и др. [19]. Важным направлением в данной сфере выступает развитие деловой среды и предпринимательства. Так, данные темы обсуждались в разные годы в рамках Форума регионов-партнеров Калининградской области. У Республики Карелия с 1994 года действует договор о сотрудничестве со шведской губернией Вестерботтен, в рамках которого в течение многих лет успешно реализуется проект «Шведско-карельский информационный бизнес-центр».

Часто соглашения предусматривают широкий охват возможных сфер сотрудничества. Так, в соответствии с соглашениями Мурманской области с регионами Норвегии, Финляндии и Швеции сотрудничество может осуществляться в различных сферах хозяйства региона и в различных торгово-экономических формах (торговля, промышленная кооперация, ПИИ, организация выставок-ярмарок, совещаний и симпозиумов, развитие прямых партнерских связей между ассоциациями и фондами, обмен информационными материалами) [15].

2. *Охрана окружающей среды* — одна из самых актуальных тем [39]. Так, в рамках БЕАР как на межгосударственном, так и на межрегиональном уровне действует рабочая группа по окружающей среде, а на межгосударственном — также и по лесной сфере. Одной из задач программы «Коларктик» выступает решение общих задач в сфере экологии и здравоохранения [19]. Так, Ненецким АО в рамках программы подготовлена заявка по проекту внедрения альтернативных источников энергии в регионе («АРКсинопсис») [13].

В 2014—2015 годах Республикой Карелией со шведской губернией Вестерботтен осуществлялось сотрудничество по таким направлениям, как возобновляемая энергетика, экоэффективные сообщества, внедрение энергосберегающих технологий.

3. *Транспортная инфраструктура*. В рамках БЕАР на межгосударственном уровне действует рабочая группа по транспортному пространству, а на межрегиональном — по транспорту и логистике. Еврорегионы также предполагают сотрудничество в области транспорта. Примером двусторонних отношений является совместный проект Республики Коми и Финляндии по строительству железной дороги из Оулу через Архангельск и Сыктывкар в Пермь [17]. Также важнейшее направление развития инфраструктуры ВЭД и международного сотрудничества связано с Северным морским путем, который определяется как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике». Изучением этого пути занимался еще М.В. Ломоносов, представивший труд «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». «Промышленный» морской путь, проходящий вблизи Северного полюса, был намечен Д.И. Менделеевым, которым также участвовал в работе над проектами ледоколов [41]. В 2016 году грузопоток по Севморпути стал рекордным, впервые за 30 лет превзойдя пик советского времени, а по подсчетам Госкомиссии по вопросам развития Арктики, в целом за 2014—2022 годы он может вырасти в десять раз [42]. Рост значения пути будет связан с развитием производства сжиженного природного газа на Ямале, начало которого планируется в ближайшем времени [43]. По расчетам Китая, к 2020 году на этот путь может приходиться до 1/7 его внешнего грузопотока. Южная Корея также планирует войти в число лидеров по морским перевозкам в полярной зоне.

4. *Прочие сферы*: туризм, научно-образовательная сфера, коренные малочисленные народы Севера, спасательное дело (в частности, рабочая группа в рамках БЕАР), культура и др. Так, международные связи Ненецкого АО в рамках БЕАР развиваются в сфере внедрения телемедицины (в 2017 году запущен российско-норвежский проект «Инновационные технологии для повышения качества жизни на Крайнем Севере»), по проблемам экологии, северных коренных малочисленных народов, в сфере туризма и др. [13]. Примером является сотрудничество Республики Коми с Финляндией, которое осуществляется по линии развития сельского хозяйства, оленеводства, лесной отрасли, туризма, и др. [17]. Архангельской областью в рамках БЕАР достигнута договоренность об организации бизнес-экскурсий (бизнес-туризм) в Архангельск для представителей норвежских компаний, входящих в Арктический морской

кластер [21]. Благодаря сосредоточению научно-образовательного потенциала Архангельская область занимает важное место в международном научном сотрудничестве по исследованию Арктики. Большим научно-образовательным потенциалом обладает и Калининградская область, где находится Балтийский федеральный университет им. И. Канта. В многостороннем формате образовательное сотрудничество осуществляется в рамках международного сетевого образовательного проекта «Баренц-Трансграничный университет» при участии Северного арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова, а также Канады, Дании и Гренландии [25].

Заключение

Проведенный анализ позволил получить следующие выводы:

— уровни внутри- и внешнеэкономического развития Северо-Западных регионов тесно связаны, и укрепление внешнеторговых связей может являться вкладом в общее социально-экономическое развитие региона;

— внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада имеет весьма серьезное институциональное обеспечение в части международного сотрудничества, представленное на различных уровнях и в целом ряде сфер. В частности, оно выражается в виде многостороннего и двустороннего межгосударственного экономического сотрудничества, приграничного сотрудничества России и ЕС, многостороннего и двустороннего транснационального межрегионального экономического сотрудничества и международного сотрудничества на уровне городов. Сферы сотрудничества в таких областях, как торговля, инвестиция, кооперация, обмен опытом, охватывают широкий спектр сфер экономики — промышленность, экологию, транспортную инфраструктуру, туризм, науку, образование и др.;

— высокая развитость внешнеэкономических связей и их институционального обеспечения обусловлена спецификой регионов СЗФО, заключающейся в их уникальном транспортно-географическом положении; общей с граничащими зарубежными регионами «северной» специфике различных сфер экономики (связанной с природно-географическими особенностями); близости к европейским странам, где развиты международное сотрудничество на различных уровнях и финансирование международного развития; многоуровности институционального оформления международного экономического сотрудничества в макрорегионе, где Северо-Запад России в силу своего географического положения позиционируется наиболее активно.

Список литературы

1. Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Роль межрегионального сотрудничества в социально-экономическом развитии региона // Экономика региона. 2011. № 1. С. 176—181.
2. Анищенко А.Г., Сергунин А.А. «Города-близнецы»: новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе? // Балтийский регион. 2012. № 1. С. 27—38.
3. Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. «Северное измерение»: стратегии участников // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 55—63.
4. Внешнеэкономические связи субъектов РФ // МИД РФ : [веб-сайт]. URL: <http://www.mid.ru/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii> (дата обращения: 14.04.2017).
5. Внешнеэкономические связи Урала на рубеже столетий : учеб. пособие : в 2 ч. / А.А. Мальцев ; отв. ред. А.И. Татаркин ; Урал. гос. экон. ун-т; Ин-т эк-ки УрО РАН. Екатеринбург, 2009.

6. *Евченко Н.Н.* Внешнеэкономический комплекс региона России: структура и подсистемы управления // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. №2. С. 24—34.
7. *Земцов С.П., Бабурин В.Л.* Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 1. С. 117—138.
8. *Капустина Л.М.* Регион в мировом и национальном экономическом пространстве. Екатеринбург, 2000.
9. *Стровский Л.Е., Цзян Цзин.* Китай после вступления в ВТО. Адаптация китайской экономики к условиям мирового хозяйства : монография. М., 2007.
10. *Котилко В.В., Немирова Г.И., Пашенных Ф.С.* Конкурентоспособность и экономическая безопасность приграничных регионов: реалии и перспективы // Приоритеты России. 2013. №46 (235). С. 2—7.
11. *Линецкий А.Ф.* Развитие внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации в условиях ее интеграции в мировую экономику : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2011.
12. *Масленников М.И.* Пути наращивания экспортного потенциала и внешнеэкономической экспансии России и регионов Урала. Екатеринбург, 2008.
13. *Международная деятельность* // Инвестиционный портал Ненецкого автономного округа. URL: <http://invest.adm-nao.ru/nao/international/> (дата обращения: 14.04.2017).
14. *Международное сотрудничество* // Департамент по внешним связям Республики Саха (Якутия) : [веб-сайт]. URL: <https://mvs.sakha.gov.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 14.04.2017).
15. *Международное сотрудничество* // Минэкономразвития Мурманской области : [офф. сайт]. URL: <http://minec.gov-murman.ru/activities/intercoop/> (дата обращения 14.04.2017).
16. *Мингалёва Ж.А., Оборина Е.Д., Лосева Е.Ю.* К вопросу о роли институциональных факторов в процессе управления региональной внешнеэкономической деятельностью // Вестник Пермского университета. Экономика. 2011. №1(8). С. 55—61.
17. *Национальные отношения, международное и межрегиональное сотрудничество* // Республика Коми : [офф. сайт]. URL: <http://www.rkomi.ru/page/424> (дата обращения: 14.04.2017).
18. *Партнеры* Республики Карелия по международному сотрудничеству // Официальный интернет-портал Республики Карелия. URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/inter5.html> (дата обращения: 14.04.2017).
19. *ПИС «Коларктик 2014—2020»* // Kolarctic : [веб-сайт]. URL: <http://kolarctic.info/ru/kolarctic-2014-2020-ru/> (дата обращения: 14.04.2017).
20. *Председательство РФ в Совете БЕАР* : [веб-сайт]. URL: <http://beac-russia.com> (дата обращения: 07.07.2017).
21. *Пресс-центр* Правительства Архангельской области. URL: <https://dvinland.ru> (дата обращения: 30.10.2016).
22. *Программы приграничного сотрудничества «Россия — ЕС» 2014—2020 гг.* // Портал внешнеэкономической информации Минэкономразвития России. URL: http://www.ved.gov.ru/interreg_cooperation/cooperation_program/cooperation_new/ (дата обращения: 14.04.2017).
23. *Прудский В.Г., Демин Г.А.* Организационно-экономический механизм стратегического регулирования регионального внешнеэкономического комплекса // Вестник Пермского университета. Экономика. 2011. №1(8). С. 45—54.
24. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010—2016* : стат. сб. / Росстат. М., 2010—2016.
25. *Сергеев А.М., Рыжкова И.В.* Трансграничное образовательное пространство: северное измерение интернационализации высшей школы // Пространство и время. 2013. Т. 3, вып. 1. С. 19.
26. *Соглашения* Правительства Ленинградской области с зарубежными партнерами // Комитет по внешним связям Ленинградской области : [веб-сайт]. URL: <http://inter.lenobl.ru/programm/mprog> (дата обращения: 14.04.2017).
27. *Статистика* Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/statistic/ (дата обращения: 14.04.2017).

28. *Стратегия* развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 г. (одобрена на совещании членов Морской коллегии при Правительстве РФ 28.09.2012 г.). М., 2013.
29. *Финляндия и Северное измерение* / МИД Финляндии. Хельсинки, 2006.
30. *Фролова Е.Д., Фролов А.А.* Геоэкономический механизм осуществления внешнеэкономической деятельности в условиях свободного глобального рынка // Вестник Урал. федер. ун-та. Сер. Экономика и управление. 2012. №3. С. 109—115.
31. *Andreeva E. L., Zakharova V. V., Myslyakova Y. G. et al.* Organization of innovative systems in global economy // SGEM 2016: Proceedings of 3-rd international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Economics and tourism. Sofia, 2016. Book 2, vol. 5. P. 487—493.
32. *Bourmistrov A., Mellemvik F., Bambulyak A. et al.* International Arctic petroleum cooperation: Barents Sea scenarios. Taylor and Francis Inc., 2015.
33. *Čábelková I., Mitsche N., Strielkowski W.* Attitudes Towards EU Integration and Euro Adoption in the Czech Republic // Economics and Sociology. 2015. Vol. 8, №2. P. 93—101.
34. *Merchandise: Total trade and share, annual, 1948—2016* // UNCTADstat web-platform. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=101> (дата обращения: 07.07.2017).
35. *Population* // Statistics Finland : [web-site]. 10.05.2017. URL: http://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html (дата обращения: 07.07.2017).
36. *Städtebund «Die Hanse»* : [web-site]. URL: hanse.org (дата обращения: 04.04.2017).
37. *Statistical database* // Statistics Sweden : [web-site]. URL: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (дата обращения: 07.07.2017).
38. *Statistical Yearbook of Norway 2013* // Statistics Norway : [web-site]. URL: <http://www.ssb.no/a/english/aarbok/tab/tab-050.html> (дата обращения: 07.07.2017).
39. *Sydnes A. K., Sydnes M.* Norwegian-Russian cooperation on oil-spill response in the Barents // Sea, Marine Policy. 2013. Vol. 39, №1. P. 257—264.
40. *World development indicators* // World bank : [web-site]. URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GDP.PCAP.CD&id=af3ce82b&report_name=Popular_indicators&populartype=series&ispopular=y# (дата обращения: 07.07.2017).
41. *Биография Д.И. Менделеева* // Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева : [сайт]. URL: <http://www.muctr.ru/about/history/mende/> (дата обращения: 17.07.2017).
42. *Россия может к 2022 году увеличить загрузку Севморпути до 40 млн тонн грузов* // ТАСС: информационное агентство России : [сайт]. URL: <http://special.tass.ru/ekonomika/4134998> (дата обращения: 17.07.2017).
43. *НОВАТЭК закрыл сделку по продаже Китайской нефтегазовой корпорации 20% в «Ямал СПГ»* // ТАСС: информационное агентство России : [сайт]. URL: <http://special.tass.ru/ekonomika/885773> (дата обращения: 10.08.2017).

Об авторах

Елена Леонидовна Андреева, доктор экономических наук, профессор, руководитель центра региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; профессор, Уральский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: elenandr@mail.ru

Артем Витальевич Ратнер, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, Россия.

E-mail: aratner@inbox.ru

Юлия Геннадьевна Мыслякова, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; Уральский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: jul_jul@inbox.ru

Павел Леонидович Глухих, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, Россия.

E-mail: gluchih_p_l@mail.ru

Для цитирования:

Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Мыслякова Ю.Г., Глухих П.Л. Внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада: оценка влияния и специфика институционального обеспечения // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №1. С. 19—36. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-2.

THE EXTERNAL ECONOMIC FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF NORTHWESTERN REGIONS: INSTITUTIONAL SUPPORT
AND AN IMPACT ASSESSMENT

E. L. Andreeva^{1,2}

A. V. Ratner¹

Y. G. Myslyakova^{1,2}

P. L. Glukhikh¹

¹ Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
29 Moskovskaya Str. Yekaterinburg, 620014, Russia

² Urals State University of Economics,
8 Marta St, Yekaterinburg, 620144, Russia

Submitted on April 28, 2017

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-2

This research is warranted, since the Northwestern Federal District accounts for a significant proportion of Russia's exports. The study aims to reveal the connection between the federal district's external and internal economic development and to identify the extent to which institutional support for international economic cooperation facilitates brisk international trade. The authors consider international trade from the perspective of its procedural and institutional components. The study stresses dependence between the total international trade and internal economic performance of Russia's North-West. Another focus is an analysis of institutional support for the development factors and the levels and areas of international economic cooperation. The analysis shows that the Northwestern regions' external and internal economic development is interdependent and there is considerable support for international cooperation at different levels and in different areas. To a degree, this is explained by the federal district's geographical position and transport connections, the 'Nordic' character of the economy shared by the Russian and neighbouring territories, and the multi-tier nature of the institutional framework for international economic cooperation in the international region.

Key words: external economic development factor, institutional support, Russia's North-West, international interregional cooperation, Nordic Europe, features of Nordic regions

References

1. Andreeva, E. L., Ratner, A. V. 2011, Role of interregional partnership in socioeconomic development of region, *Economika Regiona* [Economy of Region], no. 1, p. 176—181. (In Russ.)

2. Anishenko, A., Sergunin A. 2012, Twin cities: a new form of cross-border cooperation in the Baltic Sea Region? *Balt. Reg.*, Vol. 4, no. 1, p. 19—27. doi: 10.5922/2079-8555-2012-1-3.
3. Busygina, I., Filippov, M. 2009, Northern Dimension: Participant Strategies, *Balt. Reg.*, Vol. 1, no. 1, p. 47—53. doi: 10.5922/2079-8555-2009-1-5.
4. Foreign economic relations of Russian regions, *Ministry of international affairs of Russia*, available at: <http://www.mid.ru/vnesneekonomicheskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii> (accessed 14.04.2017). (In Russ.)
5. Maltsev, A. A. 2009, *Vneshneekonomicheskie svyazi Urala na rubezhe stoletii* [Foreign economic relations of Urals on the boundary of centuries], Urals state university of economics, Yekaterinburg, Part 1, 250 p.; Part 2, 268 p. (In Russ.)
6. Evchenko, N. N. 2010, Foreign economic complex of region Russia's: structure and sub-systems of governing, *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, no. 2, p. 24—34. (In Russ.)
7. Zemtsov, S. P., Baburin, V. L. 2016, Assessing the Potential of Economic-Geographical Position for Russian Regions, *Ekonomika regiona*, vol. 12, no. 1, p. 117—138. doi: 10.17059/2016-1-9 (In Russ.)
8. Kapustina, L. M. 2000, *Region v mirovom i natsional'nom ekonomicheskom prostanstve* [Region in global and national economic space], Yekaterinburg, Ural branch of Russian academy of sciences, 360 p. (In Russ.)
9. Strovskiy, L. E., Chiang Ch. 2007, *Kitai posle vstupleniya v VTO. Adaptatsiya kitaiskoi ekonomiki k usloviyam mirovogo khozyaistva* [China after entering into WTO. Adoption of Chinese economy to the terms of global economy], Moscow, 224 p. (In Russ.)
10. Kotilko, V. V., Nemirova, G. I., Pashennykh, F. S. 2013, Competitiveness and economic safety of near-border regions: realities and perspectives, *Prioritety Rossii*, no. 46 (235), p. 2—7. (In Russ.)
11. Linetsky, A. F. 2011, *Razvitie vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh ee integratsii v mirovuyu ekonomiku* [Development of foreign economic activity of regions of Russian Federation in terms of its integration into global economy], PhD thes., Yekaterinburg, 40 p. (In Russ.)
12. Maslennikov, M. I. 2008, *Puti narashchivaniya eksportnogo potentsiala i vneshneekonomicheskoi ekspansii Rossii i regionov Urala* [Ways of increasing of export potential and foreign economic expansion of Russia and Urals regions], Yekaterinburg, Institute of economics of Ural branch of Russian academy of sciences, 218 p. (In Russ.)
13. International activity, *Investment portal of Nenets autonomous district*, available at: <http://invest.adm-nao.ru/nao/international/> (accessed 14.04.2017). (In Russ.)
14. International cooperation, *Department on international relations of Sakha Republic*, available at: <https://mvs.sakha.gov.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (accessed 14.04.2017). (In Russ.)
15. International cooperation, *Ministry of economic development of Murmansk region*, available at: <http://minec.gov-murman.ru/activities/intercoop/> (accessed 14.04.2017). (In Russ.)
16. Mingaleva, Zh., Oborina, E. D., Loseva, E. Yu. 2011, On the question about the role of institutional factors in the process of governing the regional foreign economic activity, *Vestnik Permskogo universiteta. Ekonomika*, no. 1(8), p. 55—61. (In Russ.)
17. National relations, international and interregional cooperation, *Official portal of Komi Republic*, available at: <http://www.rkomi.ru/page/424> (accessed 14.04.2017). (In Russ.)
18. The Partners of the Republic of Karelia in International Cooperation, *The Official web portal of the Republic of Karelia*, available at: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/inter5.html> (accessed 14.04.2017).
19. Kolarctic CBC 2014-2020, *Kolarctic*, available at: <http://kolarctic.info/ru/kolarctic-2014-2020-ru/> (accessed 14.04.2017).
20. *Russian chairmanship of the Barents Euro-Arctic council*, available at: <http://beac-russia.com> (accessed 07.07.2017).
21. *Press-center of the Government of Arkhangelsk region*, available at: <https://dvinaland.ru> (accessed 30.10.2016). (In Russ.)
22. Programs of near-border cooperation “Russia — EU” 2014—2020, *Integrated foreign economic information portal of Ministry of economic development of Russia*, available at: http://www.ved.gov.ru/interreg_cooperation/cooperation_program/cooperation_new/ (accessed 14.04.2017). (In Russ.)

23. Prudsky, V.G., Demin, G.A. 2011, Organizational-economic mechanism of strategic regulation of regional foreign economic complex, *Vestnik Permskogo universiteta. Ekonomika*, no. 1(8), p. 45—54. (In Russ.)
24. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli*. [Regions of Russia. Socio-economic indicators], 2010—2016, statistical compilation, Moscow. (In Russ.)
25. Sergeev, A.M., Ryzhkova, I.V. 2013, Cross-border educational space: northern dimension of higher education internationalization, *Al'manah 'Prostranstvo i vremja'*, vol. 3, no. 1, p. 19. (In Russ.)
26. Agreements of Government of Leningrad region with foreign partners, *Committee on foreign relations of Leningrad region*, available at: <http://inter.lenobl.ru/programm/mprog> (accessed 14.04.2017). (In Russ.)
27. Statistics of the Committee on foreign relations of Saint Petersburg, *Administration of Saint Petersburg*, available at: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/statistic/ (accessed 14.04.2017). (In Russ.)
28. *Strategy of development of sea port infrastructure Russia till 2030*, 2013 Moscow, accepted 28.09.2012. (In Russ.)
29. *Finlyandiya i Severnoe izmerenie* [Finland and North dimension], 2006, Ministry of international affairs of Finland. Helsinki, Edita Prima Oy, 45 p. (In Russ.)
30. Frolova, E.D., Frolov, A.A. 2012, Geo-economic mechanism for implementation of foreign economic activity in a free global market, *Vestnik Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya Ekonomika i upravlenie*, no. 3, p. 109—115. (In Russ.)
31. Andreeva, E.L., Zakharova, V.V., Myslyakova, Y.G., Ratner, A.V., Glukhikh, P.L. 2016, Organization of innovative systems in global economy, *SGEM 2016: Proceedings of 3-rd international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Economics and tourism*, Sofia, Book 2, Vol. 5, p. 487—493.
32. Bourmistrov, A. Mellempvik, F. Bambulyak, A. Gudmestad, O. Overland, I. Zolotukhin, A. 2015, *International Arctic petroleum cooperation: Barents Sea scenarios*, Taylor and Francis Inc., 291 p.
33. Čábelková, I., Mitsche, N., Strielkowski, W. 2015, Attitudes Towards EU Integration and Euro Adoption in the Czech Republic, *Economics and Sociology*, Vol. 8, no. 2, p. 93—101.
34. Merchandise: Total trade and share, annual, 1948—2016, *UNCTADstat web-platform*, available at: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=101> (accessed 07.07.2017).
35. Population, 2017, *Statistics Finland*, available at: http://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html (accessed 07.07.2017).
36. *Cities union „Hanse”*, available at: hanse.org (accessed 14.04.2017).
37. *Statistics Sweden*, available at: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (accessed 07.07.2017), 2013.
38. *Statistics Norway*, available at: <http://www.ssb.no/a/english/aarbok/tab/tab-050.html> (accessed 07.07.2017).
39. Sydnes, A.K., Sydnes, M. 2013, Norwegian-Russian cooperation on oil-spill response in the Barents Sea, *Marine Policy*, Vol. 39, no. 1, p. 257—264.
40. World development indicators, *World bank*, available at: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GDP.PCAP.CD&id=af3ce82b&report_name=Popular_indicators&populartype=series&ispopular=y# (accessed 07.07.2017).
41. Biography of D. I. Mendeleev, *Rossijskij himiko-tehnologicheskij universitet im. D. I. Mendeleeva* [Russian Chemistry and Technology University. D. I. Mendeleev], available at: <http://www.muctr.ru/about/history/mendel/> (accessed 17.07.2017). (In Russ.)
42. By 2022 the Russian can increase the loading of the Northern Sea Route to 40 million tons of cargo, *TASS: Russian News Agency*, available at: <http://special.tass.ru/ekonomika/4134998> (accessed 17.07.2017). (In Russ.)
43. NOVATEK closed the deal to sell the Chinese oil and gas corporation 20% to Yamal LNG, *TASS: Russian News Agency*, available at: <http://special.tass.ru/ekonomika/885773> (accessed 10.08.2017). (In Russ.)

The authors

Prof. Elena L. Andreeva, Head of the Centre for Regional Comparative Research, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia; Professor, Ural State University of Economics, Russia.

E-mail: elenandr@mail.ru

Dr Artem V. Ratner, Research Fellow, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: aratner@inbox.ru

Dr Yuliya G. Myslyakova, Senior Research Fellow, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural State University of Economics, Russia.

E-mail: jul_jul@inbox.ru

Dr Pavel L. Glukhikh, Research Fellow, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: gluchih_p_l@mail.ru

To cite this article:

Andreeva E. L., Ratner A. V., Myslyakova Y. G., Glukhikh P. L. 2018, The External Economic Factor in the Development of Northwestern Regions: Institutional Support and an impact Assessment, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 19—36. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-2.

**РОЛЬ ПУБЛИЧНЫХ
КОМПАНИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ
УСТОЙЧИВЫХ
ПРЕДПОСЫЛОК
К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ
РОСТУ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

*С. В. Кузнецов¹
Ю. И. Растова²
Н. В. Сущева²*

Особая миссия Санкт-Петербурга, состоящая в реализации национальных приоритетов развития, в обеспечении устойчивого экономического роста и применении результатов инновационно-технологической деятельности, формирует исследовательский интерес к состоянию его корпоративного сектора, включая инвестиционную привлекательность и склонность к инвестированию. Авторы задаются целью оценить готовность публичных компаний Санкт-Петербурга к использованию инвестиционных рычагов при реализации своих стратегий развития, во многом определяющих конкурентоспособность экономики города. В статье представлены результаты исследования реакции 20 публичных компаний Санкт-Петербурга на изменения в экономике, их способности сохранить эффективность и инвестиционную привлекательность в этих условиях. Предпринятые компаниями усилия оценены как инерционные. Был проведен опрос представителей менеджмента 70 отечественных непубличных компаний, подтвердивший гипотезу о значительном интересе бизнеса к вложениям в доходные активы (ценные бумаги) других организаций с намерением получения доходов (дивидендов). При этом инвестиционные риски таких вложений респонденты связывают в первую очередь с уровнем корпоративного контроля и качеством корпоративного управления эмитента, которые у исследуемых компаний не во всем соответствуют рекомендациям идеального корпоративного управления (corporate governance best practices). В статье сделан вывод о необходимости повышения уровня развития корпоративных отношений как одного из решающих факторов в конкуренции за привлечение капиталов, необходимых для последовательного экономического роста экономики Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: экономический рост, стратегия экономического и социального развития региона, инвестиционные ресурсы, публичные акционерные общества, корпоративное управление

Введение

Санкт-Петербург — экономический центр и единственная агломерация Северо-Запада с численностью населения более 1 млн человек, с выраженными эффектами очаговой индустриализации и поляризации экономического пространства, с неуклонно возрастающим влиянием на его структуру в масштабах страны [1, с. 111, 116].

¹ Институт проблем региональной экономики РАН, 190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38.

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21.

Поступила в редакцию 16.04.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-3

© Кузнецов С. В., Растова Ю. И., Сущева Н. В., 2018

По основным экономическим параметрам Санкт-Петербург занимает 4-е место среди всех субъектов Российской Федерации, а основным источником развития экономики города являются инвестиции [2].

Долгое время приморское положение, наряду с емким рынком сбыта и рядом других факторов, определяли место города среди лидеров с точки зрения инвестиционной привлекательности и обеспечивали приток инвестиций из экономически развитых стран [3, с. 128].

Однако, как констатируют специалисты рейтингового агентства RAEX (Эксперт РА), на фоне беспрецедентного по длительности за всю историю оценки (с 1996 года) и ускоряющегося три года подряд роста интегрального инвестиционного риска ориентация на локализацию иностранных производств потребительских товаров, особенно в автомобилестроении, из фактора, ранее поддерживавшего развитие города, превратилась в угрозу, пройден пик финансирования и в рамках гособоронзаказа [4].

Необходимо преодолеть такие проблемы развития экономики города, зафиксированные в государственной программе «Экономическое развитие и экономика знаний в Санкт-Петербурге» на 2015—2020 годы, как:

- снижение в начале 2014 года международными рейтинговыми агентствами кредитного рейтинга Санкт-Петербурга со стабильного на негативный;
- заметное снижение инвестиционной активности, неустойчивый характер показателей привлечения инвестиций.

Динамика физического объема инвестиций в основной капитал в Санкт-Петербурге всегда отличалась от средней по стране (рис. 1).

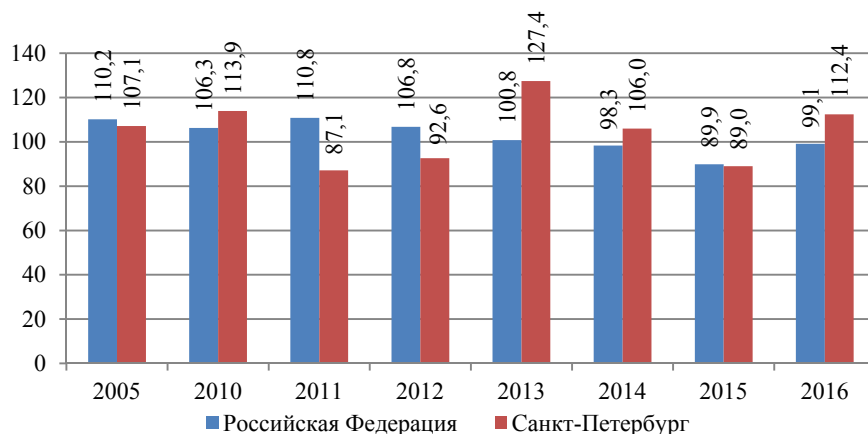

Рис. 1. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году

Источник: Росстат. URL: www.gks.ru/

Особенностью 2016 года стало сокращение в общем объеме инвестиций удельного веса инвестиций в основной капитал, финансируемых за счет бюджетных средств, до 16% против 18—19,5% в предшествующие годы. При этом если в среднем по РФ удельный вес инвестиций в основной капитал, финансируемых за счет федерального бюджета, снизился незначительно — с 10 до 9%, то в Санкт-Петербурге он упал до 5,8%.

Для сохранения ведущих по конкурентоспособности позиций Санкт-Петербурга в стране и Балтийском регионе и для успешной реализации инно-

вационного сценария экономического и социального развития города на период до 2030 года требуется приток больших инвестиционных ресурсов — только инвестиции в основной капитал должны вырасти в 2030 году по сравнению с 2012-м с 351,9 млрд руб. до 3000,0 млрд руб. при условии существенного повышения эффективности их использования [2].

Важным источником инвестиционно-финансовых ресурсов для реализации стратегических целей развития города становятся высоколиквидные активы, представленные ценными бумагами и иными финансовыми инструментами. В этой связи необходимо оценить инвестиционные качества петербургского корпоративного сектора, способность компаний привлекать средства для реализации своих стратегий на рынке корпоративного капитала, формировать предпосылки для успешного развития перспективных отраслей экономики.

Конкурентоспособность, эффективность и инвестиционную привлекательность корпоративному сектору — в первую очередь публичным акционерным компаниям — сегодня может обеспечить только гибкая реакция на изменения в экономике путем оптимизации состава имущества и направлений деятельности, совершенствования работы органов управления и контроля, раскрытия информации, чтобы акционеры и инвесторы могли принимать взвешенные решения.

Ключевым вопросом для мобилизации компаниями инвестиционных рычагов развития является качество корпоративного управления, характеризующее систему взаимоотношений между исполнительными органами акционерного общества, его советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами. Именно в этом звене — корпоративное управление — теоретические конструкты управленческих теорий локализируются на уровне отдельной организации посредством действий и взаимодействий отдельных индивидов, иначе сказать, формируются микрооснования ее динамических способностей [5, с. 4; 6, с. 42].

Необходимость постоянных усилий по совершенствованию корпоративного управления определяется не только интересами акционеров или корпораций. В ежегодном докладе «Глобальная конкурентоспособность» Всемирного экономического форума при расчете интегрального показателя конкурентоспособности стран оценивается и достигнутый уровень корпоративного управления [7, с. 46—48]. В очередном рейтинге *Doing Business* в разделе защиты прав инвесторов Россия занимает 66-е место из 189, поднявшись на 44 позиции по сравнению с прошлым рейтингом. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2016 года № 1315-р утвержден План мероприятий («дорожная карта») «Совершенствование корпоративного управления». В качестве контрольного показателя успешной реализации «дорожной карты» выбрано значение индекса защиты миноритарных инвесторов в рейтинге *Doing Business* — с текущего значения 5,67 он должен подняться до 5,7 в 2017 году и до 6,67—6,83 в 2018-м [8].

Высокую активность в развитии институтов корпоративного управления и корпоративных отношений демонстрирует и само бизнес-сообщество в лице некоммерческого партнерства «Центр развития корпоративных отношений и разрешения экономических споров», Объединенной комиссии по корпоративной этике при РСПП, Национального совета по корпоративному управлению (НСКУ) и ряда других организаций, созданных для разработки, внедрения и мониторинга передовых профессиональных стандартов в практике российских компаний. С 2008 года НСКУ издает «Национальный доклад по корпоративному управлению» [9].

Однако именно в этой предметной области проявляется одна из неразрешенных проблем российской экономической политики — сохраняющаяся

несогласованность ее приоритетов и инструментов на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях [10]. В известных методиках региональной диагностики даже при оценке возможности предвидеть и реагировать на социально-экономические кризисы [11; 12] до сих пор не используется параметр качества корпоративного управления локализованных на территории региона компаний.

Целью исследования, результаты которого изложены в статье, стала оценка эффективности действий публичных акционерных компаний Санкт-Петербурга в области корпоративного управления для обеспечения собственной инвестиционной привлекательности и формирования устойчивых предпосылок к экономическому росту и реализации Стратегии экономического и социального развития города до 2030 года [2]. Одновременно было важно определить и мотивы принятия решений акционерами и потенциальными инвесторами, а также удовлетворяющие их условия владения акциями или приобретения долговых ценных бумаг.

Методы

Говоря об устойчивых предпосылках к экономическому росту, необходимо выяснить, какие признаки в поведении экономических субъектов свидетельствуют об их способности в сложной, требовательной и постоянно меняющейся среде добиваться достижения долгосрочных целей, сохраняя конкурентоспособность бизнеса на национальном и международном рынках и обеспечивая развитие региональной экономики.

Роль публичных компаний в реализации ведущего принципа финансового обеспечения стратегических проектов и мероприятий — многоканальности финансирования и максимально возможного привлечение внебюджетных источников — трудно переоценить. С одной стороны, их акции свободно обращаются на фондовом рынке и могут быть доступны для неограниченного круга инвесторов. С другой — именно эти представители корпоративного сектора экономики вынуждены гибко реагировать на запрос регуляторов фондового рынка, отечественных и иностранных инвесторов к повышению прозрачности бизнеса и качества корпоративного управления.

Любые неэффективные или недобросовестные действия в сфере корпоративного управления имеют следствием потерю репутации на рынке капитала, ограничение возможностей для последующих действий и вложений со стороны внешних инвесторов. Совершенствование корпоративного управления становится определяющей характеристикой инвестиционной привлекательности публичных компаний и, как следствие, инвестиционного климата и инвестиционной активности в регионе.

Оценка качества корпоративного управления может быть выполнена по различному числу компонентов, с различной степенью детализации, с использованием одного или нескольких методов разного уровня сложности. Обратимся к краткому обзору существующей практики.

На первый взгляд, в контексте оценки инвестиционной привлекательности компании ее рыночная капитализация и выплачиваемые дивиденды являются основными критериями для оценки эффективности руководства. Однако на деле на эти параметры влияют конъюнктура и «несовершенство» рынка. Кроме того, нередки случаи, когда, ориентируясь на неверные финансовые модели анализа, менеджмент допускает ошибки в определении ключевых компетенций, необходимых для реализации стратегии компании [13, с. 26—27].

EcoDa (Европейская конфедерация ассоциаций директоров) и IFC (Международная финансовая корпорация) повышение эффективности управления

связывают с лучшим применением принципа «следуй процедурам или взвешенно оценивай риски при их невыполнении» [14, с. 6]. В отечественной практике вектор совершенствования корпоративного управления определяется рекомендациями Кодекса корпоративного управления (2014 год) (далее — Кодекс) [15]. Сегодня все публичные акционерные общества должны включать в годовой отчет информацию о соблюдении принципов и рекомендаций Кодекса (пп. 70.3 и 70.4 Положения Банка России от 30 декабря 2014 года №454-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг»; письмо Банка России от 17 февраля 2016 г. №ИН-06-52/8). Когда речь идет о непубличных компаниях, исследователи склонны не разделять понятий о качестве корпоративного управления и качестве управления с использованием системы ключевых показателей эффективности [16, с. 70].

На наш взгляд, остается недостаточно востребованным со стороны акционеров, инвесторов, самих компаний и регулирующих органов такой оценочный инструмент, как рейтинг корпоративного управления. За рубежом о том, в какой степени система качества управления публичных компаний способствует соблюдению и защите прав стейкхолдеров, позволяют судить целый ряд рейтингов — *Governance, Management, Accountability Metrics and Analysis* (GAMMA), *Transparency and disclosure* (T&D) *Rating*, *The Audit Integrity Accounting and Governance Risk rating* (AGR®), *Board Effectiveness Rating*, *Institutional Shareholder Services Corporate Governance Quotien* (ISS CGQ), *Overall GMI rating*. До 2011 года международное рейтинговое агентство *Standard&Poor's* присваивало рейтинги корпоративного управления и российским компаниям. Национальный рейтинг корпоративного управления (НРКУ®) составляется Российским институтом директоров с 2004 года [17, с. 80—88]. Рейтинг как инструмент оценки, по мнению специалистов, характеризуется целым рядом достоинств — целевой направленностью, комплексностью, настраиваемостью, кумулятивностью, простотой, интерпретируемостью, независимостью, периодичностью обновления, сравнительно невысокой стоимостью разработки [18, с. 19, 89]. Причины отсутствия интереса у бизнес-сообщества к этому инструменту в отношении оценки качества корпоративного управления, по нашему мнению, должны стать предметом специального исследования.

В данной работе сделана попытка дать оценку с позиций инвестора состоянию корпоративного управления в 20 из 85 действующих публичных акционерных обществах (ПАО) Санкт-Петербурга по информации, представленной на официальных сайтах компаний, по данным Национального расчетного депозитария, Московской биржи, холдинга «Финам», сетевого издания «Интерфакс» — «Информационный ресурс СПАРК».

В ходе исследования проведен опрос представителей менеджмента 70 отечественных непубличных компаний, касающийся опыта привлечения инвестиций и финансовых вложений, намерений и требований к условиям их осуществления. Была поставлена цель — выяснить степень заинтересованности бизнеса в осуществлении вложений в активы (ценные бумаги) других организаций с намерением получения доходов (дивидендов) от реализации эффективных инвестиционных проектов, а следовательно, и перспективы привлечения публичными компаниями средств от выпуска корпоративных облигаций и от эмиссии акций.

Результаты

Оборот 17 из обследованных компаний (кроме ПАО «Банк Санкт-Петербург», «Витабанк» и «Газпром нефть») занимает в структуре валового регионального продукта Санкт-Петербурга по данным за 2015 год 40,9%.

- Среди основных видов деятельности анализируемых компаний:
- производство турбин (ПАО «Силловые машины»);
 - производство газовых турбин, кроме турбореактивных и турбовинтовых (ПАО «Пролетарский завод»);
 - производство частей и принадлежностей летательных и космических аппаратов (ПАО «ТЕХПРИБОР»);
 - производство двигателей, кроме авиационных, автомобильных и мотоциклетных (ПАО «ЗВЕЗДА»);
 - производство коммуникационного оборудования (ПАО «НПО Завод "Волна"»);
 - производство электроэнергии (ПАО «ТГК-1»);
 - передача электроэнергии и технологическое присоединение к распределительным электросетям (ПАО «Ленэнерго»);
 - деятельность в области связи на базе проводных технологий (ПАО «Ростелеком»);
 - торговля оптовая твердым, жидким и газообразным топливом и подобными продуктами (ПАО «Газпром нефть»);
 - торговля оптовая автомобильными деталями, узлами и принадлежностями, кроме деятельности агентов (ПАО «ГК Роллман»);
 - деятельность по управлению ценными бумагами ПАО «УК "Арсатера"»);
 - денежное посредничество (ПАО «Банк Санкт-Петербург», ПАО «Витабанк»);
 - строительство жилых и нежилых зданий (ПАО «Метрострой»);
 - испытания, исследования и анализ целостных механических и электрических систем, энергетическое обследование (ПАО «Федеральный испытательный центр»);
 - производство муки из зерновых культур (ОАО «ЛКХП КИРОВА», ПАО «Петербургский мельничный комбинат»).

Основным видом деятельности ПАО «Светлана», ПАО «Интелтех» и ПАО НТИ «Радиосвязь» являются научные исследования и разработки в области естественных и технических наук. В качестве дополнительного вида деятельности их осуществляют «ТЕХПРИБОР», «ЗВЕЗДА», «Силловые машины», «Пролетарский завод», НПО «Завод "Волна"».

Существенной характеристикой большинства из обследованных компаний является инновационное лидерство, в частности в производстве:

- авиационной техники гражданского и специального назначения (ПАО «ТЕХПРИБОР»);
- высокооборотных дизельных двигателей в мощностном диапазоне 400—1700 кВт (ПАО «ЗВЕЗДА»);
- турбин для АЭС, в том числе тихоходных турбоагрегатов мощностью до 1,6 ГВт, паровых турбин на сверхкритические и суперсверхкритические параметры пара мощностью от 660 МВт, экологических и эффективных гидравлических турбин, а также комплектного оборудования для них (ПАО «Силловые машины»);
- насосного оборудования для атомных станций (ПАО «Пролетарский завод»).

В ПАО «ТЕХПРИБОР» и НПО «Завод "Волна"» готовы предложения по включению в программу импортозамещения электрорадиоизделий, поставившихся из стран-членов НАТО: КТЦ2—1 (все варианты), БСКД-90/2 мод, КУТР2—2, 2А (все варианты), БСОИ-1КР.

Некоторые институциональные характеристики обследованных ПАО представлены в таблицах 1—4.

Таблица 1

**Распределение обследованных ПАО г. Санкт Петербурга
по значимым реестрам и перечням**

Реестр	Количество компаний	% к итогу*
Реестр монополий по данным ФАС	4	20,0
Перечень стратегических предприятий	1	5,0
Перечень ОАО по Распоряжению Правительства РФ №91-Р («золотая акция»)	1	5,0
Перечень системообразующих предприятий	2	10,0
Реестр оборонно-промышленного комплекса	5	25,0
Реестр аккредитованных испытательных лабораторий (центров)	2	10,0
Реестр свидетельств о постановке на спецучет в Пробирной Палате РФ	4	20,0
Органы по сертификации испытательных лабораторий	4	20,0
Реестр операторов, осуществляющих обработку персональных данных	4	20,0
Российский союз промышленников и предпринимателей	1	5,0
Реестр доверительных управляющих	1	5,0
Список сдающих отчетность МСФО	11	55,0
Банки, отвечающие требованиям для принятия банковских гарантий в целях налогообложения	1	5,0
Реестр брокеров	2	10,0
Реестр дилеров	2	10,0
Реестр депозитариев	2	10,0

* Удельный вес в общем количестве обследованных компаний.

Источник: Информационный ресурс СПАРК. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 05.04.2017).

Значительное число представленных компаний относится к оборонно-промышленному комплексу (25%), 20% из них занимают доминирующее положение на рынке (табл. 1). Так, ПАО «ЗВЕЗДА» включено в реестр единственных поставщиков российских вооружений и военной техники по номенклатуре выпускаемых дизельных двигателей.

Большинство публичных компаний г. Санкт-Петербурга — крупные предприятия (61,1%) (табл. 2).

Таблица 2

Группировка обследованных компаний по размеру

Категория предприятий	Количество компаний	% к итогу*
Крупные	11	61,1
Средние	3	16,7
Малые	3	16,7
Микропредприятие	1	5,5

* Без ПАО «Банк Санкт-Петербург» и ПАО «Витабанк».

Источник: Информационный ресурс СПАРК. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 05.04.2017).

ПАО «УК "Арсатера"», напротив, — микропредприятие, при этом оно — первое в России среди управляющих компаний, акции которой стали обращаться на Московской бирже.

Статус малого или микропредприятия для публичного акционерного общества делает актуальной дискуссию об избыточности в отдельных случаях внедрения рекомендаций идеального корпоративного управления (corporate governance best practices) [17, с. 44; 19, с. 64]. По нашему мнению, принцип «следуй процедурам или взвешенно оценивай риски при их невыполнении» обязателен для всех, и решение проблемы лежит в плоскости расширения возможности аутсорсинга в выполнении ряда корпоративных процедур — в части функций корпоративного секретаря, внутреннего аудита, независимых директоров и профессиональных поверенных.

Большинство публичных компаний в городе — частные (табл. 3).

Таблица 3

Группировка обследованных ПАО Санкт-Петербурга по формам собственности (ОКФС)

Форма собственности	Количество компаний	% к итогу*
Частная собственность	11	57,9
Совместная частная и иностранная собственность	3	15,8
Смешанная российская собственность с долей федеральной собственности	3	15,8
Смешанная российская собственность с долей собственности субъектов Российской Федерации	1	5,25
Иная смешанная российская собственность	1	5,25

* Без ПАО «Газпром нефть».

Источник: Информационный ресурс СПАРК. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 05.04.2017).

Среди владельцев трех из числа обследованных компаний присутствуют иностранные юридические лица — ПАО «ТГК-1», ПАО «Банк Санкт-Петербург», ПАО «Группа компаний "Роллман"».

И если в компаниях, в уставном капитале которых есть доля федеральной собственности, Российская Федерация в лице Росимущества инициирует внедрение и развитие инструментов корпоративного управления, то у остальных компаний, как показывает практика, часто не хватает необходимых для этого компетенций и стимулов.

Публичные акционерные общества г. Санкт-Петербурга — сложные интегрированные образования. У большинства обследованных компаний имеется значительный опыт управления распределенным бизнесом (группой компаний, дочерними и зависимыми обществами — ДЗО) (табл. 4).

Таблица 4

Количество совладельцев, филиалов и дочерних компаний обследованных ПАО Санкт-Петербурга

Наименование компании	Совладельцы	Из них имеющие в уставном капитале более 25%	Дочерние компании (по данным компании)	Филиалы (Росстат)
Газпром нефть	57	1
Ростелеком	17	1	47	70
ТГК-1	4	2	4	27

Окончание табл. 4

Наименование компании	Совладельцы	Из них имеющие в уставном капитале более 25%	Дочерние компании (по данным компании)	Филиалы (Росстат)
Ленэнерго	4	2	7	26
Силовые машины	1	1	8	9
Метрострой	8	1	15	4
ЛКХП КИРОВА	1	1	2	2
Петербургский мельничный комбинат	2	2	5	0
Завод «Волна»	4	1	1	1
Интелтех	4	2	1	2
ТЕХПРИБОР	6	1	4	1
Пролетарский завод	2	2	1	3
ЗВЕЗДА	7	2	4	1
Светлана	5	1	14	3
НТИ «РАДИОСВЯЗЬ»	1	1	—	—
Группа компаний «Роллман»	5	—	8	—
Управляющая компания «Арсгера»	11	1	3	—
Федеральный испытательный центр	2	1	—	—
Банк Санкт-Петербург	35	1	5	7
Витабанк

Источник: Информационный ресурс СПАРК. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 05.04.2017).

Актуальным вопросом повышения качества корпоративного управления для них является рациональная детализация и разграничение полномочий их менеджмента и органов управления дочерних обществ, эффективная работа в составе советов директоров ДЗО, порядок одобрения крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, тем более что почти все компании отличает высокая концентрация корпоративного контроля, то есть есть совладелец, имеющий блокирующий пакет (более 25% в уставном капитале). Характер и направления деятельности обследованных компаний позволяют сделать вывод о наличии у их менеджмента ключевых компетенций, заключающихся в приобретенном опыте:

— разработки и реализации стратегии развития (ПАО «Ростелеком», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Банк Санкт-Петербург»);

— разработки и реализации в качестве дочерних обществ государственных корпораций (например, Ростех), а также компаний, доля Российской Федерации в уставных капиталах которых в совокупности превышает пятьдесят процентов, в соответствии с директивами Правительства и методическими рекомендациями Минэкономразвития Долгосрочных программ развития, программ импортозамещения, инновационного развития, повышения энергоэффективности;

— работы в рамках реализации ФЦП «Развитие оборонно-промышленного комплекса», ФЦП «Национальная технологическая база», ФЦП «Развитие гражданской морской техники на 2009—2016 годы», Государственной программы вооружений на 2011—2020 годы;

— выполнения экспортных контрактов по линии военно-технического сотрудничества;

- управления правами на результаты интеллектуальной деятельности;
- внедрения системы менеджмента качества;
- российской и международной сертификации продукции;
- выполнения гособоронзаказа;
- производства продукции двойного назначения;
- реализации проектов по схеме SPV (special purpose vehicle);
- сотрудничества при решении научно-исследовательских и прикладных инженерных задач с учреждениями науки и образования, в том числе в рамках Союзного государства.

Большинство компаний заявляют о масштабных планах, требующих инвестиций. Так, ПАО «Ростелеком» намерено выйти в сегмент контентных и цифровых услуг (дата-центры, «облачные» услуги, OTT-видео, промышленный Интернет, геоданные), ПАО «Газпром нефть» — продолжить модернизацию перерабатывающих мощностей, ПАО «Светлана» — осуществить модернизацию энергокомплекса, инженерных сетей и коммуникаций. ПАО «Силловые машины» по соглашению с ПАО «Газпром» и *Linde* реализует проект производства СПГ-оборудования, оценивает возможность вхождения в сегмент возобновляемой электрогенерации. ПАО «Пролетарский завод» наряду с судовым и энергетическим машиностроением намерено осваивать изготовление оборудования для нефтяной и газовой отраслей, а также атомной энергетики. ПАО «Газпром нефть» реализацию намеченных планов до 2025 года напрямую связывает с созданием наибольшей добавленной стоимости на вложенный капитал акционеров в нефтегазовой отрасли Российской Федерации.

О том, насколько активно публичные компании г. Санкт-Петербурга для реализации своих проектов и планов привлекают инвестиции посредством выпуска акций, можно судить по данным таблиц 5—6.

Таблица 5

Выпуск акций обследованными компаниями в 2014—2016 годах

Наименование компании	Дата регистрации	Вид акции	Способ размещения	Состояние
Группа компаний «Роллман»	28.01.2016	П/б*	Открытая подписка	Размещение завершено
ТЕХПРИБОР	19.01.2015	О/б**	Закрытая подписка	Номер аннулирован
Ленэнерго	03.12.2015	О/б	Открытая подписка	Размещение завершено
Интелтех	25.12.2014	О/б	Закрытая подписка	Номер аннулирован
	04.05.2016	О/б	Закрытая подписка	Размещается
Завод «Волна»	17.06.2015	О/б	Конвертация	Номер аннулирован
	22.10.2015	О/б	Открытая подписка	Признан несостоявшимся
Федеральный испытательный центр	27.01.2015	О/б	Распределение среди учредителей при учреждении	Размещение завершено
Петербургский мельничный комбинат	28.11.2016	О/б	Закрытая подписка	Размещается

* П/б — привилегированная бездокументарная; ** О/б — обыкновенная бездокументарная.

Источник: Информационный ресурс СПАРК. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 05.04.2017).

Как свидетельствуют данные таблицы 5, попытки привлечь финансовые ресурсы путем выпуска акций среди публичных компаний г. Санкт-Петербурга не так многочисленны и не всегда успешны, что говорит о слабой аналитической подготовке к процедуре. Нельзя забывать, что решения о привлечении инвестиций путем дополнительной эмиссии акций могут дать далеко не ожидаемые результаты, когда активизируются не портфельные, как хотелось бы, а стратегические инвесторы, заинтересованные в консолидации корпоративного контроля и доминировании на конкретном рынке [20, с. 11].

Нельзя назвать эффективной и дивидендную политику обследованных компаний. Характеристика выплаты ими дивидендов в 2014—2015 годах представлена в таблице 6.

Таблица 6

**Общая начисленная сумма дивидендов
обследованных публичных компаний за 2014—2016 годы, тыс. руб.**

Наименование компании	Обыкновенные акции		Привилегированные акции	
	2014	2015	2014	2015
Газпром нефть	30 676 209	30 676 209	—	—
Ростелеком	8 603 004	15 231 824	848 746	1 239 676
ТГК-1	868 780	936 621	0	0
Ленэнерго	0	0	0	0
Силовые машины	7 879 360	0		
Метрострой	12 394	13 943	4 943	5 607
ЛКХП КИРОВА	303 188	324 337	0	0
Петербургский мельничный комбинат	0	0	23 000	18 600
Завод «Волна»	0	0	0	0
Интелтех
ТЕХПРИБОР	33 035	25 856	22 023	17 238
Пролетарский завод	0	0	0	0
ЗВЕЗДА	5 620	0	—	—
Светлана	1 673	1 673	558	558
НТИ «Радиосвязь»
Группа компаний «Роллман»	0	0	7 091	14 186
Управляющая компания «Арсатера»	0	0	0	0
Федеральный испытательный центр	0	0	0	0
Банк Санкт-Петербург	887 899	459 313	2 155	2 211
Витабанк	0	0	30	30

Источник: Информационный ресурс СПАРК. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 05.04.2017).

С позиций классического подхода для рациональных долгосрочных инвесторов вложения в акции более предпочтительны, чем в облигации или казначейские векселя, в силу более высокой доходности [21—23].

Однако отличительной чертой нашего времени является овладение стратегией поведения в условиях риска [24, с. 29]. В этом контексте, как удалось доказать специалистам из РАНХиГС, анализ и сравнение рисков и доходностей различных классов активов дают другой результат — «для долгосрочных инвесторов вложения в корпоративные облигации более выгодны с точки зрения соотношения доходности и риска по сравнению с инвестициями в акции» [25, с. 64—67].

Инвестор, осуществляющий долгосрочные финансовые вложения, заинтересован в обеспечении сохранности предоставленных средств, в их эффектив-

ном использовании, а также в снижении рисков, которые он не может оценить и не хочет принимать. В результате необходимость управления такого рода рисками в долгосрочном периоде со стороны инвесторов неизбежно влечет снижение инвестиционной привлекательности компании и стоимости ее акций [9]. Такой вывод подтверждают результаты исследования зарубежной корпоративной практики [26—28].

К сожалению, только три компании из числа обследованных демонстрируют действия по выпуску облигаций (табл. 7).

Таблица 7

**Сведения об облигациях обследованных компаний
за 2014—2016 годы**

Наименование компании	Дата подписания / размещения	Объявленное количество, шт.	Размещенное количество, шт.	Состояние
Ростелеком	Сентябрь 2016 года	15 000 000	15 000 000	Размещен
Силовые машины	Июль 2014 года	30 000 000	30 000 000	Размещен
Газпром нефть	Март 2016 года	25 000 000	25 000 000	Размещен
	Июнь 2016 года	10 000 000	10 000 000	Размещен
	Август 2016 года	15 000 000	15 000 000	Размещен

Источник: Информационный ресурс СПАРК. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 05.04.2017).

Такого рода инерционное поведение публичных компаний тем более вызывает недоумение на фоне значительного интереса бизнеса к вложениям в доходные активы.

Опрос представителей менеджмента 70 отечественных непубличных компаний показал, что опыта в осуществлении финансовых вложений не имеют 35,7% из них, у 20% — он незначительный. Остальные компании осуществляют вложения исключительно в дочерние и зависимые общества.

Практикуют привлечение займов других организаций в рамках холдинговых структур 50 компаний, только 21,4% от общего числа представленных в опросе компаний имели опыт выпуска корпоративных облигаций. Все компании используют банковские ссуды.

На вопрос «В чем вы видите основную мотивацию для вашей компании при принятии решения о финансовых вложениях?» респонденты ответили следующим образом:

- участие в финансировании инвестиционных проектов с привлекательными параметрами доходности и роста (82,9%);
- размещение временно свободных средств в ликвидные инструменты (35,7%);
- получение дополнительного дохода (14,3%).

Очевидно, какой может быть реакция потенциальных инвесторов на тот факт, что компании часто не приводят в отчетности критерии доходности инвестиционных проектов и результаты анализа рентабельности инвестиций, поверхностно раскрывают информацию о дивидендах и других показателях финансовой отчетности.

Свои намерения осуществить финансовые вложения в долевые ценные бумаги других компаний респонденты связывают с возможностью получить определенные права. Так, исключительно важной респонденты считают возможность:

- одобрения крупных сделок;
- получения у регистратора сведений о владельцах акций и количестве принадлежащих им акций в обществе.

Имеют значение для респондентов и следующие права:

- ознакомление со списком лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров;
- доступ к протоколам заседаний совета директоров;
- наложение ареста на акции крупных акционеров и проведение повторного собрания.

Наименее существенными для опрошенных оказались вопросы:

- созыва внеочередного собрания акционеров;
- определения регламента проведения общего собрания акционеров;
- внесения изменений и дополнений в устав или его принятия в новой редакции.

В последнем случае трудно согласиться с мнением респондентов. В уставе часто отсутствуют важные вопросы корпоративного управления (например, компетенции совета директоров в части образования и прекращения полномочий исполнительных органов обществ, утверждения и контроля реализации стратегии, бизнес-планов и финансово-хозяйственных планов (бюджетов) обществ и т. д.). Такие упущения следует устранять, внося изменения и дополнения в устав компании.

В любом случае «все неимущественные права участников корпоративных отношений призваны «обслуживать» реализацию имущественных прав участников корпорации, поскольку неимущественные права служат достижению тех интересов, ради которых лицо становится участником корпорации» [29, с. 15].

История развития корпоративных отношений в отечественной практике свидетельствует об имевших место в 1990-е годы нарушениях при подготовке и проведении общих собраний акционеров, размывании доли акционеров в результате дополнительного размещения акций, злоупотреблениях при проведении крупных сделок и сделок с заинтересованностью. И. Ю. Беляева и М. А. Эскиндаров приводят целый ряд такого рода примеров из хозяйственной практики ОАО «Газпром», Лебединского горно-обогатительного комбината, Новоліпецкого металлургического завода, АО «Сургутнефтегаз», Алтайэнерго, металлургического комбината «Носта» и ряда других компаний [30, с. 46—48].

Специалисты указывают, что «как только носители различных интересов предпринимает те или действия, направленные на реализацию их интересов... отличных от интересов других участников корпоративных отношений, возникает конфликт интересов», который может привести к корпоративному конфликту [31, с. 7]. Предметом конфликтов при сегодняшнем состоянии рынка корпоративного контроля и уровне корпоративного управления, по мнению опрошенных, могут стать:

- реорганизация общества (77,1% оценили вероятность возникновения конфликта как крайне высокую);
- стратегические цели и способы их достижения (65,7% считают эти вопросы частым поводом для конфликта);
- выбор объектов инвестирования и отношения с подконтрольными юридическими лицами (66,5% респондентов определили конфликты в этих случаях как имеющие место).

Значимость совершенствования того или иного из компонентов корпоративного управления отметили все опрошенные. Ответы на вопрос о том, какие компоненты системы корпоративного управления требуют совершенствования, распределились следующим образом:

- управление рисками, внутренний контроль и внутренний аудит (32%);
- организация деятельности совета директоров (28%);

- корпоративная социальная ответственность (16%);
- осуществление акционерами своих прав (10%);
- исполнительное руководство (8%);
- прозрачность и раскрытие информации (6%).

Инерционные и неэффективные действия публичных компаний в области управления неизбежно влекут снижение инвестиционной привлекательности корпоративного сектора экономики Санкт-Петербурга и, как следствие, сокращение внебюджетных источников инвестиционно-финансовых ресурсов для реализации проектов и мероприятий в рамках стратегии его экономического и социального развития.

Перспективы

Совершенствование управления — наиболее ожидаемая инвесторами реакция корпоративного сектора экономики на меняющиеся условия для свободного межотраслевого и территориального перелива капитала. Как один из сформулированных в «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года» национальных приоритетов «формирование высокого уровня корпоративного управления» должно осуществляться посредством отраслевых документов стратегического планирования, государственных программ РФ и ее субъектов, плановых и программно-целевых документов компаний.

Совершенствование корпоративного управления, прежде всего в локализованных в регионе публичных компаниях, является важным звеном в решении задачи обеспечения устойчивых предпосылок для экономического роста и социально ориентированного инновационного развития г. Санкт-Петербурга.

Городу как субъекту Российской Федерации в рамках полномочий своих органов государственной власти необходимо предпринять скоординированные с бизнес-сообществом действия:

- инициировать создание центра коллективного пользования по оказанию компаниям города на условиях аутсорсинга услуг корпоративного секретаря, внутреннего аудитора, независимых директоров, профессиональных поверенных;

- сформулировать четкий запрос на такой инструмент мониторинга качества корпоративного управления, как рейтинг, в том числе при осуществлении закупок продукции для государственных нужд;

- способствовать созданию конкурентного рынка деловой информации, а также услуг дью-дилидженс для получения инвесторами достоверных, оперативных и качественных данных об инвестиционных возможностях в экономике города с учетом требований национальной безопасности и коммерческой тайны;

- через средства массовой информации обеспечивать прозрачность процедур реорганизации, слияний и поглощений, смешанных реорганизаций, банкротства и предупреждения несостоятельности компаний;

- стимулировать работу Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга по развитию институтов корпоративного управления и корпоративных отношений, включая формирование системы профессиональных сообществ.

Санкт-Петербург, реализуя свою миссию в создании ценностных ориентиров, в разработке и внедрении передовых идей, мог бы организовать всерос-

сийскую, а может, и евразийскую научно-образовательную площадку для конструктивного профессионального обсуждения широкого круга теоретических проблем и лучших практик корпоративного управления, а также для подготовки кадров в этой области.

Список литературы

1. *Кузнецов С. В., Лачининский С. С.* Современная трактовка категории «геоэкономическое положение» и ее верификация на примере Санкт-Петербургской агломерации // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 103—121.
2. *Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года* : постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 мая 2014 года № 355. URL: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sankt-peterburga-do-2030/ (дата обращения: 05.04.2017).
3. *Кузнецова О. А.* Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 121—131.
4. *RAEX* (Эксперт РА). Инвестиционная привлекательность регионов — 2016: области повышенного риска. URL: <http://raexpert.ru/docbank//3a5/7de/1be/dc6c62e7da29a4faa8c961b.pdf> (дата обращения: 05.04.2017).
5. *Тамбовцев В. Л.* Базовые понятия стратегического менеджмента: проблема микрооснований // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8, № 4. С. 3—30.
6. *Трачук А. В.* Концепция динамических способностей: в поиске микрооснований // Экономическая наука современной России. 2014. № 4 (67). С. 39—48.
7. *Schwab K.* The Global Competitiveness Report 2016—2016. Geneva, 2017. World Economic Forum. URL: http://www.nmi.is/media/338436/the_global_competitiveness_report_2016-2017.pdf (дата обращения: 05.04.2017).
8. *План мероприятий («дорожная карта») «Совершенствование корпоративного управления»* : распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2016 года № 1315-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420364000> (дата обращения: 15.03.2017).
9. *Национальный совет по корпоративному управлению.* Национальный доклад по корпоративному управлению. Восьмой выпуск. М., 2015. URL: <http://www.nccg.ru/site/xp/049048048124054057048049054.html> (дата обращения: 01.02.2017).
10. *Miller A. E., Kuznetsov S. V., Rastova Y. I.* Instruments to assess efficiency of implementation of the strategy of scientific and technological development of the Russian Federation // *Espacios*. 2017. Т. 38, № 33. С. 16.
11. *Куклин А. А., Быстрой Г. П., Охотников С. А., Васильева Е. В.* Экономическая томография: возможность предвидеть и реагировать на социально-экономические кризисы // Экономика региона. 2015. № 4. С. 40—53.
12. *Куклин А. А., Охотников С. А., Корицунов Л. А.* Архитектоника информационно-аналитической системы «Антикризис» // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 2. С. 371—382.
13. *Теплова Т. В.* Инвестиционные рычаги максимизации стоимости компании. Практика российских предприятий. М., 2007.
14. *A Guide to Corporate Governance Practices in the European Union* / European Confederation of Associations of Directors; International Finance Corporation. URL: https://www.aig.ru/content/dam/aig/emea/russia/documents/business/ecoda_aig_report.pdf (дата обращения: 01.02.2017).
15. *Кодекс корпоративного управления* // Вестник Банка России: Нормативные акты и оперативная информация Центрального банка Российской Федерации. 2014. № 40 (1518). С. 3—63.
16. *Батаева Б. С., Кожевина О. В.* Оценка эффективности и качества корпоративного управления непубличными компаниями // Вестник Финансового университета. 2015. № 6. С. 62—72.
17. *Вербицкий В. К.* Из идеального реальному. Что действительно нужно компаниям для своей практики из Corporate Governance Best Practices. М., 2015.
18. *Карминский А. М.* Кредитные рейтинги и их моделирование. М., 2015.
19. *Ткаченко И. Н.* Специфика оценки качества корпоративного управления в компаниях среднего бизнеса с государственным участием // Эффективное антикризисное управление. 2016. № 2. С. 58—64.

20. Коваленко Б. Б. Институты публичного и частного владения собственностью в условиях самоорганизации корпоративного предпринимательства. Особенности российской пищевой промышленности // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2013. №2(13). URL: <http://www.economics.ihbt.ifmo.ru> (дата обращения: 05.04.2017).
21. Сигел Дж. Долгосрочные инвестиции в акции. Стратегии с высоким доходом и надежностью. СПб., 2010.
22. Chen P. Will Bonds Outperform Stocks over the Long Run? Not Likely // Rethinking the Equity Risk Premium / ed. by B. Jr. Hammond, M. Martin, L. Siegel. The Research Foundation of CFA Institute, 2011. P. 117—129.
23. DeLong J.B., Magin K. The U. S. Equity Return Premium: Past, Present, and Future // Journal of Economic Perspectives. 2009. №23. P. 193—208.
24. Bernstein P.L. Against the Gods: The Remarkable Story of Risk. N. Y., 1996.
25. Абрамов А. Е., Радыгин А. Д., Чернова М. И. Долгосрочные портфельные инвестиции: новый взгляд на доходность и риски // Вопросы экономики. 2015. №10. С. 54—77.
26. Barontini R., Bozzi S., Ferrarini G. & Ungureanu M. Directors' remuneration before and after the crisis: Measuring the impact of reforms in Europe // Boards and Shareholders in European Listed Companies: Facts, Context and Post-Crisis Reforms. M. Belcredi and G. Ferra, 2013.
27. Boeva B., Pavlova V. Corporate Governance-State-of-the-art and Future Trends in the Integration of Bulgarian Companies within the European Market. Sofia, Bulgaria, 2012.
28. Belcredi M., Ferrarini G. Boards and Shareholders in European Listed Companies: Facts, Context and Post-Crisis Reforms. Cambridge, United Kingdom, 2013.
29. Макарова О. А., Абрамян Т. А. О праве корпораций в свете Гражданского кодекса РФ // Гражданское право. 2015. №1. С. 14—19.
30. Беляева И. Ю., Эскиндаров М. А. Корпоративные формы хозяйствования в российской экономике и проблемы взаимодействия менеджмента и мелких акционеров // Финансы и кредит. 2000. №10 (70). С. 44—48.
31. Макарова О. А. Понятие и признаки корпоративного управления как способа координации экономической деятельности // Гражданское право. 2015. №4. С. 6—8.

Об авторах

Сергей Валентинович Кузнецов, доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем региональной экономики РАН, Россия.

E-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru

Юлия Ивановна Растова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и инноваций, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: rastova.yu@unecon.ru

Наталья Вячеславовна Сущева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления качеством, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: snv@finec.ru

Для цитирования:

Кузнецов С. В., Растова Ю. И., Сущева Н. В. Роль публичных компаний в формировании устойчивых предпосылок к экономическому росту Санкт-Петербурга // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №1. С. 37—55. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-3.

THE ROLE OF PUBLIC COMPANIES IN CREATING A PLATFORM
FOR ECONOMIC GROWTH IN SAINT PETERSBURG

S. V. Kuznetsov¹

Y. I. Rastova²

N. V. Sushcheva²

¹ Institute of Regional Economic Problems of RAS,
38 Serpuhovskaya St, Saint Petersburg, 190013, Russia

² Saint Petersburg State University of Economics,
21 Sadovaya St, Saint Petersburg, 191023, Russia

Submitted on April 16, 2017

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-3

Saint Petersburg has a special mission in delivering national development priorities, ensuring sustainable economic growth, and commercializing R&D. This necessitates research on the situation in the corporate sector, including investment potential and propensity to invest. The authors estimate the readiness of Saint Petersburg public companies to employ investment tools in delivering development strategies, which determine to a large extent the competitiveness of the city's economy. This article presents a study into the response of twenty local public companies to changes in the economy and their ability to stay efficient and preserve investment potential in volatile economic conditions. The measures taken by the companies are considered as inert and inefficient. The authors surveyed managers from 70 Russian non-public companies, who confirmed the hypothesis that businesses are interested in investing in the earning assets (securities) of other companies to receive interest (dividends). The respondents tend to associate the risk of such investments with the issuer's corporate control and corporate governance, which often fall short of best practices. The authors conclude that there is a need to improve knowledge of corporate relations, which affect competitiveness and the raising of funds necessary for sustainable economic growth in Saint Petersburg.

Key words: economic growth, strategy for regional socioeconomic development, investment resources, public joint-stock companies, corporate governance

References

1. Kuznetsov, S.V., Lachininskii, S.S., 2014, Modern understanding of 'geoeconomic position' and the Saint Petersburg agglomeration, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 1, p. 79—92. doi: 10.5922/2079-8555-2014-1-7.
2. Strategy of economic and social development of St. Petersburg for the period until 2030: Decree of the Government of St. Petersburg of May 13, 2014 No. 355, available at: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-socialno-ekonomiche-skogo-razvitiya-sankt-peterburga-do-2030/ (accessed 05.04.2017). (In Russ.)
3. Kuznetsova, O.A. 2013, Piramida of factors of social and economic development of regions, *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy], no. 2, p. 121—131. (In Russ.)
4. RAEX (Expert RA). Investment attractiveness of regions — 2016: areas of high risk, available at: http://raexpert.ru/docbank//3a5/7de/1be/dc6c62e7da29a4faa_8c961b.pdf (accessed 05.04.2017). (In Russ.)
5. Tambovtsev, V.L. 2010, [Basic concepts of strategic management: the problem of microbases, *Rossijskij zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], Vol. 8, no. 4, p. 3—30. (In Russ.)
6. Trachuk, A.V. 2014, The Concept of Dynamic Capabilities: in Search of Microfoundations, *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii* [Economic science of modern Russia], no. 4 (67), p. 39—48. (In Russ.)
7. Schwab, K. 2017, *The Global Competitiveness Report 2016—2016*, Geneva, World Economic Forum, available at: http://www.nmi.is/media/338436/the_global_competitiveness_report_2016-2017.pdf (accessed 05.04.2017).

8. Action plan (road map) «Improving corporate governance»: Order of the Government of the Russian Federation No. 1315-r of June 25, 2016, available at: <http://docs.cntd.ru/document/420364000> (accessed 15.03.2017). (In Russ.)

9. Nacional'nyj sovet po korporativnomu upravleniju, 2015, *Nacional'nyj doklad po korporativnomu upravleniju* [National report on corporate governance], no. 8, Moscow, available at: <http://www.nccg.ru/site.xp/049048048124054057048049054.html> (accessed 01.02.2017). (In Russ.)

10. Miller, A. E., Kuznetsov, S. V., Rastova, Y. I. 2017, Instruments to assess efficiency of implementation of the strategy of scientific and technological development of the Russian Federation, *Espacios*, 38 (33), no. 16, p. 16.

11. Kuklin, A. A., Bystray, G. P., Okhotnikov, S. A., Vasilyeva, E. V. 2015, Economic tomography: an opportunity to expect and react to the socio-economic crises, *Ekonomika regiona* [Economy of region], no. 4, p. 40—53. (In Russ.)

12. Kuklin, A. A., Okhotnikov, S. A., Korshunov, L. A. 2016, Architectonics of the information and analytical system «Anticrisis», *Ekonomika regiona* [Economy of region], Vol. 12, no. 2, p. 371—382. (In Russ.)

13. Teplova, T. V. 2007, *Investicionnye rychnagi maksimizacii stoimosti kompanii. Praktika rossijskikh predpriyatij* [Investment levers to maximize the value of the company. Practice of Russian enterprises], Moscow. (In Russ.)

14. A Guide to Corporate Governance Practices in the European Union, *European Confederation of Associations of Directors; International Finance Corporation*, available at: http://ecoda.org/uploads/media/A_Guide_to_Corporate_Governance_Practices_of_the_European_Union_-_IFC_ecoDa_02.pdf (accessed 01.02.2017).

15. Code of Corporate Governance, 2014, *Vestnik Banka Rossii*, Normative acts and operational information of the Central Bank of the Russian Federation, no. 40 (1518), p. 3—63. (In Russ.)

16. Bataeva, B. S., Kozhevina, O. V. 2015, The development of tools to assess the effectiveness and quality of corporate governance of non-public companies, *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University], no. 6, p. 62—72. (In Russ.)

17. Verbitsky, V. K. 2015, *Iz ideal'nogo real'nomu. Chto dejstvitel'no nuzhno kompanijam dlja svoej praktiki iz Corporate Governance Best Practices* [From the ideal to the real. What companies really need for their practice from the experience of the Corporate Governance Best Practices], Moscow. (In Russ.)

18. Karminsky, A. M. 2015, *Kreditnye rejtingi i ih modelirovanie* [Credit ratings and their modeling], Moscow. (In Russ.)

19. Tkachenko, I. N. 2016, Specificity of assessing the quality of corporate governance in medium-sized companies with state participation, *Jeffektivnoe antikrizisnoe upravlenie* [Effective Crisis Management], no. 2, p. 58—64. (In Russ.)

20. Kovalenko, B. B. 2013, Institutes of public and private ownership of property in the conditions of self-organization of corporate entrepreneurship. Features of the Russian food industry, *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Serija: Jekonomika i jekologicheskij menedzhment* [Scientific journal of NIU ITMO. Series: Economics and Environmental Management], no. 2 (13), 13 p., available at: <http://www.economics.ihbt.ifmo.ru> (accessed 05.04.2017). (In Russ.)

21. Sigel, D. 2010, *Dolgosrochnye investicii v akcii. Strategii s vysokim dohodom i nadezhnost'ju* [Stocks for the Long Run: The Definitive Guide to Financial Market Returns and Long-Term Investment Strategies], SPb. (In Russ.)

22. Ibbotson, R., Chen, P. 2011, Will Bonds Outperform Stocks over the Long Run? Not Likely. In: Hammond, B. Jr., Martin, M., Siegel, L. (eds.) *Rethinking the Equity Risk Premium*, The Research Foundation of CFA Institute, p. 117—129, available at: <https://corporate.morningstar.com/ib/documents/MediaMentions/AreBondsGoingToOutPerformStocks.pdf> (accessed 05.04.2017).

23. DeLong, J. B., Magin, K. 2009, The U.S. Equity Return Premium: Past, Present, and Future, *Journal of Economic Perspectives*, no. 23, p. 193—208.

24. Bernstein, P. L. 1996, *Against the Gods: The Remarkable Story of Risk*, New York.

25. Abramov, A. E., Radygin, A. D., Chernova, M. I. 2015, Long-term Portfolio investment: New insight into Return and Risk, *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, p. 54—77. (In Russ.)

26. Barontini, R., Bozzi, S., Ferrarini, G., Ungureanu, M. 2013, Directors' remuneration before and after the crisis: Measuring the impact of reforms in Europe. In: Belcredi, M., Ferra, G. (eds.) *Boards and Shareholders in European Listed Companies: Facts, Context and Post-Crisis Reforms*.

27. Boeva, B., Pavlova, V. 2012, *Corporate Governance-State-of-the-art and Future Trends in the Integration of Bulgarian Companies within the European Market*, Sofia, Bulgaria.

28. Belcredi, M., Ferrarini, G. 2013, *Boards and Shareholders in European Listed Companies: Facts, Context and Post-Crisis Reforms*, Cambridge, United Kingdom.

29. Makarova, O.A., Abramjan, T.A. 2015, On the right of corporations in the light of the Civil Code of the Russian Federation, *Grazhdanskoe pravo* [Civil law], no. 1, pp. 14—19. (In Russ.)

30. Beljaeva, I. Ju., Jeskindarov, M.A., 2000, Korporativnye formy hozjajstvovaniya v rossijskoj jekonomike i problemy vzaimodejstvija menedzhmenta i melkih akcionerov [Corporate forms of management in the Russian economy and problems of interaction between management and small shareholders], *Finansy i kredit*, no. 10 (70), p. 44—48. (In Russ.)

31. Makarova, O.A. 2015, The concept and signs of corporate governance as a way of coordinating economic activity, *Grazhdanskoe pravo* [Civil law], no. 4, p. 6—8. (In Russ.)

The authors

Prof Sergey V. Kuznetsov, Institute of Regional Economic Problems, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru

Prof Yuliya I. Rastova, Department of Management and Innovation, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: rastova.yu@unecon.ru

Dr Natalia V. Sushcheva, Department of Economics and Quality Management, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: snv@finec.ru

To cite this article:

Kuznetsov S.V., Rastova Y.I., Sushcheva N.V. 2018, The Role of Public Companies in Creating a Platform for Economic Growth in Saint Petersburg, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 37—55. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-3.

БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕГИОНЕ

ПОЛИТИКА НАТО НА БАЛТИКЕ — ЦЕЛИ И ПРИОРИТЕТЫ

Г. И. Грибанова¹
Ю. В. Косов²

Авторы ставят цель на основе методологии геополитического анализа выявить базовые характеристики современной политики НАТО в отношении Балтийского моря. После распада Советского Союза этот регион считался одним из наиболее благополучных с точки зрения военной безопасности. Однако в последние годы, особенно после украинских событий, здесь наблюдается ощутимый рост напряженности в отношениях между НАТО и Российской Федерацией. Проведенное исследование и сравнительный анализ базовых документов Североатлантического альянса, посвященных ситуации на Балтике, дают основание сделать вывод о том, что основным предлогом для эскалации военного присутствия в регионе является утверждение о необходимости защиты стран Балтии от российской угрозы. Особое внимание уделено попыткам западных военных стратегов добиться вхождения в НАТО нейтральных государств Северной Европы — Швеции и Финляндии, что означало бы расширение данной военно-политической организации не только на Восток, но и на Север. Исходя из сложившейся ситуации обосновывается необходимость для России добиваться снижения уровня напряженности в регионе Балтийского моря, не только адекватным образом отвечая на возникающие военные угрозы, но и проводя активную информационную работу по разъяснению своей позиции, по разоблачению мифа о готовящейся гибридной войне со стороны России в отношении стран Балтии.

Ключевые слова: НАТО, Балтийское море, политическая стратегия, военная напряженность, Россия, страны Балтии

Введение

В ноябре 2016 года президентом В. В. Путиным была подписана новая «Концепция внешней политики Российской Федерации» [1]. Прошло всего три года после принятия в 2013 году предшествующего варианта Концепции, однако за этот небольшой срок в мировой политике произошли столь серьезные изменения, что это потребовало актуализации внешнеполитической деятельности российского государства.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

² Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний просп. В. О., 57/43.

Поступила в редакцию 16.06.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-4

© Грибанова Г. И., Косов Ю. В., 2018

Кризисная ситуация на Украине после Евромайдана, введение антироссийских санкций и контрсанкций, активизация деятельности «Исламского государства» на Ближнем Востоке не могли не отразиться на внешнеполитическом курсе нашей страны. Поэтому наряду с подтверждением тезисов, заявленных в Концепции 2013 года, во внешнеполитической доктрине 2016 года появились определенные изменения. Так, в ней появляются новые аспекты, касающиеся отношений с Западом. В пункте 61 Концепция критикует позицию государств-членов НАТО и ЕС по отношению к России и рассматривает их политику как противоречащую сотрудничеству, которое крайне необходимо в современной ситуации, осложненной международными угрозами [1, с. 51]. Особое внимание в связи с этим уделено необходимости для России выстраивать отношения с НАТО «с учетом степени готовности альянса к равноправному партнерству, неукоснительному соблюдению принципов и норм международного права, реальным шагам по обеспечению общего пространства мира, безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе на принципах взаимного доверия, транспарентности и предсказуемости, выполнению всеми его членами взятого на себя в рамках Совета Россия — НАТО обязательства по обеспечению своей безопасности за счет безопасности других государств, а также обязательств по военной сдержанности в соответствии с основополагающим актом о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора от 27 мая 1997 г.» [1, с. 27—28]. Отсюда вполне логичным является негативное отношение РФ «к расширению НАТО, приближению военной инфраструктуры Альянса к российским границам и наращиванию его военной активности в приграничных с Россией регионах как к действиям, нарушающим принцип равной и неделимой безопасности и ведущим к углублению старых и появлению новых разделительных линий в Европе» [1, с. 28].

Для того чтобы успешно противостоять подобного рода тенденциям, представляется крайне важным понять причины и последствия острого обострения отношений по линии противостояния Российской Федерации и НАТО в регионе Балтийского моря. Несмотря на то что этому вопросу уделяется серьезное внимание такими специалистами, как Н. Межевич [2; 3], Ю. Зверев [3], К. Худолей [4], А. Носович [5; 6], С. Залевский [7], В. Воловой, И. Баторшина [8], В. Коньшев, А. Сергунин, С. Субботин [9] и рядом других, результаты проведенного нами исследования, по нашему мнению, отличаются не только актуальностью, но и новизной, так как основываются на анализе новейших документов НАТО, выступлений официальных лиц, работ аналитиков и экспертов из стран, входящих в Североатлантический альянс, до этого по большей части не являвшихся объектом изучения со стороны российских политологов. Именно это позволяет выявить истинные причины и намерения стратегов НАТО в отношении Балтики на современном этапе противостояния с Россией.

Балтийский регион в стратегии Североатлантического альянса: к вопросу о смене приоритетов

Не вызывает сомнения тот факт, что Балтийское море имеет важнейшее геополитическое значение как для России, так и для целого ряда европейских государств, являющихся членами НАТО или сохраняющих свой нейтральный статус. С одной стороны, именно в этом регионе напрямую соприкасаются силы Североатлантического альянса и стран-членов ОДКБ. С другой — неоспоримо значение Балтики для глобальной экономики, развития торговли, для прямого выхода в Мировой океан.

Представляется, что в контексте оценки геополитической ситуации в данном регионе НАТО целесообразно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, в качестве политического и военного многостороннего актора, во-вторых, как инструмент сотрудничества, формирующий основу для укрепления позиций Соединенных Штатов Америки в этой части глобального геополитического пространства. Необходимо подчеркнуть, что в течение определенного периода времени в стратегии НАТО Балтийское море не рассматривалось в качестве приоритетной зоны потенциальных военных действий, соответственно, внимание уделялось лишь отдельным инцидентам, к которым аналитики НАТО относят, например, приписываемую России кибератаку на Эстонию в 2007 году [10]. Однако после воссоединения Крыма с Россией ситуация резко изменилась, поскольку страны Балтии стали рассматриваться стратегами НАТО, в первую очередь американскими, в качестве следующего объекта российского «захвата» на постсоветском пространстве. В этом плане можно проследить прямую зависимость между Североатлантическим альянсом и ролью, которую играют США в мире. По мнению финского военного исследователя Яна Ханска, «даже если регион Балтийского моря никогда не входил в число приоритетных в геостратегии США, суперструктура НАТО привязывает США к его стабильности до такой степени, что если США не смогут защитить своих союзников в этом районе, вся их внешняя политика и стратегия будут разрушены. Даже если регион Балтийского моря не столь важен для США, они не могут позволить себе держаться от него в стороне» [11, p. 15].

В период Холодной войны американская политика в отношении Балтики базировалась на сдерживании Советского Союза путем усиления своих союзников и давления на такие нейтральные страны, как Швеция и Финляндия. При этом наряду с проведением соответствующей публичной политики широко использовались методы политического закулисы. В период правления президента Рональда Рейгана акцент делался не столько на Балтийское море как таковое, сколько на страны, граничившие со странами Варшавского договора. После падения Берлинской стены и вывода российских войск из Литвы, Латвии и Эстонии в 1993—1994 годах США поставили задачу усиления своего влияния, но не физического присутствия в регионе. Вместо последнего была использована структура НАТО. Программа «Партнерство ради мира» использовалась в качестве первого шага к вступлению новых государств в Североатлантический альянс. После вступления стран Балтии в НАТО в 2004 году и развертывания борьбы с терроризмом в Афганистане и Ираке регион Балтийского моря стал рассматриваться как одно из наиболее благополучных с точки зрения военной безопасности мест в мире. Соответственно, и заинтересованность США в своем военном присутствии здесь стала не столь ярко выраженной. И хотя осенью 2013 года были проведены маневры *Steadfast Jazz 2013*, которые должны были уверить страны Балтии и Польшу в их поддержке со стороны НАТО и продемонстрировать эффективность новых Сил реагирования альянса, участие американцев в них было сведено к минимуму — 160 человек (для сравнения со стороны Франции участвовало 1200 человек, Польши — 1040) [12]. Это достаточно убедительно свидетельствовало не только о необходимости урезания соответствующих расходов военного бюджета, но и о том, что США считали Балтику регионом с низким уровнем напряженности.

Однако, как мы уже отмечали, в настоящее время именно Балтийское море начинает играть важную роль в стратегическом противостоянии России и Запада, что заставляет по новому оценивать стратегию США и НАТО в регионе.

Безопасность стран Балтии как декларируемая цель усиления присутствия НАТО в регионе

Во время президентства Барака Обамы стало очевидным стремление США к усилению своего присутствия на Балтике под предлогом необходимости защиты стран Балтии от России. Анализ многочисленных материалов, подготовленных как самими американскими военными специалистами, так и проамерикански настроенными деятелями в Эстонии, Литве, Латвии, а также ряде стран Северной Европы достаточно убедительно, на наш взгляд, свидетельствует об этом [13—19]. Постараемся проанализировать наиболее типичные и важные с точки зрения безопасности позиции, отраженные в них.

Прежде всего высказывается озабоченность по поводу того, что с военной точки зрения страны Балтии — Эстония, Латвия и Литва — изолированы от других стран — членов НАТО, что крайне осложняет, если вообще не отрицает, адекватный ответ на возможные инциденты военного характера на Балтийском море без задействования ряда государств, не являющихся членами Альянса. Соответственно, основной задачей становится втягивание Финляндии и Швеции в орбиту НАТО, давление на правящие элиты этих стран с целью заставить их изменить свой нейтральный статус.

Страны Северной Европы играют важную роль в гарантированности безопасности стран Балтии, с которыми у них существуют давние и прочные связи, базирующиеся на определенной культурно-исторической общности. Дания и Норвегия сделали многое для военного укрепления стран Балтии после распада СССР, а Швеция и Финляндия, несмотря на отсутствие членства в НАТО, также поддерживают достаточно стабильные отношения с ними в сфере безопасности. В то же время постоянно высказывается озабоченность по поводу того, что лояльно настроенные к НАТО и готовые к сотрудничеству с ним Финляндия и Швеция тем не менее не обязаны помогать членам НАТО в случае нападения на последних. И к такому повороту событий США должны быть готовы. В связи с этим проводится параллель с Афганистаном — сугубо континентальной страной без выхода к морю за несколько тысяч миль от территории самих Соединенных Штатов. Подчеркивается, что поддержка американской интервенции со стороны соседей Афганистана была во многом условной, периодически вообще вызывающей сомнения в ее существовании, а региональная инфраструктура характеризуется слабым уровнем развития. Это, однако, не мешает США уже второе десятилетие проводить там полномасштабные боевые операции. Отсюда делается вывод, что при правильном планировании и подготовке США и НАТО могут осуществить то же самое на Балтике даже с учетом российской стратегии A2/AD, подразумевающей противодействие допуску чужих войск в зону боевых действий (anti-access, или A2) с одновременным ограничением их эффективных действий на территории, если они все-таки прорваться смогли (area-denial, или AD), и без поддержки Швеции и Финляндии, хотя в последнем случае это вызовет несомненные трудности.

В качестве дополнительных аргументов приводятся исторические примеры, доказывающие, что военные операции в регионе Балтийского моря требуют задействования воздушной, морской или сухопутной территории Швеции и Финляндии. Так, во время Крымской войны (1853—1856) и интервенции союзников в годы Гражданской войны (1918—1920) шведская крепость Виапори (современная финская Суоменлинна) и Аландские острова сыграли решаю-

щую роль. Во время обеих мировых войн проливы Скагеррак и Каттегат, граничащие со шведскими территориальными водами и служащие в качестве своего рода ворот в Балтийское море, были предметом ожесточенного соперничества. В период Холодной войны принадлежащий Дании остров Борнхольм стал зоной соперничества между Советским Союзом и НАТО. Подобного рода соображения сохраняются и в XXI веке.

Датские проливы состоят из трех каналов — Эресунн (Зунн), Малый Бельт и Большой Бельт, соединяющих Балтийское и Северное моря через проливы Скагеррак и Каттегат. Эти проливы служат странам, расположенным на Балтике, в качестве торговых импортно-экспортных путей. Особенно важны они для России, которая все в большей степени задействует их для экспорта нефти в Европу [20, р. 225]. В целом примерно 125 тысяч судов в год проходят через эти проливы. Отсюда делается вывод, что если США потребуются осуществить военную интервенцию в страны Балтии, жизненно важным будет получить доступ к этим Датским проливам. По мнению американских стратегов, было бы крайне наивным считать, что Россия не учитывает важность Аландских островов и Датских проливов в своем плане чрезвычайных действий в регионе Балтийского моря [21]. Соответственно, и для США было бы крайне безответственным не делать этого.

Другим крайне важным фактором военного противостояния на Балтике является Калининградская область. В глазах американских специалистов это выглядит следующим образом. Калининград — маленький российский эксклав вдоль побережья Балтийского моря (немного больший, чем Коннектикут), граничащий с Литвой и Польшей. Калининград — часть Западного военного округа России, и здесь размещены примерно 25 тысяч российских военнослужащих. Это дом для Балтийского флота России, который состоит примерно из 50 кораблей, включая подводные лодки. И самое главное — Калининград — это сердце российской стратегии А2/AD [21].

У России в Калининграде имеется передовая противовоздушная оборонная система С 400, а в октябре 2016 года здесь были развернуты ракетные комплексы «Искандер-М», что, по официальному заявлению Кремля, озвученному Дмитрием Песковым, связано с созданием в Европе «антироссийской ракетной системы» [22]. Особую озабоченность у стратегов НАТО вызывает тот факт, что эти комплексы способны нести ядерные или обычные боеголовки и радиус их действия — 250 миль, что делает доступными для них Ригу, Вильнюс и Варшаву. Кроме того, Россия имеет возможности для размещения ядерного оружия в Калининграде. Есть ли это оружие там уже в настоящее время, является предметом горячих дискуссий. Западные военные утверждают, что Россия модернизирует взлетно-посадочные полосы на своих авиационных базах в Черняховске и Донском, обеспечивая тем самым себя базами, расположенными рядом с воздушным пространством НАТО. Именно российские самолеты, взлетающие с баз в Калининграде или возвращающиеся туда, обвиняются в создании опасных инцидентов с самолетами НАТО, осуществляющими патрулирование воздушного пространства над странами Балтии.

Американские специалисты не сомневаются, что покрытие Россией в соответствии со стратегией А2/AD всего Балтийского региона в сочетании с нежеланием Финляндии и Швеции вступать в НАТО делает защиту стран Балтии крайне сложной задачей. В связи с этим предлагается ряд мер, которые могли бы облегчить США выполнение своих обязательств в отношении Эстонии, Латвии и Литвы, взятых ими на себя в рамках НАТО [21].

Во-первых, делать все возможное для улучшения отношений США со странами Северной Европы, что, в свою очередь, будет способствовать и дальнейшему укреплению сотрудничества с государствами Балтии, которые в значительной степени ориентированы на Северные страны.

Во-вторых, всячески способствовать вступлению Финляндии и Швеции в НАТО. Сама формулировка этой задачи заслуживает, на наш взгляд, того, чтобы ее процитировать дословно: «В конечном счете население Швеции и Финляндии само решит, вступать ли им в НАТО, но США должны проводить такую политику, которая будет поощрять членство в НАТО этих двух северных стран. До того как они вступят в НАТО, они не смогут пользоваться преимуществом гарантии своей безопасности со стороны Альянса» [21].

В-третьих, подготовить чрезвычайные операции для защиты Балтии, в рамках которых не делался бы расчет на поддержку со стороны Финляндии и Швеции. США должны планировать и репетировать защиту государств Балтии без сотрудничества с этими двумя странами. «Насколько бы невероятно это не было, до тех пор, пока Финляндия и Швеция не станут полноправными членами НАТО, было бы безответственным со стороны американских военных не планировать подобного сценария» [21]. Эти учения должны включать сценарий реагирования на захват российскими вооруженными силами Аландских островов и Голанда.

В-четвертых, быть готовыми к быстрой переброске своих сил в Европу. В период Холодной войны США ежегодно проводили военные учения под названием «Операция Рефорджер» (*Operation Reforger — Return of Forces to Germany*). Они должны были доказывать, что США способны быстро перебросить обычные вооруженные силы из США в Германию в случае войны с Советским Союзом. США следует проводить аналогичные операции теперь уже в отношении стран Балтии.

В-пятых, особое внимание следует уделить фактору Калининграда. Для этого США следует совместно с союзниками по НАТО выработать стратегию в отношении способностей России реализовать А2/AD. В особенности это требует тесного сотрудничества с Польшей. «Никакой надежной защиты стран Балтии не может быть гарантировано без нейтрализации угрозы из Калининграда» [21].

Наконец, «Москва не должна интерпретировать вненатовский статус Швеции и Финляндии в качестве зеленого света для интервенции в государства Балтии, поскольку НАТО не может прийти на их защиту. В свою очередь, до тех пор, пока они не стали полноправными членами НАТО, Стокгольм и Хельсинки не должны рассчитывать на то, что Альянс автоматически придет им на помощь, если они будут атакованы Россией, и члены НАТО не должны поддерживать у них эту иллюзию. НАТО должно быть готово к любому развитию событий на Балтии — иначе Россия воспользуется этой благоприятной для себя ситуацией» [21].

Гибридные войны на Балтике — миф или реальность?

Многие западные эксперты полагают, что в случае возникновения конфликта между Россией и странами Балтии, скорее всего, в него будут вовлечены русскоязычные меньшинства, что позволит РФ использовать идею необходимости защиты их прав для оправдания военного вмешательства. Действия в духе современной «гибридной войны» в этом регионе, по мнению генерал-майора в отставке Франка ван Каппена, члена верхней палаты парламента Нидерландов, работавшего в прошлом советником по безопасности при ООН и НАТО, могут выглядеть следующим образом:

Путин в любом случае не собирается въезжать в Прибалтику на танке, потому что тогда он открыто объявит войну НАТО. Пятая статья Североатлантического договора гласит, что нападение на одну из стран-членов НАТО является нападением на все страны-члены. Вместо этого мы можем увидеть тот же сценарий, что наблюдали до сих пор. Можно, например, подогреть обстановку в эстонской Нарве, где живет много русских. Опять гибридная война, контакты с местными организациями, и Нарва провозглашает независимость. Эстония реагирует жестко. Россия заявляет о своем долге защитить русскоязычное население от неофашистов.

Если бы Путин въехал в Эстонию на танке, то все было бы просто. Он объявил бы таким образом НАТО войну, и он ее проиграл бы — это я могу вам стопроцентно гарантировать. Ценой миллионов жизней. Но войны никто не хочет. Если же Путин действует с помощью гибридной войны, то он вполне может рассчитывать на то, что НАТО не прибегнет к Пятой статье. Будет просто провозглашена свободная народная республика Нарва. Она запросится в Россию. Повод ли это для пятой статьи? А если не повод, то все члены НАТО из Восточной Европы воскликнут: НАТО больше ничего не стоит. В этом смысле Путин забьет гол в ворота НАТО [23].

Как считают эстонские эксперты Международного центра обороны и безопасности Калев Стойцеску и Хенрик Пракс, практически рассматривающие тот же сценарий, что и нидерландский генерал, Россия будет принимать решение о дальнейшей военной эскалации в зависимости от реакции НАТО и ЕС и от сопротивления со стороны подвергшихся атаке государств. В худшем случае такой конфликт обернется полномасштабной войной [15].

В то же время, по их мнению, попытки Кремля действовать на Балтике по донбасскому сценарию (что бы они под этим не понимали) столкнутся с целым рядом трудностей. Во-первых, Кремлю не удалось с помощью этой тактики достигнуть желаемых результатов на Украине; во-вторых, Североатлантический блок и его «восточный фланг» внимательно изучают специфические особенности российской «гибридной войны» и контрдействия Украины, что должно позволить, по мнению натовских специалистов, при необходимости дать быстрый и адекватный ответ. Тем более что в этом случае Россия будет лишена своего основного преимущества — быстрого захвата инициативы как следствия неготовности и растерянности другой стороны. В этой ситуации критичными будут первые несколько дней: если Россия будет колебаться по поводу прямого военного вмешательства, то у союзников по НАТО, скорее всего, хватит времени на то, чтобы взять под контроль ситуацию. Более того, без недвусмысленной российской военной поддержки «сепаратисты» имеют мало шансов на то, чтобы начать контролировать какие-либо участки российской границы со странами Балтии, что являлось бы жизненно важным для их успеха. Однако военная поддержка со стороны России неминуемо приведет к открытому столкновению с НАТО.

Другой широко обсуждаемый в натовских кругах сценарий предполагает российское военное вмешательство как ответ на определенный инцидент (то есть провокацию). Западные военные специалисты обвиняют Вооруженные силы России в том, что они (особенно воздушно-десантные войска и армейская авиация) постоянно готовятся к данному сценарию, например тренируясь в захвате «неизвестных аэродромов» в непосредственной близости от восточных границ Латвии и Эстонии. В качестве примера приводятся военные учения, проходившие с 15 по 20 февраля 2016 года в Псковской области, в которых были задействованы 2 500 военнослужащих [14]. Такого рода внезапное «вторжение, без сомнения, станет неожиданным «сюрпризом» для атакованной страны и может быть использовано Россией для того, чтобы продемон-

стрировать Североатлантическому альянсу его уязвимость и неспособность защитить всю свою территорию. Это, в свою очередь, спровоцирует политический раскол в лагере союзников, однако такая прямая агрессия автоматически приведет к вступлению в силу Статьи 5, в соответствии с которой будет дан политический, экономический и военный отпор.

Третий сценарий, представляемый стратегами НАТО, базируется на идее о том, что Россия будет стремиться отделить страны Балтии от остальной территории, контролируемой НАТО, и затем их оккупировать. В связи с этим упоминаются регулярные плановые учения Вооруженных сил России «Запад» и «Союзный щит» (совместно с Беларусью). По мнению западных военных специалистов, именно по такому сценарию происходила война с Грузией в августе 2008 года и события на Украине. Это будет гораздо более сильным политическим ударом по НАТО и ЕС, который — в случае успеха — позволит России приобрести несомненное стратегическое военное преимущество на Балтике и, возможно, «решить» проблему Калининградского эксклава. У Кремля не будет проблем найти для этого повод, особенно если произойдет критическое ухудшение отношений между США/НАТО и РФ (например, в Сирии).

Эксперты НАТО вынуждены признать, что Россия доказала свою способность эффективно использовать систему А2/AD на море и в воздушном пространстве вокруг стран Балтии. Отсюда делается вывод о том, что российская интервенция через территорию Беларуси в сторону Калининградской области через 100-километровый коридор Сувалки (польская и литовская территории) в связке с операциями против Эстонии и Латвии со стороны Ленинградской и Псковской областей может последовать за воздушной и морской блокадой, если НАТО не среагирует на действия России вовремя и адекватным силовым воздействием и не будет должным образом представлена в этом регионе.

Основной вывод заключается в том, что, поскольку каждый из этих сценариев возможен, то стратеги НАТО должны учитывать, что, даже если Россия не хочет полномасштабной войны с НАТО, она не упустит возможности использовать различия в понимании ситуации и готовности реагировать на нее у стран-членов НАТО и субрегиональную слабость Альянса на Балтийском море.

Дональд Трамп и «балтийский вопрос»

Возникает естественный вопрос, происходят ли сколько-нибудь существенные изменения в стратегии НАТО на Балтийском море в связи с приходом к власти в США нового президента и его команды. Заявления Дональда Трампа во время его предвыборной кампании в отношении НАТО в целом и стран Балтии в частности породили почти панические настроения у политических элит стран этого региона. Особую озабоченность вызвало высказывание Дональда Трампа о том, что он не стал бы безоговорочно защищать страны Балтии в случае нападения со стороны России. Для начала он хотел бы ознакомиться с тем, как союзники справляются со своими финансовыми обязательствами [24]. А в этом вопросе ситуация, действительно, далеко не столь благоприятная, как хотелось бы американскому руководству. И если Эстония, выделяя на оборону чуть больше 2% ВВП, соответствует принятому «базовому минимуму», то с Литвой и Латвией дело обстоит несколько хуже. Правительства этих двух стран дали обещание еще предшествующей американской администрации увеличить свои расходы на оборону, о чем было заявлено во время участия вице-президента Джозефа Байдена в Балтийском форуме, проходившем в Риге в августе 2016 года [25]. Однако эти обещания были даны в ситуации, когда балтийские союзники США могли рассчитывать на

серьезную финансовую помощь со стороны Вашингтона. Как подчеркивалось в сообщении по итогам встречи в Риге, в последнее время «каждый из балтийских союзников получил свыше 30 миллионов долларов» в рамках американской программы поддержки европейских союзников по НАТО. Только в 2016 году каждая из трех стран получила более 9 миллионов долларов [25]. В настоящее же время увеличить свой вклад в финансирование НАТО для стран Балтии, особенно для Латвии, с учетом их экономического положения будет не так просто. В то же время следует отметить, что в других странах Североатлантического альянса далеко не все разделяют призывы к увеличению военных расходов. Весьма показательно, что министр иностранных дел Германии Зигмар Габриэль во время своего визита в Эстонию в марте 2017 года, напомнив об уроках Второй мировой войны, особо подчеркнул, что наращивание военных расходов неминуемо вызовет тревогу соседних стран. Еще раньше, в феврале, на международной конференции по безопасности в Мюнхене президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер высказал мнение, что Европа не должна поддаваться требованию США повысить военные расходы, поскольку гораздо важнее тратить деньги Европейского союза на гуманитарную помощь и поддержку развития третьих стран, что Европа и делает [6].

Несмотря на смену власти в Белом доме, трудно ожидать, что новая американская администрация когда-нибудь прямо заявит об отказе от идеи расширения НАТО в регионе Балтийского моря, от попыток втянуть в Североатлантический блок Финляндию и Швецию. Не случайно во время визита нового министра обороны Джеймса Мэттиса в Финляндию в марте 2017 года вновь «ритуально» обсуждалась «российская агрессия», но все-таки главное внимание при этом было уделено вкладу Финляндии в борьбу с ИГИЛ [27]. Однако в данном вопросе ключевую роль будет играть, на наш взгляд, не столько позиция Соединенных Штатов, сколько общественное мнение и позиционирование политических элит самих Северных стран. Что касается Швеции, то каких-либо практических шагов по вступлению в НАТО можно будет ждать только после выборов 2018 года в случае победы Умеренной коалиционной партии и ее потенциальных правоцентристских союзников. Находящееся же в настоящее время у власти левоцентристское правительство не считает вступление в НАТО необходимым. Петер Хультквист, министр обороны Швеции, несмотря на жесткую антироссийскую риторику, тем не менее заявляет: «Что бы ни случилось, страны вокруг Балтийского моря должны держаться вместе, быть более сплоченными. Но решение для нас — нечленство в НАТО. У нас свое собственное географическое положение и своя собственная история, как и у Финляндии». Вместо НАТО Швеция, по его мнению, должна укреплять двусторонние военные связи с Польшей и Германией [28].

В то же время «непредсказуемость» Д. Трампа используется в качестве нового аргумента сторонниками НАТО, которые стремятся доказать шведскому обществу, что при новой американской администрации двустороннее соглашение об обороне, подписанное Швецией и Финляндией еще с администрацией Барака Обамы, может быть недостаточным [29]. Аргументация сводится к тому, что сотрудничество с 28 государствами, а не с одним (пусть даже столь мощным, как США), может быть более надежным.

Нынешнее правительство Финляндии также против немедленного вступления в НАТО, но не закрывает полностью подобную возможность для страны. Так, бывший премьер-министр Алекс Стубб в ноябре 2016 года высказал опасение, что между Дональдом Трампом и президентом Путиным возможно заключение соглашения о приостановке процесса расширения НАТО. По его мнению, «это сохранит политический вакуум безопасности в Северной Европе, особенно в Финляндии и Швеции... "натовский вариант" которых сведется к нулю» [30].

Не следует, на наш взгляд, и рассчитывать, как это, например, делает аналитик портала RuBaltic Ru Александр Носович, на то, что «президент Трамп откажется от Прибалтики» [5]. Во-первых, не пересмотрены оборонные соглашения, заключенные в январе 2017 года уходящей американской администрацией с Литвой и Эстонией, формально закрепляющие размещение новых военных подразделений в этих странах и статус американских военнослужащих в них [31]. Во-вторых, с начала 2017 года в рамках так называемого усиления «восточного фланга» Альянса в Польшу и страны Балтии прибыли силы и средства 3-й бронетанковой боевой бригадной группы США и батальонные тактические группы стран-членов блока, которые вместе с национальными вооруженными силами продолжили совершенствовать Балтийский плацдарм [32].

Каковы бы ни были взгляды самого Дональда Трампа, ему приходится учитывать уже сложившуюся в США и мире систему военно-политических отношений, геополитические интересы Америки и их трактовку властными элитами страны, характер и степень влияния военно-промышленного комплекса на процесс принятия политических решений в Вашингтоне.

В связи с этим вспоминаются слова президента США Дуайта Эйзенхауэра: «В наших правительственных структурах мы должны быть начеку, предотвращая необоснованное влияние, намеренное или ненамеренное, военно-промышленного комплекса. Потенциал опасного роста его неоправданной власти существует и будет существовать. Мы никогда не должны позволять этому союзу подвергнуть опасности наши свободы или демократические процессы. Нам не следует принимать что-либо на веру. Лишь бдительное и информированное гражданское общество может настоять на разумном сочетании огромной индустриальной и военной машины с нашими мирными методами и целями с тем, чтобы безопасность и свобода могли совместно процветать» [33]. Мы убеждены, что именно интересы военно-промышленного комплекса стоят за эскалацией напряженности в российско-американских отношениях. И противостоять им крайне сложно. Отсюда можно предположить, что даже если произойдет некоторое смягчение воинственной риторики, усиление прагматизма во внешней политике США, Балтийский регион, к сожалению, на ближайшие годы останется ареной противостояния между НАТО и РФ, которые будут стремиться не просто решить здесь свои военно-политические задачи, но и использовать его в более широких геополитических целях.

В то же время определенные сдвиги в политике США не могут не сказываться и на позиции руководства НАТО, поскольку именно эта страна играет системообразующую роль в данном военно-политическом образовании. Так, во время своего официального визита в Данию в марте 2017 года генеральный секретарь Североатлантического альянса Йенс Столтенберг вынужден был заявить следующее: «НАТО видит обеспокоенность в связи с терроризмом и кибератаками, но ничто не указывает на возможность конвенционального нападения на какую-либо из стран НАТО, в том числе на страны Балтии» [34]. Необходимо учитывать и тот факт, что, как подчеркивает американский эксперт по обороне Сэмюэл Гардинер, для новой администрации США безопасность стран Балтии не входит в топ-10 важнейших тем [5]. Очевидно, что для президента Дональда Трампа гораздо более важными представляются проблемы, связанные с Ближним Востоком и Северной Кореей, что, однако, не означает потери интереса к Балтийскому региону, являющемуся зоной прямого соприкосновения НАТО и РФ. Отсюда можно со значительной долей уверенности сделать вывод о том, что ситуация на Балтике напрямую зависит от общего контекста отношений в рамках треугольника «США — Европа — Россия». Пока же приходится согласиться с мнением президента Российской ас-

социации прибалтийских исследований Н. М. Межевича о том, что «геополитическая конфигурация в Балтийском регионе приобретает все более ярко выраженный характер "все против России" или "Россия против всех", что не отвечает интересам ни Евросоюза, ни России, а в обстановке взаимного недоверия и подозрений создает потенциальную угрозу перерастания просчетов в прямую военную конфронтацию с непредсказуемыми последствиями» [2].

Заключение

Анализ взглядов натовских экспертов и генералов на проблемы безопасности в регионе Балтийского моря позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, очевидна нацеленность на прямую конфронтацию с Россией. В качестве оправдания используется ситуация на Украине и проблема Крыма. Однако представляется, что если бы не было украинского кризиса, то все равно обострение ситуации на Балтике имело бы место. Сама логика развития отношений по линии РФ — НАТО в последние годы достаточно убедительно свидетельствует об этом.

Во-вторых, основной целью является вовлечение нейтральных государств — Швеции и Финляндии — в орбиту деятельности Альянса. Таким образом, расширение НАТО на Восток дополняется стремлением расширения на Север, что, безусловно, не может не волновать Россию и в первую очередь граничащие с Финляндией ее регионы — Ленинградскую область и Республику Карелию. Вступление этих двух стран в НАТО не только приведет к росту напряженности в регионе, но и к необходимости значительных дополнительных расходов на оборону. Одновременно происходит и поляризация общественного сознания в Финляндии и Швеции, усиление раскола по вопросу о членстве в НАТО и отношениях с Россией.

В-третьих, нагнетание истерии по поводу агрессивных намерений России в Балтийском регионе используется и для решения финансовых задач. Вполне естественным выглядит стремление США переложить часть военных расходов на плечи своих союзников по НАТО, которые, не видя прямой военной угрозы для себя, с большой неохотой идут на непопулярные у избирателей траты на оборону. На саммите НАТО в Уэльсе в 2014 году была достигнута договоренность о том, что каждая из стран-членов будет выделять на оборону не менее 2% своего бюджета. Однако выполняется эта договоренность далеко не всеми [35, с. 50].

В-четвертых, отмечая внутреннюю уязвимость стран Балтии, имеющих значительный процент русскоязычного населения, стратеги НАТО практически даже не ставят вопрос о причинах этнополитической напряженности, не призывают разрабатывать и осуществлять программы по их интеграции в общество, что позволило бы повысить уровень лояльности русскоязычных общин по отношению к странам проживания, лишив тем самым Россию возможности привлечь их на свою сторону.

В-пятых, нацеленность НАТО и в первую очередь США на усиление своего присутствия в регионе Балтийского моря (в широком смысле этого понятия) угрожает сложившимся в результате многолетнего сотрудничества связям между балтийскими странами, включая Россию. Акцент на военную составляющую четко прорисовывает линии разделения между государствами-членами НАТО (Данией, Польшей, ФРГ, странами Балтии и Норвегией), нейтральными государствами (Швецией, Финляндией) и союзниками по ОДКБ (РФ и Беларусью).

В-шестых, оценивая общую стратегию НАТО как военно-политического блока, следует учитывать существующие среди членов этой организации различия в понимании ситуации, решимости следовать в кильватере политики Вашингтона. И здесь речь идет не только уже о ставшем традиционным противостоянии «старой» и «новой» Европы, характерном для политического процесса в рамках ЕС, но и о более сложной конфигурации, базирующейся на отношении к России и ее отдельным политическим решениям.

Обострение напряженности на Балтике не может не вызывать беспокойства России, которая вынуждена применять ответные меры на усиление присутствия НАТО в этом регионе. При этом, не отрицая значимости военной составляющей, следует, на наш взгляд, активизировать информационные усилия по разъяснению российской позиции в отношении наиболее острых проблем во взаимоотношениях со странами Балтии, Швеции и Финляндии для недопущения спекуляции по поводу реальных интересов РФ в регионе, проводимой ею политики. Воинственная риторика со стороны стратегов НАТО, сопровождающая обсуждение любых тем, связанных с присутствием России на Балтике, вызывает беспокойство не только России, но и других балтийских государств, наиболее здравомыслящей части политических элит стран Балтии, осознающей опасность дальнейшего нагнетания напряженности в регионе, который даже во времена Холодной войны стремился руководствоваться лозунгом «Балтийское море — море дружбы». Только в этом случае можно будет надеяться на открытие определенного «окна возможностей» если не для улучшения, то по крайней мере стабилизации отношений между Россией, странами Балтии и НАТО в регионе Балтийского моря.

Список литературы

1. *Концепция* внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 08.02.2017).
2. *Межевич Н.М.* Прибалтика 2.0. Четверть века «вторых республик» URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=7297> (дата обращения: 15.09.2017).
3. *Межевич Н.М., Зверев Ю.М.* Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности. М., 2016.
4. *Худолей К.К.* Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 7—23.
5. *Носович А.* Сбросить балласт: президент Трамп откажется от Прибалтики. URL: <http://www.rubaltic.ru/article/politica-i-obshchestvo/09112016-tramp-otkazhetsya-ot-pribaltiki/> (дата обращения: 23.02.2017).
6. *Носович А.* НАТО отказал Прибалтике в «российской угрозе». URL: <http://www.rubaltic.ru/article/politica-i-obshchestvo/20032017-nato-otkazal-pribaltike-v-rossiyskoy-ugroze/> (дата обращения: 22.03.2017).
7. *Залевский С.* Европейская безопасность: зачем НАТО балтийский плацдарм? URL: <http://www.belvpo.com/1636.html> (дата обращения: 20.04.2016).
8. *Воловой В., Баторшина И.А.* Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 27—43.
9. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В.* Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Балтийском и Североевропейском регионах // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 48—64.
10. *Richards J.* Denial-of-Service: The Estonian Cyberwar and Its Implications for U.S. National Security. URL: <http://www.iar-gwu.org/node/65> (дата обращения: 26.02.2017).
11. *Hanska J.* The Role of the Baltic Region for the United States. An analysis of U.S. presidential rhetoric from the Reagan years to today. FIIA Working Paper no 86. Helsinki, 2015.

12. *Exercise Steadfast Jazz 2013. Scope, Aim, Components, Conduct, Locations.* URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2013_10/20131031_131031-SFJZ13-Factsheet.pdf (дата обращения: 12.04.2017).
13. *Dahl A.-S. (ed.). Baltic Sea Security. How can allies and partners meet the new challenges in the region?* Copenhagen, 2016.
14. *Kramer F., Nordenman M. The Case for a More Robust NATO Presence in the Baltic Sea.* URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/the-case-for-a-more-robust-nato-maritime-presence-in-the-baltic-sea> (дата обращения: 05.08.2017).
15. *Stoicescu K., Praks H. Strengthening the Strategic Balance in the Baltic Sea Area.* Report. International Centre for Defense and Security. Tallinn, 2016.
16. *U.S. Department of Defense. NATO Enlargement and the Baltic States: What Can the Great Powers Do?* Washington, 2015.
17. *U.S. Government, U.S. Military, Department of Defense (DoD). Baltic COIN: Using a Counterinsurgency Model to Counter Russian Hybrid Warfare in the Baltics — NATO Response to Putin's Aggression, Protection for Eastern Europe, Estonia, Latvia and Lithuania.* Washington, 2017.
18. *U.S. Government, U.S. Military, Department of Defense (DoD). Geopolitics and Planning for a High-End Fight: NATO and the Baltic Region, Airpower and Geopolitical Angst, The New Russian Threat, Considering a High-End Fight with Russia, Putin.* Washington, 2017.
19. *Vershbow A. NATO and Russia: Why Transparency is Essential.* URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_134436.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.07.2017).
20. *Biresselioğlu M., Demir M.H., Dönmez S. Danish straits versus Turkish straits: the potential impact of prospective Russian oil exports // Revista Română de Studii Baltice i Nordice = The Romanian Journal for Baltic and Nordic Studies.* 2014. Vol. 6, iss. 2. P. 223—239.
21. *Coffey L., Kochis D. The Role of Sweden and Finland in NATO's Defense of the Baltic States.* URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2016/04/the-role-of-sweden-and-finland-in-natos-defense-of-the-baltic-states> (дата обращения: 07.06.2017).
22. *Главы Минобороны США и Финляндии обсудили «российскую агрессию».* 2017. 22 марта. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58d1e8329a79479f5796fe77> (дата обращения: 20.03.2017).
23. *Гибридная война Путина — никто не знает, как ответить.* 2014. 28 апр. URL: <http://argumentua.com/stati/gibridnaya-voyna-putina-nikto-ne-znaet-kak-otvetit> (дата обращения: 13.05.2017).
24. *Donald Trump Sets Conditions for Defending NATO Allies against Attack.* URL: https://www.nytimes.com/2016/07/21/us/politics/donald-trump-issues.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=a-lede-package-region®ion=top-news&WT.nav=top-news&_r=0 (дата обращения: 02.05.2017).
25. *Латвия и Литва увеличат расходы на оборону к 2018 году.* 2016. 24 авг. URL: <http://www.rubaltic.ru/news/24082016-latviya-i-litva-uvelijchat-oboronu/> (дата обращения: 15.12.2016).
26. *Эксперт: безопасность стран Балтии для США уже не важна.* 2017. 3 марта. URL: https://ru.sputnik-news.ee/world_news/20170303/4988266/Jekspert-bezopasnost-stran-Baltii-dlja-SShA-uzhe-ne-vazhna.html (дата обращения: 10.07.2017).
27. *Mattis, Finnish Defense Minister Meet at Pentagon Ahead of Counter-ISIS Talks* U.S. Department of Defense. URL: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1125921/mattis-finnish-defense-minister-meet-at-pentagon-ahead-of-counter-isis-talks> (дата обращения: 24.03.2017).
28. *Milne R. Swedes ponder joining Nato as Trump presidency focuses minds // The Financial Times.* 2016. 21 November. URL: <https://www.ft.com/content/8b83d6e2-aff9-11e6-a37c-f4a01f1b0fa1> (дата обращения: 27.12.2016).
29. *Naylor A. Trump, Russia and the new geopolitics of the Baltics // The New Eastern Europe.* 2017. 30 January. URL: <http://neweasterneurope.eu/articles-and-commentary/2247-trump-russia-and-the-new-geopolitics-of-the-baltics> (дата обращения: 08.04.2017).
30. *Naylor A. Trump, Russia and the new geopolitics of the Baltics // The New Eastern Europe.* 2017. 30 January. URL: <http://neweasterneurope.eu/articles-and-commentary/2247-trump-russia-and-the-new-geopolitics-of-the-baltics> (дата обращения: 08.04.2017).

31. *Ridgwell H.* US Signs Defense Pacts With Baltic States, but NATO Allies Wary of Trump Era. 2017. 18 January. URL: <http://www.voanews.com/a/united-states-defense-pacts-baltic-states/3681669.html> (дата обращения: 08.02.2017).

32. *Batchelor T.* The map that shows how many NATO troops are deployed along Russia's border. 2017. 5 February. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/russia-nato-border-forces-map-where-are-they-positioned-a7562391.html> (дата обращения: 21.09.2017).

33. *Eisenhower D.* Farewell Address delivered. 1961. 17 January. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhowerfarewell.html> (дата обращения: 03.12.2016).

34. *NATO chief: No military threat to Baltics/ The Baltic Times.* 2017. 18 March. URL: http://www.baltictimes.com/nato_chief_no_military_threat_to_baltics/ (дата обращения: 25.03.2017).

35. *Lexington: Donald Trump seems to see allies as a burden. NATO leaders make a pitch to the president // The Economist.* 2017. 4 February. URL: <http://www.economist.com/news/united-states/21716034-nato-leaders-make-pitch-president-donald-trump-seems-see-allies-burden> (дата обращения: 20.06.2017).

Об авторах

Галина Исааковна Грибанова, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: Gribanova@yandex.ru

Юрий Васильевич Косов, доктор философских наук, заместитель директора, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: kosov-yuv@sziu.ranepa.ru

Для цитирования:

Грибанова Г. И., Косов Ю. В. Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 1. С. 56—72. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-4.

NATO POLICIES IN THE BALTICS: OBJECTIVES AND PRIORITIES

G. I. Gribanova¹

Yu. V. Kosov²

¹ Saint-Petersburg State University,

7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

² North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

57/43 Sredny Prospekt V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia

Submitted on June 16, 2017

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-4

The authors employ geopolitical analysis to identify the core characteristics of NATO's current policy towards the Baltic Sea region. After the demise of the Soviet Union, the region was considered as one of the safest in terms of military security. However, in the aftermath of the Ukraine crisis, the region has witnessed a growing tension in relations between NATO

and the Russian Federation. A comparative analysis of NATO's official documents on the Baltics shows that the chief pretext for increased military presence in the region is the alleged need to defend the Baltic states from the Russian threat. Special attention is paid to the attempts of Western military strategists to encourage the neutral Nordic states — Sweden and Finland — to accede to NATO. This would lead to the organisation's northern enlargement. The current situation suggests that to ease tension in the Baltic Sea region Russia has not only to respond adequately to emerging military threats but also to launch an awareness campaign to explain its position and dispel the myth about Russia preparing to start a hybrid war against the Baltic States.

Key words: NATO, Baltic Sea, political strategy, military tension, Russia, Baltic states

References

1. The *Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation*, 2016, Approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on the 30th of November 2016, available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (accessed 08.02.2017). (In Russ.)
2. Mezhevich, N.M. 2017, The Baltic 2.0. A quarter of a century of “second republics”, *PRoATom*, available at: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=7297> (accessed 15.09.2017). (In Russ.)
3. Mezhevich, N.M., Zverev Yu. M. 2016, *Russia and the Baltic: scenarios of security in the situation of political tension*. Moscow. (In Russ.)
4. Khudoley, K.K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Balt. reg.*, Vol. 8, no. 1, p. 4—16. doi: 10.5922/2079-8555-2016-1-1.
5. Nosovich, A. 2016, To throw away the ballast: President Trump will abandon the Baltics, *Rubaltic*, available at: <http://www.rubaltic.ru/article/politica-i-obshchestvo/09112016-trump-otkazhetsy-a-ot-pribaltiki/> (accessed 23.02.2017). (In Russ.)
6. Nosovich, A. 2017, NATO said no to the Baltics about «Russian threat», *Rubaltic*, available at: <http://www.rubaltic.ru/article/politica-i-obshchestvo/20032017-nato-otkazal-pribaltike-v-rossiyskoy-ugroze/> (accessed 22.03.2017). (In Russ.)
7. Zalevsky, S. 2011, European security: why does the NATO needs the Baltic bridgehead? *Voenno-politicheskoe obozrenie* [Military-Political Review], available at: <http://www.belvpo.com/1636.html> (accessed 20.04.2016). (In Russ.)
8. Volovoj, V., Batorshina, I.A. 2107, Security in the Baltic region as a Projection of Global Confrontation between Russia and the USA, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 18—29. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-2.
9. Konyshov, V., Sergunin, A., Subbotin, S. 2016, The US ballistic missile defence policy in the Baltic and Nordic regions, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 1, p. 34—44. doi: 10.5922/2079-8555-2016-1-3.
10. Richards, J. 2007, Denial-of-Service: The Estonian Cyberwar and Its Implications for U.S. National Security, *The International Affairs Review*, available at: <http://www.iar-gwu.org/node/65> (accessed 26.02.2017).
11. Hanska, J. 2015, The Role of the Baltic Region for the United States. An analysis of U.S. presidential rhetoric from the Reagan years to today, *FIIA Working Paper*, no. 86, Helsinki.
12. Exercise Steadfast Jazz 2013. Scope, Aim, Components, Conduct, Locations, *NATO*, available at: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2013_10/20131031_131031-SFJZ13-Factsheet.pdf (accessed 12.04.2017).
13. Dahl, A.-S. (ed.) 2016, *Baltic Sea Security. How can allies and partners meet the new challenges in the region?* Copenhagen.
14. Kramer, F., Nordenman, M. 2016, The Case for a More Robust NATO Presence in the Baltic Sea, *Atlantic Council*, available at: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/the-case-for-a-more-robust-nato-maritime-presence-in-the-baltic-sea> (accessed 05.08.2017).
15. Stoicescu, K., Praks, H. 2016, Strengthening the Strategic Balance in the Baltic Sea Area, Report, International Centre for Defense and Security, Tallinn.
16. NATO Enlargement and the Baltic States: What Can the Great Powers Do? 2015, Washington, U. S. Department of Defense.

17. *Baltic COIN: Using a Counterinsurgency Model to Counter Russian Hybrid Warfare in the Baltics — NATO Response to Putin's Aggression, Protection for Eastern Europe, Estonia, Latvia and Lithuania*, 2017, Washington, U.S. Government, U.S. Military, Department of Defense (DoD).

18. *Geopolitics and Planning for a High-End Fight: NATO and the Baltic Region, Airpower and Geopolitical Angst, The New Russian Threat, Considering a High-End Fight with Russia, Putin*, 2017, Washington, U.S. Government, U.S. Military, Department of Defense (DoD).

19. Vershbow, A. 2016, NATO and Russia: Why Transparency is Essential, NATO, available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_134436.htm?selectedLocale=en (accessed 07.07.2017).

20. *Bireselioğlu, M., Demir, M.H., Dönmez, S.* 2014, Danish straits versus Turkish straits: the potential impact of prospective Russian oil exports, *Revista Română de Studii Baltice i Nordice* [The Romanian Journal for Baltic and Nordic Studies], Vol. 6, no. 2, p. 223—239.

21. Coffey, L., Kochis, D. 2016, The Role of Sweden and Finland in NATO's Defense of the Baltic States, *The Heritage Foundation*, available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2016/04/the-role-of-sweden-and-finland-in-natos-defense-of-the-baltic-states> (accessed 07.06.2017).

22. Heads of Ministries of Defense of the USA and Finland discussed the «Russian aggression», 2017, *RBC*, March 22, available at: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58d1e8329a79479f5796fe77> (accessed 20.03.2017). (In Russ.)

23. Putin's hybrid war — no one knows how to answer, 2014, *ARGUMENT*, April 28, available at: <http://argumentua.com/stati/gibridnaya-voyna-putina-nikto-ne-znaet-kak-otvetit> (accessed 13.05.2017). (In Russ.)

24. Sanger, D. E., Haberman, M. 2016, Donald Trump Sets Conditions for Defending NATO Allies against Attack, *The New York Times*, July 20, available at: https://www.nytimes.com/2016/07/21/us/politics/donald-trump-issues.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=a-lede-package-region®ion=top-news&WT.nav=top-news&_r=0 (accessed 02.05.2017).

25. Latvia and Lithuania will raise the defense spending by 2018, 2016, *RuBaltic. Ru*, August 24, 2016, available at: <http://www.rubaltic.ru/news/24082016-latviya-i-litva-uvlichat-oboronu/> (accessed 15.12.2016). (In Russ.)

26. The expert: the Baltic states security is no longer important for the USA, 2017, *Sputnik*, March 3, available at: https://ru.sputnik-news.ee/world_news/20170303/4988266/Jekspert-bezopasnost-stran-Baltii-dlja-SShA-uzhe-ne-vazhna.html (accessed 10.07.2017). (In Russ.)

27. Mattis, Finnish Defense Minister Meet at Pentagon Ahead of Counter-ISIS Talks, *U.S. Department of Defense*, available at: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1125921/mattis-finnish-defense-minister-meet-at-pentagon-ahead-of-counter-isis-talks> (accessed 24.03.2017).

28. Milne, R. 2016, Swedes ponder joining Nato as Trump presidency focuses minds, *The Financial Times*, November 21, available at: <https://www.ft.com/content/8b83d6e2-aff9-11e6-a37c-f4a01f1b0fa1> (accessed 27.12.2016).

29. Naylor, A. 2017, Trump, Russia and the new geopolitics of the Baltics, *The New Eastern Europe*, January 30, available at: <http://neweasterneurope.eu/articles-and-commentary/2247-trump-russia-and-the-new-geopolitics-of-the-baltics> (accessed 08.04.2017).

30. Naylor, A. 2017, Trump, Russia and the new geopolitics of the Baltics, *The New Eastern Europe*, January 30, available at: <http://neweasterneurope.eu/articles-and-commentary/2247-trump-russia-and-the-new-geopolitics-of-the-baltics> (accessed 08.04.2017).

31. Ridgwell, H. 2017, US Signs Defense Pacts With Baltic States, but NATO Allies Wary of Trump Era. *VOA News*, January 18, available at: <http://www.voanews.com/a/united-states-defense-pacts-baltic-states/3681669.html> (accessed 08.02.2017).

32. Batchelor, T. 2017, The map that shows how many NATO troops are deployed along Russia's border, *Independent*, February 5, available at: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/russia-nato-border-forces-map-where-are-they-positioned-a7562391.html> (accessed 21.09.2017)

33. Eisenhower, D. Farewell Address delivered 17 January 1961, *American Rhetoric.com*, available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhowerfarewell.html> (accessed 03.12.2016).

34. NATO chief: No military threat to Baltics, 2017, The Baltic Times, March 18, available at: http://www.baltictimes.com/nato_chief_no_military_threat_to_baltics/ (accessed 25.03.2017).

35. Lexington: Donald Trump seems to see allies as a burden. NATO leaders make a pitch to the president, 2017, The Economist. February 4, available at: <http://www.economist.com/news/united-states/21716034-nato-leaders-make-pitch-president-donald-trump-seems-see-allies-burden> (accessed 20.06.2017).

The authors

Prof. Galina I. Gribanova, Saint-Petersburg State University, Russia.
E-mail: GGribanova@yandex.ru

Prof. Yuri V. Kosov, Deputy Director, North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: kosov-yuv@sziu.ranepa.ru

To cite this article:

Gribanova G.I., Kosov Yu. V. 2018, NATO Policies in the Baltics: Objectives and Priorities, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 56—72. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-4.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Н. М. Межевич^{1,2}
Ю. М. Зверев³

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

² Институт проблем региональной экономики РАН, 190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38.

³ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 24.07.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-5

© Межевич Н.М., Зверев Ю.М., 2018

Рассматривается проблематика военной безопасности в восточной части Балтийского моря. Объект исследования — экономическая устойчивость Эстонии, Латвии, Литвы в контексте роста военных расходов. Утверждается, что рост военных расходов сам по себе может вести как к укреплению экономических и технологических возможностей государства, так и к их ослаблению. В случае Германии или Швеции военные расходы меньше в процентном соотношении к ВВП или к доходной части бюджета, однако главное состоит в том, что они вписаны в общую модель инновационного и технологического развития. В государствах Прибалтики, как в любых малых странах, корректно использовать не понятие ВВП, а объем доходной части бюджета для оценки роли военных расходов.

Авторы исходят из того, что ключевым компонентом национального военно-экономического развития практически любой страны является достижение не собственно военных, а общезначимых государственных задач. Однако при этом расходы на оборону в ведущих странах вписаны в инвестиционную, инновационную стратегию, задачи промышленной политики. В малых странах, в том числе в государствах Прибалтики, этот принцип не реализован, и военные расходы не ведут к формированию собственной технологической и экономической повестки.

В статье показано, что военные расходы государств Прибалтики подрывают их инвестиционную привлекательность, являются критическим фактором для национального и государственного развития. Предложено рассматривать военные расходы в процентах от доходной части бюджета, а не от ВВП.

Ключевые слова: военные расходы, экономическое развитие, государства Прибалтики, ВВП, бюджет, стратегия

Введение

Рассмотрение вопросов безопасности не может быть задачей исключительно специалистов по международным отношениям, регионоведению, военному анализу. В условиях

географически небольшого, но политически значимого региона Балтийского моря любые военные приготовления закономерно должны быть увязаны с объективными экономическими возможностями государства.

Несбалансированные военные расходы могут угрожать безопасности страны не в меньшей степени, чем внешние угрозы. В понимании этого обстоятельства экспертное и научное сообщество России опирается на относительно недавний советский опыт.

Рост военных расходов характерен для большинства ведущих мировых экономик. Высокие военные расходы в этих странах обеспечивают технологическое развитие отраслей двойного назначения. К примеру, разделить экономические показатели, число занятых и объемы инвестиций в гражданский и военный сектор *Boeing* или *Saab Group* практически невозможно.

Вместе с тем малые страны, прежде всего Эстония, Латвия, Литва, не имеют подобного опыта. Равным образом они обладают ограниченным опытом государственности вообще. В этих условиях обеспечение военной безопасности по принципу «от желаемого» представляет собой угрозу не только для государств Прибалтики, но и парадоксальным образом для соседей этих стран. Экономическая и политическая нестабильность в условиях XIX века легко преодолевает границы, именно поэтому возникает вопрос об обеспечении безопасности «от возможного», о границах этого возможного и качестве безопасности.

Регион Балтийского моря долгое время после 1991 года считался территорией относительного экономического благополучия и политической стабильности. Политический курс государств Прибалтики предполагал ограниченное сотрудничество с Россией. Финляндия и Швеция были готовы выступить партнерами по интеграции России в систему европейского и мирового порядка. Совет государств Балтийского моря (СГБМ) и Совет министров Северных стран реализовывали программы внедрения лучших практик по широкому кругу вопросов, от экологии до местного самоуправления.

Вместе с тем постепенно накапливалась противоречия как объективного, так и субъективного характера. Ожидания России от сотрудничества с Европой и ожидания Европы от сотрудничества с Россией не совпали, это несоответствие не было одномоментной реакцией на то или иное событие, правильное говорить о тенденции. Этот вопрос достаточно раскрыт в современной научной литературе [1—5 и др.].

Однако в рамках данной статьи для нас более важен вопрос о факторе государств Прибалтики в общем контексте отношений России и Европы. Сделаем еще одно уточнение: предметом исследования следует считать милитаризацию региона Восточной Прибалтики, которая началась задолго до событий на Украине. Тот факт, что «политическое руководство Латвии, Литвы и Эстонии рассматривает участие в блоке как важный элемент евроатлантической солидарности, позволяющий претендовать малым со всех точек зрения странам на участие в решении глобальных проблем» [6, с. 15], достаточно очевиден.

Вместе с тем укажем на важный нюанс: определение «малые со всех точек зрения» предполагает императив жесткой экономической оценки любых политических решений. Ральф Норман Энджелл, лауреат Нобелевской премии мира, в программной работе «Великое заблуждение: Этюд об отношении военной мощи наций к их экономическому и социальному прогрессу» отмечает: «Преуспеяние маленьких государств является, таким образом, фактом, который еще более того доказывает, что богатства могут быть обеспечены помимо вооружения» [7, с. 40].

Милитаризация государств Прибалтики разворачивается в рамках военно-политического тренда постмодерна: «Стираются различия между политическим и экономическим, публичным и частным, военным и гражданским. Для внедрения новых принудительных форм экономического обмена необходим политический контроль... Происходит установление новой, реакционной конфигурации социальных отношений, где внутри общих рамок политики идентичности тесно переплетаются экономика и насилие» [8, с. 222]. Отметим то, что данные процессы географически широко представлены, однако в малых странах эффект появляется быстрее.

Указанная гипотеза нуждается в доказательной аргументации. Именно поэтому цель исследования — выявить объективные экономические ограничители существующего курса на милитаризацию в государствах Прибалтики.

Одна из задач исследования — показать экономическую невозможность реализации курса на устойчивое социально-экономическое развитие в условиях прогрессирующих военных расходов и ограничения хозяйственных связей с Россией.

Также задачей исследования является доказательство того, что существующая модель военного строительства сложилась в государствах Прибалтики после 2004 года (вступление в НАТО) и до событий на Украине (2014).

В качестве вспомогательной задачи предполагается доказать то, что курс на милитаризацию не связан с событиями на Украине, а представляет собой часть политической повестки дня государств Прибалтики.

Кроме того, считаем необходимым оценить косвенные макроэкономические последствия военных расходов в регионе.

Гипотезой исследования, получившей подтверждение, стала целесообразность анализа военных расходов не как части ВВП, а как части доходной части бюджета.

Государства Прибалтики: динамика военных возможностей и ее экономическое измерение

Существующая информация свидетельствует о том, что рост военных расходов в государствах Прибалтики начался практически одновременно с вступлением в блок НАТО. Тридцатого марта 2004 года была запущена операция *Baltic Air Policing* [9]. На модернизацию бывшего советского аэродрома Зокняй, крупнейшего в советской Прибалтике, было затрачено 43 млн евро [10]. С апреля 2014 года к миссии была подключена эстонская авиабаза Эмари, на которой также разместили на ротационной основе четыре истребителя НАТО. Это бывшая советская авиабаза Сууркюль, на модернизацию которой НАТО выделила 30 млн евро [11].

Затраты самих стран Прибалтики на поддержку миссии *Baltic Air Policing*, составлявшие 2,2 млн евро в 2012 году, возросли до 10 млн евро в 2016-м [12; 13]. Важно отметить, что на этом этапе инфраструктурные расходы оплачивались не принимающими странами, а непосредственно из бюджета НАТО.

Еще одним крупным военным инфраструктурным объектом в Прибалтике, прошедшим масштабную модернизацию в 2007—2014 годах, стал бывший советский аэродром Лиелварде в Латвии, на который НАТО потратила 45 млн евро [14]. Аналогичным образом с 2015 года в Эмари регулярно прилетают самолеты ВВС США в поддержку операции *Atlantic Resolve* в рамках так называемого Пакета мер по обеспечению безопасности на ТВД (*Theater Security Package* (TSP)). Речь идет об истребителях *F-15 Eagle* и штурмовиках

A-10 Thunderbolt II [15]. Отметим, что пребывание на этой базе многоцелевых истребителей *F-16 Fighting Falcon*, способных нести американские тактические ядерные авиабомбы, означает не только военно-политические риски, но и соответствующие экономические расходы [16; 17].

Примерно с 2015—2016 годов центр тяжести экономического обеспечения инфраструктуры начал смещаться в направлении государственных бюджетов государств Прибалтики. При этом в бюджете американской Инициативы по обеспечению европейской безопасности (*European Reassurance Initiative* (ERI)) на 2017 год на дальнейшую модернизацию авиабазы Эмари выделено 6,5 млн дол. [18].

Помимо авиации в Прибалтике с апреля 2014 года появились и сухопутные войска НАТО, прежде всего американские. Так, с февраля 2017 года на базах Рукла (Литва), Адажи (Латвия) и Тапа (Эстония) по начало июня 2017-го дислоцировался 1-й батальон 68-го бронетанкового полка 3-й бронетанковой бригадной боевой группы 4-й пехотной дивизии (3-я бригадная группа была переброшена в Европу из США на девять месяцев в начале января 2017 года) [19]. По штату батальон насчитывает 628 солдат и офицеров, 29 основных боевых танков *M1A2 Abrams* и 32 БМП и БРМ *Bradley* [20, p. 101—102]. В соответствии со стандартами НАТО это требует значительных расходов.

Для ускорения развертывания американских войск в Прибалтике создаются хранилища американской техники и вооружения в рамках формирующегося США в Европе еще с 2013 года Комплекта для действий в Европе (*European Activity Set* (EAS)) [15]. Первое такое хранилище было введено в строй в декабре 2015 года в Литве. Здесь складировано около 200 единиц техники и снаряжения (включая танки *M1A2 Abrams* и БМП *Bradley*), чего достаточно для оснащения одной американской роты. Такие же хранилища создаются в Латвии и Эстонии с планируемым вводом в строй в 2017 году. В итоге в каждом из государств Прибалтики будет размещен комплект для оснащения мотопехотной роты Армии США (14 единиц тяжелой бронетехники (танков и/или БМП) плюс более легкие машины поддержки) [9]. С учетом же вооружений и техники, хранящихся в Польше, их достаточно для оснащения смешанного батальона сухопутных войск США [21].

На саммите НАТО в Варшаве 8—9 июля 2016 года было решено развернуть в Польше и трех странах Прибалтики четыре многонациональных батальонных тактических группы усиленного передового присутствия (по одной в каждой из стран). Их развертывание началось 24 января 2017 года и завершилось 19 июня того же года [22; 23].

Батальонную группу в Рукле (Литва) возглавила Германия, в ее состав также вошли военнослужащие Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Норвегии (общая численность группы — около 1022 военнослужащих). К возглавившей батальонную группу в Тапа (Эстония) Великобритании присоединилась Франция (общая численность группы — около 1100 военнослужащих). Группу на латвийской базе Адажи возглавила Канада, к которой присоединились войска из Испании, Италии, Польши, Словении и Албании (общая численность группы — около 1138 военнослужащих). Таким образом, всего в составе трех многонациональных батальонных тактических групп НАТО в Прибалтике было размещено около 3260 военнослужащих НАТО, что примерно соответствует по численности одной бригаде [24].

Размещение дополнительных войск и увеличение численности собственных вооруженных сил потребовало создания дополнительной и модернизации существующей военной инфраструктуры. Так, в одной только в Латвии на развитие военной инфраструктуры в 2016 году было выделено 23,5 млн евро, а

на 2017 год — уже 42 млн [25]. В Литве только одно размещение многонационального батальона НАТО потребовало дополнительных расходов на инфраструктуру примерно в 5,8 млн евро [26]. Эстония в 2016 году выделила на развитие инфраструктуры для сил НАТО 10,1 млн евро [27].

Существенно возросли расходы стран Прибалтики и на развитие своих вооруженных сил, в том числе на закупки вооружений, включая БТР и БМП, самоходные артиллерийские установки (САУ), противотанковые ракетные комплексы (ПТРК), переносные зенитные ракетные комплексы (ПЗРК), зенитные ракетные комплексы (ЗРК) средней дальности и др. (см. подробнее [28]). Причем чаще всего закупается техника, бывшая в употреблении. Так произошло с закупкой устаревшей британской бронетехники Латвией на сумму 249 млн евро, что стало причиной скандала и расследования [29]. Впрочем, в некоторых случаях речь шла и о закупках современных образцов. Так, Литва купила немецкие БТР *Boxer*, норвежско-американские мобильные ЗРК средней дальности *NASAMS-2*, американские ПТРК *Javelin* и ПЗРК *Stinger*, Латвия — шведские ПЗРК *RBS 70 NG* и израильские ПТРК *Spike-LR*, Эстония — южнокорейские САУ с повышенной дальностью *K9 Thunder* (совместно с Финляндией), ПТРК *Javelin*, французские ПЗРК *Mistral-3*.

С экономической точки зрения возникает парадоксальная ситуация. Инфраструктурное обеспечение новой военной техники требует не меньше, а больше затрат, что связано со спецификой обслуживания. Аналогично и разнородность военной техники и оборудования, характерная для государств Прибалтики, создает не только организационные, но и экономические проблемы.

Рассмотрим более подробно военно-экономический аспект проблемы. Военные потребности государства представляют собой всю совокупность его экономических нужд, необходимых для материального обеспечения военной безопасности страны, для вооруженной защиты ее национальных интересов. Наибольший рост военных расходов характерен именно для стран Центральной Европы в 2016 году. Больше всего военные расходы в 2016 году по сравнению с 2015-м увеличили Латвия (на 44%, до 267,86 млн евро) и Литва (на 35%, до 575 млн евро) [30]. Согласно отчету *IHS Markit*, к 2020 году общие оборонные бюджеты трех прибалтийских республик достигнут 2,1 млрд дол., что в два раза превышает соответствующие расходы в 2004 году, когда страны вступили в НАТО, и является самым быстрым ростом «военного» бюджета по сравнению с любым регионом мира [31]. Однако важно другое: в какой степени экономики государств Прибалтики могут развиваться в условиях подобных бюджетных правил?

Страны Прибалтики, безусловно, обладают мощным потенциалом сотрудничества с Россией и могли бы быть зоной контакта Запада и России, однако этого не происходит, более того, согласно экспертным оценкам разрыв хозяйственных связей с Россией обходится для каждого из государств Прибалтики в 8—12% от ВВП [32, с. 45].

Политическое решение о разрыве производственных цепочек, принятое десятилетия назад, запустило трансформацию экономической политики в государствах Прибалтики и России. Однако взаимозависимость в сфере транзита, логистики оказалась более сильной, чем предполагали экономисты и политики. Реформирование ЕС и приближение нового бюджетного цикла (2020 год) сопровождается изменением модели финансового планирования, сокращением бюджетных дотаций (субсидий) государствам Европы. «Брексит» также означает изменение модели финансовых отношений Брюсселя и государств Прибалтики.

Бюджетное планирование в этих условиях основывается на планировании «от достигнутого» и предполагает анализ ожидаемого изменения как расходов, так и доходов. Недопустимым является корректировка заложенных в бюджет цифр на основе политических решений, формально имевших рекомендательный характер.

В этих условиях разрыв хозяйственных связей с Россией — это выпадающие доходы в размере от 3 до 5% ВВП или не менее 10% доходной части бюджета.

Военные расходы vs. сбалансированное развитие: традиционные и новые подходы

Исследования влияния военных расходов на экономику имеют давнюю историческую преемственность. «Для американского народа нет, конечно, ничего нового в идеях об обеспечении процветания экономики путем расходов на вооружения» [33, с. 3], — было написано более 60 лет назад. Американские подходы к экономическому анализу военных расходов весьма сложны, их совершенствование справедливо связывается с послевоенным периодом [34]. Признавая, что оборонный сектор — это потенциально один из наиболее высокотехнологичных секторов национальной экономики в странах с высоким уровнем военных расходов, нельзя отрицать «присущие ему в рыночной экономике функции мотора диверсификации всего хозяйства» [35, с. 26]. Для этого применяются технологии двойного использования, формируются партнерства государственных компаний с коммерческими компаниями для реализации оборонных потребностей. Процесс получил название — метод «спиральных разработок» и принцип «спирального приобретения вооружений», предполагающих сокращение времени перехода к новым технологиям при поступательном наращивании необходимых знаний. Предполагалось, что данные меры должны были способствовать не только расширению возможностей снижения затрат на создание военной техники, но и усилению активности технологического трансферта [36, с. 27].

Обеспечивая источник спроса на новые технологии, не имеющие еще своей ниши на рынке, военные расходы создают важный импульс для проведения исследований и разработок, что воздействует более широко на инновационную деятельность в целом. Поэтому неудивительно, как полагают исследователи (в том числе и Дэн Стейнбок), что в период холодной войны оборонные НИОКР стали ключевым «вкладчиком» в национальный рост посредством крупномасштабных разработок важных технологий общего назначения [37].

С другой стороны, существует иная точка зрения, предполагающая, что «высокие расходы на оборону, безопасность и пенсии забирают деньги, которые можно было бы вложить в человеческий и физический капитал» [38, с. 6]. Авторы считают, что рост военных расходов и нарастание военной компоненты безопасности для государств Прибалтики ведет к другим экономическим последствиям, чем для Швеции, США или России.

Отметим системные экономические признаки данной ситуации.

Во-первых, наращивание военных расходов вызывает сокращение других государственных расходов. Это гарантированно относится к расходам на инфраструктуру и здравоохранение.

Во-вторых, многие из издержек военного времени формируются еще до того, как начинается военный конфликт. Например, страна стремится к устойчиво высокому уровню военных расходов, а капитал, анализируя политические риски, продолжает уходить из страны. Экономическая политика, политические институты и политические свободы не могут не ухудшаться в ситуации акцентирования военных угроз, мнимых или реальных. Даже в случае достаточно успешного экономического развития (пример Эстонии) возникает вопрос о том, как бы выглядели экономические показатели в условиях военных расходов на уровне Германии — 1,2%? Можно сформулировать и иначе: может ли Литва позволить себе долю военных расходов в два раза большую, чем Германия, при условии, что объем экономики Германии в 40—45 раз больше? Масштабный экономический рост необходим, чтобы избежать этой ловушки, но в государствах Прибалтики он исключен комплексом внешних и внутренних факторов. Дополнительные 2,2% ВВП военных расходов в течение семилетнего периода приводят к постоянной потере около 2% от ВВП [39].

В-третьих, экономические издержки милитаризации пролонгируются как минимум на среднесрочную перспективу.

Председатель фракции «Согласие» в латвийском Сейме (парламенте) Янис Урбанович назвал государственный бюджет 2017 года прифронтовым. По словам парламентария, страна будто бы готовится отразить нападение с востока. «Россия не враг Латвии. Враги Латвии — бедность, глупость, проблемы системы здравоохранения и образования», — подчеркнул Урбанович [40]. Количество локальных экономических проектов, которые будут тормозиться, только нарастает. «Думаю, что, поскольку мы готовимся к войне, никто не готов инвестировать в военную зону», — отметил в августе 2016 года член правления *OU Navesco* (Эстония) Тьнис Сеэсмаа [41]. Указанные тезисы, сформулированные в несколько публицистической форме, отражают, тем не менее, реальные макроэкономические перспективы национальных экономик государств Прибалтики.

Существующие математические подходы не позволяют однозначно судить о воздействии военных расходов на экономический рост. Этот вывод, который сделан на основе анализа количественных исследований с использованием математических моделей (в основном эконометрические методы и факторный анализ), приведен в [42]. Системный анализ этой ситуации произведен нашими коллегами, и мы согласны с ним. «Многочисленные исследования не показывают ни убедительной поддержки мнения об отрицательном воздействии оборонных расходов на экономический рост, ни ясного опровержения гипотезы о положительной зависимости между расходами на оборону и экономическим ростом» [43, с. 27, 44].

Вопрос о соотношении военных и экономических приоритетов развития, вероятно, относится к группе наиболее старых в общественных науках. Количественные методы исследования, столь популярные в XX и особенно в XIX веке, безусловно, способствовали развитию работ по данной проблематике. Однако и до настоящего времени нет четкого понимания того, как обеспечить сбалансированное экономическое развитие в условиях реальных или гипотетических военных рисков. Равным образом существуют различные взгляды по вопросу об оценке влияния роста военных расходов на национальную экономику. Эта проблематика, многократно рассмотренная применительно к развитым странам Европы, США, Советскому Союзу, Китаю, становится актуальной и для государств Прибалтики: Эстонии, Латвии, Литвы. Именно здесь мы наблюдаем возрождение старой дискуссии о том, к каким последствиям ведут военные расходы.

Военные расходы: экономическое измерение для малых стран

Существует достаточно традиционный вопрос: в какой степени военные расходы являются локомотивом экономического развития? В какой степени тормозят развитие? Для лидирующих экономик ответ известен. Для нас более важно оценить последствия военно-технической мобилизации для малых стран.

С нашей точки зрения, здесь нет одного универсального ответа. Более того, применительно к указанному региону очень важен «эффект масштаба». Иными словами, значение военных расходов в количественном и качественном развитии экономики Германии и Швеции невозможно напрямую сравнивать с аналогичным параметром для Эстонии, Литвы, Латвии. В Германии, Швеции военное строительство позволяет усовершенствовать инфраструктуру, стимулирует строительную индустрию, положительно сказывается на некоторых отраслях сервиса, особенно общественном питании. Однако в рассматриваемом регионе военные расходы в одних странах ведут к росту инновационной активности, развитию высоких технологий, в том числе и технологий двойного назначения, а в других этого эффекта нет.

Вложения в оборонно-промышленный комплекс (ОПК) Швеции или Германии эффективны, так как в абсолютном большинстве случаев речь идет о технологиях двойного назначения. Иная ситуация в государствах Прибалтики. Эстонские роботизированные гусеничные сани, созданные компанией *Milrem* и представленные в ходе международной выставки *UMEX-2016* в Абу-Даби, не имеют гражданского предназначения. Однако разработка этой и других систем была связана со значительными затратами, особенно существенными в масштабах национальной экономики Эстонии.

Технологической и, как следствие, экономической проблемой является сертификация этой продукции по стандартам НАТО. Финансово это дороже, чем выпустить указанные образцы, особенно в расчете на единицу произведенной продукции. Этой проблемы нет в Германии, где при относительно небольших расходах на армию развита военная промышленность. Немецкая оборонная промышленность находится на четвертом месте в мире по объемам экспорта оружия. Впрочем, если Германия выполнит требования НАТО тратить 2% ВВП на оборону, этот бюджет к 2024 году будет, по оценкам, на 75 млрд больше, чем с нынешними 1,2% [45].

При этом военный бюджет Латвии в 2016 году составил 280 млн долларов [46]. Таким образом, вкладывая значительные средства в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, Германия и даже нейтральная Швеция получают многоуровневый положительный эффект. Развиваются технологии двойного назначения, захватываются новые рынки. Швеция — малая страна — поставляет широкую номенклатуру товаров для нужд НАТО. Однако это исключение, подтверждающее правило. В свою очередь, современное высокотехнологичное производство требует соответствующей системы подготовки кадров. Отсутствие подобного производства корректирует данную систему [47].

Структура военных расходов, включенных в ВВП, рассчитывается как сумма затрат на вооружение, содержание личного состава, амортизацию основного капитала (казарм, сооружений и т. д.) и текущих материальных затрат. Уточним ситуацию с расходами на вооружение. Если Швеция принимает на вооружение боевую машину пехоты (БМП) *Strf 9040* производства *NB Utveck-*

ling AB, то она производится и обслуживается в рамках национальной экономики. Именно поэтому она имеет другую конечную стоимость для Швеции, чем для Польши, куда эта продукция тоже продается.

Несколько сложнее с учетом инфраструктурных затрат двойного назначения и соответствующих трансфертов. Как оценить возможность трансфертов, в какой степени они могут компенсировать оборонные расходы? Министерство обороны Латвии сообщило, что до 2021 года получит от НАТО 71 млн евро. Выделенные средства планируется использовать для развития военной инфраструктуры страны, а также для размещения войск союзников по Альянсу, которые прибыли в Латвию в начале 2017 года. Ранее Рига заявляла о том, что планирует к 2018 году выполнить одно из требований к странам-участницам НАТО — выделять не менее 2% ВВП на военные расходы. По состоянию ВВП Латвии на сегодня эта цифра составит приблизительно 600 млн долларов в год, то есть будет удвоена. Принимая во внимание, что за последнее десятилетие госдолг Латвии возрос с 1,5 до 9,5 млрд евро [48], то есть равен годовому бюджету, подобная политика может привести к потере управляемости ключевыми макроэкономическими процессами.

Еще более сложной проблемой является оценка косвенных потерь. Начавшая свою деятельность в Вильнюсе в 2015 г. одна из крупнейших в мире страховых компаний *American International Group (AIG)* в 2017 году приняла решение о выводе деятельности своего центра услуг из литовской столицы. В 2016 году о выводе деятельности из Литвы сообщили производитель прохладительных напитков *Coca-Cola* и производитель чипсов *Estrella* [49]. Аналогичная ситуация в Эстонии. Вместо планировавшихся инвестиций в Эстонию компания *Apple* разместит свои деньги в Дании и Ирландии [50]. Причин подобного решения несколько, но помимо высокой стоимости электрической энергии работает эффект «прифронтовой зоны».

Постоянное и публичное акцентирование внимания на военной угрозе, с одной стороны, привлекает инвестиции военного характера, с другой — лишает страну большинства долгосрочных инвестиций в экономику и особенно социальный капитал. Тактические выгоды от инфраструктуры двойного назначения в условиях разрушения социальной инфраструктуры не могут быть компенсированы.

Заключение

В заключение отметим необходимость корректировки базового методического приема. С нашей точки зрения, неверно считать военные расходы от уровня ВВП. Информативность этих данных минимальна. Следует сравнивать доли военных расходов в доходной части бюджетов. Рассмотрим это положение на примере Эстонии. Объем доходов государственного бюджета 2017 года запланирован на уровне 9,42 млрд евро. Расходы на оборону впервые вырастут до 2,18% от ВВП — почти 500 млн евро. Кроме того, будут выделены средства на покрытие расходов, связанных с пребыванием в Эстонии союзников, включающие также инвестиции в военный городок Тапа. Также будут задействованы средства программы оборонных инвестиций на 2018—2020 годы в общей сумме 60 млн евро и продолжится строительство восточной границы [51]. Таким образом, следует посчитать, сколько составляет 560 млн от 9,42 млрд. В нашем случае открытые по бюджетным статьям военные расходы составляют почти 6,0% доходной части бюджета. Аналогичная ситуация характерна для Латвии и особенно Литвы.

На основании вышеизложенного можно выявить три сценария политической ситуации в государствах Прибалтики и российско-прибалтийских отношениях [52]. Применительно к теме данной статьи стратегии «управляемого конфликта» и прямого локального конфликта дают одинаковый результат — разрушение экономики, политическую нестабильность. Только логика мирного сосуществования, прекращение милитаризации в регионе будут способствовать экономическому развитию как государств Прибалтики, так и России.

Список литературы

1. *Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность* / под общ. ред. А. А. Громыко, М. Г. Носова. М., 2015.
2. *Эттин М. Л., Эттина Е. Г., Тнэлм Н. И.* Россия и Европейский союз в 2011—2014 годах: в поисках партнерских отношений : в 2 т. М., 2015.
3. *Forsberg T., Haukkala H.* The European Union and Russia (The European Union Series). L., 2016.
4. *Haukkala H.* The EU-Russia Strategic Partnership. The Limits of Post-Sovereignty in International Relations. L., 2011.
5. *Makarychev A.* Russia and the EU in a Multipolar World: Discourses, Identities, Norms. Stuttgart, 2014.
6. *Воротников В.* Страны Балтии в НАТО: итоги десятилетия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6. С. 9—17.
7. *Энджелл Н.* Великое заблуждение: Этюд об отношении военной мощи наций к их экономическому и социальному прогрессу / пер. с англ. Челябинск, 2009.
8. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М., 2015.
9. *Зверев Ю.* НАТО Прибалтику не бросит? // Евразия. Эксперт. 2016. 26 дек. URL: <http://eurasia.expert/nato-pribaltiku-ne-brosit/> (дата обращения: 15.06.2017).
10. *Лященко А.* Литва: НАТО модернизирует аэродром // Красная звезда. 2005. 1 нояб. URL: http://old.redstar.ru/2005/11/01_11/3_01.html (дата обращения: 15.06.2017).
11. *НАТО* выделит на реконструкцию авиабазы в Эстонии 30 миллионов евро // АвиаПорт. 2006. 3 мая. URL: <http://www.aviaport.ru/digest/2006/05/02/104231.html?bb> (дата обращения: 15.06.2017).
12. *Baltic Air Policing — example of NATO's Smart Defence* // President of the Republic of Lithuania. 2012. 21.05. URL: <https://www.lrp.lt/en/press-centre/press-releases/baltic-air-policing-example-of-natos-smart-defence/13653> (дата обращения: 15.06.2017).
13. *Cooperation of Air Forces* // Ministry of Defence of the Republic of Latvia. URL: http://www.mod.gov.lv/en/Par_aizsardzibas_nozari/Politikas_istenosana/Baltijas_valstu_milit_sadarbiba/Gaisa.aspx (дата обращения: 15.06.2017).
14. *НАТО* предоставит Латвии 45 млн евро // Delfi. 2006. 3 мая. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/nato-predostavit-latvii-45-mln-evro.d?id=14332806> (дата обращения: 15.06.2017).
15. *Зверев Ю. М.* Вооруженные силы США в Европе: что изменилось после украинского кризиса // Евразия. Эксперт. 2017. 30 июня. URL: <http://eurasia.expert/voorzhenные-sily-ssha-v-evrope-posle-ukrainskogo-krizisa/> (дата обращения: 15.06.2017).
16. *Американские истребители бомбили наземные цели на полигоне Тапа* // Delfi. 2015. 8 апр. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/foto-delfi-amerikanskiye-istrebiteli-bombili-nazemnye-celi-na-poligone-tapa?id=71196781> (дата обращения: 15.06.2017).
17. *Kristensen H. M.* US Nuclear Weapons Base in Italy Eyed by Alleged Terrorists // Federation of American Scientists (FAS). 2015. Jul. 22. URL: <https://fas.org/blogs/security/2015/07/ghedi-terror> (дата обращения: 15.06.2017).
18. *European Reassurance Initiative.* Department of Defense Budget Fiscal Year (FY) 2017. February 2016. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). P. 21 Under Secretary of Defense (Comptroller) URL: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2017/FY2017_ERI_J-Book.pdf (дата обращения: 15.06.2017).
19. *3rd Armored Brigade Combat Team, 4th Infantry Division «Iron Brigade» Fort Carson, Colorado Media Kit.* August 2017. P. 13—14 // Defense Video Imagery Distribution System (DVIDS). URL: https://static.dvidshub.net/media/pubs/pdf_34851.pdf (дата обращения: 30.08.2017).

20. *Sirohi M.N.* Understanding Network Centric Warfare. New Delhi, 2016.
21. *Release: European Activity Set equipment turned in at locations in the Baltics and Poland* // U.S. Army. 2016. 30 Sept. URL: https://www.army.mil/article/176059/release_european_activity_set_equipment_turned_in_at_locations_in_the_baltics_and_poland (дата обращения: 15.06.2017).
22. *Зверев Ю. М.* Битва за Прибалтику // Российский совет по международным делам (РСМД). 2017. 24 апр. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/baltstudies/bitva-za-pribaltiku/> (дата обращения: 15.06.2017).
23. *Secretary General marks deployment of NATO battlegroups during visit to Latvia* // NATO. 2017. 19 June. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_144993.htm (дата обращения: 20.06.2017).
24. *Anita H., Zwilling R.* All NATO Enhanced Forward Battle Groups in the Baltics Are Now in Place // Defence Procurement International. 2017. 19 June. URL: <https://www.defenceprocurementinternational.com/features/air/natos-enhanced-forward-presence-in-the-baltics> (дата обращения: 20.06.2017).
25. *Latvia to develop infrastructure in Adazi military base in anticipation of allied troops* // LETA. 30.05.2016. URL: https://leta.lv/eng/defence_matters_eng/defence_matters_eng/news/8D7E9B26-C138-4E15-BED3-7742E040AAF8 (дата обращения: 15.06.2017).
26. *Lithuania Plans to Spend €5.8 Million to Meet NATO's 'Defenders of Russian Aggression'* // South Front. 09.12.2016. URL: <https://southfront.org/lithuania-plans-to-spend-e5-8-million-to-meet-natos-defenders-of-russian-aggression/> (дата обращения: 15.06.2017).
27. *Estonia Plans to Increase Military Spending by \$41.5Mln in 2016* // Sputnik International. 25.09.2015. URL: <https://sputniknews.com/military/201509251027537686-estonia-military-spending-2016/> (дата обращения: 13.07.2017).
28. *Зверев Ю. М.* Страны Прибалтики превращаются в солдат новой холодной войны // Евразия. Эксперт. 2016. 27 окт. URL: <http://eurasia.expert/strany-pribaltiki-soldat-povoou-kholodnoy-voynu/> (дата обращения: 25.05.2017).
29. *Скандальная закупка в латвийской армии: старая техника по новым ценам* // Sputnik Latvija. 02.08.2016. URL: https://ru.sputniknewslv.com/Latvia/2016_0802/2537202.html (дата обращения: 11.03.2017).
30. *Латвия стала европейским лидером по увеличению бюджета на оборону* // Delfi. 2017. 25 апр. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/europe/latviya-stala-evropejskim-liderom-po-velicheniyu-byudzhet-na-oboronu.d?id=48768231> (дата обращения: 15.06.2017).
31. *«Страх перед Россией»: Литва, Латвия и Эстония удвоят затраты на оборону* // ИА REGNUM. 20.10.2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2194849.html> (дата обращения: 13.03.2017).
32. *Межевич Н. М.* Государства Прибалтики 2.0. Четверть века вторых республик. М., 2016.
33. *Люмер Х.* Военная экономика и кризис. М., 1955.
34. *Хитч Ч., Маккин Р.* Военная экономика в ядерный век. М., 1964.
35. *Диверсификация оборонно-промышленного комплекса России — мощный фактор развития высокотехнологичной гражданской экономики* / отв. ред. Ю. В. Куренков. М., 2010.
36. *Панкова Л. В.* Военная экономика, инновации, безопасность. М., 2016.
37. *Steinbock D.* The Challenges for America's Defense Innovation. Washington, D.C., The Information Technology and Innovation Foundation, November 2014. P. 16—17. URL: <http://www2.itif.org/2014-defense-rd.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).
38. *Тейлор Брайан Д.* Прав ли Кудрин? Стоит ли перед Россией выбор между маслом и пушками? // ПОНАРС. Евразия. Аналитическая записка. №254. 2013. Июнь.
39. *The Economic Effects of War and Peace* // Quarterly Economic Brief. International Bank for Reconstruction and Development Issue. 2016. 6 Jan. URL: <http://www.documents.worldbank.org/curated/en/644191468191061975/pdf/103013-replacement-public-mena-qeb-issue-6-january-2016.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).
40. *Угроза с Востока сделала новый бюджет в Латвии прифронтовым* // Lenta.ru. 2016. 3 нояб. URL: m.lenta.ru/news/2016/11/03/latviya_byudzheta/ (дата обращения: 15.06.2017).
41. *Проект Вяхи простаивает из-за страха войны* // Деловые ведомости. 2016. 26 авг. URL: <http://dv.ee/novosti/2016/08/26/proekt-vjahi-prostaivaet-iz-za-straha-vojni> (дата обращения: 15.06.2017).

42. *Hartley Keith* Defence Spending and its Impact on the National Economy: A review of the literature and research issues / Centre for Defence Economics, University of York. York, 2005.

43. *Малков С.Ю., Чернавский Д.С., Коссе Ю.В. и др.* Влияние военных расходов на экономику: сколько платить за военную безопасность? // Сценарий и перспектива развития России / под ред. В.А. Садовничий. М., 2011. С. 288—304.

44. *The Economics of Defense in the Nuclear Age* (A RAND Corporation research study) / Hitch C. J. and McKean R. N. (eds.). Cambridge, 1960.

45. *Гиганты* объединяются — бросают вызов «супертанку» Путина // ИноСМИ.ru (Svenska Dagbladet, Швеция). 25.05.2017. URL: <http://inosmi.ru/military/20170525/239429498.html> (дата обращения: 15.06.2017).

46. *Латвия* тратит на оборону меньше Литвы и Эстонии // Sputnik Latvija. 05.07.2016. URL: <https://ru.sputniknews.lv.com/Latvia/20160705/2229145.html> (дата обращения: 15.06.2017).

47. *В Литве* хотят сократить количество университетов с 14 до 4 // Baltic News Network (BNN). 2017. 5 мая. URL: <http://bnn-news.ru/v-litve-hotyat-sokratit-kolichestvo-universitetov-s-14-do-4-169913> (дата обращения: 14.05.2017).

48. *Хаспекова Д.* Военная помощь в долг: Латвия получит от НАТО 71 млн евро // Российский совет по международным делам (РСМД). 2017. 14 марта. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/digest/voennaya-pomoshch-v-dolg-latviya-poluchit-ot-nato-71-mln-evro/> (дата обращения: 15.06.2017).

49. *Крупнейшая* американская компания уходит из Литвы // RU.DELFI. 2017. 27 июня. URL: <http://ru.delfi.lt/news/economy/kрупnejshaya-amerikanskaya-kompaniya-uhodit-iz-litvy.d?id=75065892> (дата обращения: 27.06.2017).

50. *ЕЕ:* Высокая стоимость электроэнергии и пассивность чиновников лишили Эстонию 1 млрд евро // Просвет. 28.09.2016. URL: http://prosvet.ee/ArtNews9.aspx?news_id=12615&news_type=1 (дата обращения: 28.09.2016).

51. *Правительство* утвердило стратегию государственного бюджета. URL: <https://www.valitsus.ee/ru/novosti/pravitelstvo-utverdilo-strategiyu-gosudarstvennogo-byudzhet> (дата обращения: 27.04.2017).

52. *Межевич Н.М., Зверев Ю.М.* Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности. Рабочая тетрадь №35/2016 / гл. ред. И.С. Иванов ; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2016.

Об авторах

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

Юрий Михайлович Зверев, кандидат географических наук, заведующий кафедрой географии, природопользования и пространственного развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: YZverev@kantiana.ru

Для цитирования:

Межевич Н.М., Зверев Ю.М. Экономические дилеммы безопасности в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. Т. 10, №1. С. 73—88. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-5.

THE ECONOMICS OF THE SECURITY DILEMMA
IN THE EASTERN BALTIC ECONOMIC DILEMMAS
OF THE SECURITY POLICY OF THE EASTERN BALTIC COUNTRIES

N. M. Mezhevich^{1,2}

Yu. M. Zverev³

¹ Saint-Petersburg State University,
7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

² Institute of Regional Economic Problems of RAS,
38 Serpuhovskaya St, Saint Petersburg, 190013, Russia

³ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski St, Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on July 24, 2017

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-5

This article considers military security in the Eastern Baltic. The research focuses on the economic sustainability of Estonia, Latvia, and Lithuania in the context of military spending. The authors maintain that an increase in military spending can either strengthen or weaken national economic and technological potential. In Germany or Sweden, military spending accounts for a smaller proportion of the GDP or budget revenues, but it is integrated into the general model of innovative and technological development. In the case of the Baltics, it is advisable to estimate military spending as a proportion of budget revenues rather than that of GDP — this recommendation applies to all smaller states. The authors stress that the central component of any national military and economic development is a focus on general national objectives rather than solely military ones. Economically advanced countries integrate defence spending into their investment and innovation strategies and industrial policies. Smaller countries — and the Baltics are no exception — do not apply this principle. Their military spending does not contribute to the technological and economic agenda. The article shows that the military spending of Lithuania, Latvia and Estonia undermines their investment potential and serves as a critical factor in their national and governmental development. The authors suggest estimating military spending as a proportion of budget revenues rather than that of GDP.

Key words: military spending, economic development, Baltic states, GDP, budget, strategy

References

1. Gromyko, A. A., Nosov, M. G. 2015, *Evropeiskii soyuz v poiske global'noi roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* [The European Union in the search for a global role: politics, economy, security], Moscow. (in Russ.)
2. Entin, M. L., Entina, E. G., Tnelm, N. I. 2015, *Rossiia i Evropeiskim i Soyuz v 2011—2014 godakh: v poiskakh partnerskikh otnoshenii* [Russia and the European Union and the Union in 2011—2014: in search of partnerships], in 2 volumes, Moscow.
3. Forsberg, T., Haukkala, H. 2016, *The European Union and Russia* (The European Union Series), London, Palgrave.
4. Haukkala, H. 2011, *The EU-Russia Strategic Partnership. The Limits of Post-Sovereignty in International Relations*, London, Routledge.
5. Makarychev, A. 2014, *Russia and the EU in a Multipolar World: Discourses, Identities, Norms*, Stuttgart, ibidem Verlag.
6. Vorotnikov, V. V. 2014, *Baltic States in NATO: Results of the Decade, MGIMO Review of International Relations*, no. 6, p. 9—17. (in Russ.)

7. Angell, N. 1912, The great illusion; a study of the relation of military power to national advantage.
8. Kaldor, M. 2006, New & Old Wars, Polity.
9. Zverev, Yu. 2016, NATO will not give up the Baltic States? *Eurasia. Expert*, Dec. 26, available at: <http://eurasia.expert/nato-pribaltiku-ne-brosit/> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
10. Lyashchenko, A. 2005, Lithuania: NATO modernizes the airfield, *Krasnaya zvezda*. [A red star], 1 November, available at: http://old.redstar.ru/2005/11/01_11/3_01.html (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
11. NATO will allocate 30 million euros for the reconstruction of the airbase in Estonia, 2006, *AviaPort*, 3 May, available at: <http://www.aviaport.ru/digest/2006/05/02/104231.html?bb> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
12. Baltic Air Policing — example of NATO's Smart Defence, 2012, *President of the Republic of Lithuania*, 2012-05-21, available at: <https://www.lrp.lt/en/press-centre/press-releases/baltic-air-policing-example-of-natos-smart-defence/13653> (accessed 15.06.2017).
13. Cooperation of Air Forces, *Ministry of Defence of the Republic of Latvia*, available at: http://www.mod.gov.lv/en/Par_aizsardzibas_nozari/Politikas_istenosana/Baltijas_valstu_milit_sadarbiba/Gaisa.aspx (accessed 15.06.2017).
14. NATO will provide Latvia with 45 million euros, 2006, *Delfi*, 3 May, available at: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/nato-predostavit-latvii-45-mln-evro.d?id=14332806> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
15. Zverev, Yu. M. 2017, The US Armed Forces in Europe: what has changed after the Ukrainian crisis, *Eurasia. Expert*, 30 June, available at: <http://eurasia.expert/vooruzhenny-sily-ssha-v-evrope-posle-ukrainskogo-krizisa/> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
16. American fighters bombed ground targets at the Tapa range, 2015, *Delfi*, 8 April, available at: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/foto-delfi-amerikanski-istrebiteli-bombili-nazemny-eceli-na-poligone-tapa?id=71196781> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
17. Kristensen, H.M. 2015, US Nuclear Weapons Base in Italy Eyed by Alleged Terrorists, *Federation of American Scientists (FAS)*, Jul.22, available at: <https://fas.org/blogs/security/2015/07/ghedi-terror> (accessed 15.06.2017).
18. *European Reassurance Initiative*, 2016, Department of Defense Budget Fiscal Year (FY) 2017, Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller), p. 21, available at: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2017/FY2017_ERI_J-Book.pdf (accessed 15.06.2017).
19. *3rd Armored Brigade Combat Team, 4th Infantry Division "Iron Brigade" Fort Carson*, 2017, Colorado Media Kit, August 2017, p. 13—14, available at: https://static.dvidshub.net/media/pubs/pdf_34851.pdf (accessed 30.08.2017).
20. Sirohi, M. N. 2016, *Understanding Network Centric Warfare*, New Delhi, Alpha Editions.
21. Watts, S. 2016, Release: European Activity Set equipment turned in at locations in the Baltics and Poland, *U.S. Army*, September 30, 2016, available at: https://www.army.mil/article/176059/release_european_activity_set_equipment_turned_in_at_locations_in_the_baltics_and_poland (accessed 15.06.2017).
22. Zverev, Yu.M. 2017, The Battle for the Baltic States, *Russian Council on Foreign Affairs*, 24 April 2017, available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/baltstudies/bitva-za-pribaltiku/> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
23. Secretary General marks deployment of NATO battlegroups during visit to Latvia, 2017, *NATO*, 19 June, available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_144993.htm (accessed 20.06.2017).
24. Anita, H., Zwilling, R. 2017, All NATO Enhanced Forward Battle Groups in the Baltics Are Now in Place, *Defence Procurement International*, 19 June 2017, available at: <https://www.defenceprocurementinternational.com/features/air/natos-enhanced-forward-presence-in-the-baltics> (accessed 20.06.2017).
25. Kristovskis, G. 2016, Latvia to develop infrastructure in Adazi military base in anticipation of allied troops, *LETA*, 30 May, available at: https://leta.lv/eng/defence_matters_eng/defence_matters_eng/news/8D7E9B26-C138-4E15-BED3-7742E040AAF8/ (accessed 15.06.2017).
26. Lithuania Plans to Spend €5.8 Million to Meet NATO's 'Defenders of Russian Aggression', 2016, *South Front*, 09.12.2016, available at: <https://southfront.org/lithuania-plans-to-spend-e5-8-million-to-meet-natos-defenders-of-russian-aggression/> (accessed 15.06.2017).

27. Estonia Plans to Increase Military Spending by \$41.5Mln in 2016, 2015, *Sputnik International*, 25.09.2015, available at: <https://sputniknews.com/military/201509251027537686-estonia-military-spending-2016/> (accessed 13.07.2017).
28. Zverev, Yu. M. 2016, The Baltic countries are turning into soldiers of the new Cold War, *Eurasia. Expert*, 27 October 2016, available at: <http://eurasia.expert/strany-pribaltiki-soldat-novoy-kholodnoy-voyny/> (accessed 25.05.2017). (in Russ.)
29. Scandalous purchase in the Latvian army: old equipment at new prices, 2016, *Sputnik Latvija*, 02.08.016, available at: <https://ru.sputniknewslv.com/Latvia/20160802/2537202.html> (accessed 11.03.2017). (in Russ.)
30. Latvia became the European leader in increasing the budget for defense, 2017, *Delfi*, 25 April 2017, available at: <http://rus.delfi.lv/news/daily/europe/latviya-stala-evropejskim-liderom-po-uvelicheniyu-byudzheta-na-oboronu.d?id=48768231> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
31. «Fear of Russia»: Lithuania, Latvia and Estonia will double defense spending, 2016, *REGNUM*, 20 October 2016, available at: <https://regnum.ru/news/polit/2194849.html> (accessed 13.03.2017). (in Russ.)
32. Mezhevich, N. M. 2016, Gosudarstva Pribaltiki 2.0. Chetvert' veka vtorykh respublik [States of the Baltic States 2.0. A quarter century of the second republics], Moscow. (in Russ.)
33. Lumer, H. 1955, *Voennaya ekonomika i krizis* [Military Economy and Crisis], Moscow. (in Russ.)
34. Hitchch, C., McKean, R. 1964, *Voennaya ekonomika v yadernyi vek* [Military Economy in the Nuclear Age], Moscow.
35. Kurenkov, Yu. V. (ed.) 2010, *Diversifikatsiya oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii — moshchnyi faktor razvitiya vysokotekhnologichnoi grazhdanskoj ekonomiki* [Diversification of the Russian defense-industrial complex is a powerful factor in the development of a high-tech civilian economy], Chapter 12, Moscow.
36. Pankova, L. V. 2016, *Voennaya ekonomika, innovatsii, bezopasnost'* [Military economy, innovation, security], Moscow.
37. Steinbock, D. 2014, *The Challenges for America's Defense Innovation*, Washington, D. C., The Information Technology and Innovation Foundation, November 2014, p. 16—17, available at: <http://www2.itif.org/2014-defense-rd.pdf> (accessed 15.06.2017).
38. Taylor, B. D. 2013, Is Kudrin Right? Does Russia have a choice between oil and guns? *PONARS Eurasia*, no. 254, June 2013. (in Russ.)
39. The Economic Effects of War and Peace, 2016, *Quarterly Economic Brief*, no. 6, International Bank for Reconstruction and Development, available at: <http://www.documents.worldbank.org/curated/en/644191468191061975/pdf/103013-replacement-public-mena-qeb-issue-6-january-2016.pdf> (accessed 15.06.2017).
40. A Threat from the East "made a new budget in Latvia with the frontline, 2016, *Lenta.ru*, 3 November 2016, available at: https://lenta.ru/news/2016/11/03/latviya_byudzheta/ (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
41. Project Vyakhi is idle because of the fear of war, 2016, *Delovye vedomosti* [Business Listings], 26 August 2016, available at: <http://dv.ee/novosti/2016/08/26/proekt-vjahi-prostaivaet-iz-za-straha-vojny> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)
42. Hartley, K. 2005, Defence Spending and its Impact on the National Economy: A review of the literature and research issues, Centre for Defence Economics, University of York.
43. Malkov S. Yu., Chernavskii D. S., Kosse Yu. V., Starkov N. I., Shcherbakov A. V. 2011, The impact of military spending on the economy: how much to pay for military security? In: Sadovnichy, V. A. (ed.) *Stsenarii i perspektiva razvitiya Rossii* [Scenario and perspective of Russia's development], Moscow, p. 288—304. (in Russ.)
44. Hitch, C. J., McKean, R. N. (eds.) 1960, *The Economics of Defense in the Nuclear Age (A RAND Corporation research study)*, Harvard University Press, Cambridge.
45. Augustsson, T. Jättarna går ihop — utmanar Putins «superstridsvagn», 2017, *Svenska Dagbladet*, 25 May 2017, available at: <https://www.svd.se/jattarna-gar-ihop--utmanar-putins-superstridsvagn> (accessed 15.06.2017). (in Swed.)
46. Latvia spends less on defense of Lithuania and Estonia, 2016, *Sputnik Latvija*, 05 July 2016, available at: <https://ru.sputniknewslv.com/Latvia/20160705/2229145.html> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)

47. In Lithuania they want to reduce the number of universities from 14 to 4, 2017, *Baltic News Network*, 5 May 2017, available at: <http://bnn-news.ru/v-litve-hotyat-sokratit-kolichestvo-universitetov-s-14-do-4-169913> (accessed 14.05.2017). (in Russ.)

48. Khaspekova, D. 2017, Military aid in debt: Latvia will receive 71 million euro from NATO, Russian Council on Foreign Affairs, 14 March 2017, available at: <http://russiancouncil.ru/blogs/digest/voennaya-pomoshch-v-dolg-latviya-poluchit-ot-nato-71-mln-evro/> (accessed 15.06.2017). (in Russ.)

49. The largest American company leaves Lithuania, 2017, *RU. DELFI*, 27 June 2017, available at: <http://ru.delfi.lt/news/economy/krupnejshaya-amerikanskaya-kompaniya-uhodit-iz-litvy.d?id=75065892> (accessed 27.06.2017). (in Russ.)

50. EE: High cost of electricity and passivity of officials deprived Estonia of 1 billion euros, 2016, *Prosvet* [Enlightenment], 28 Septebler 2016, available at: http://prosvet.ee/ArtNews9.aspx?news_id=12615&news_type=1 (accessed 28.09.2016). (in Russ.)

51. The government approved the strategy of the state budget, 2017, Vabariigi Valitsus, available at: <https://www.valitsus.ee/ru/novosti/pravitelstvo-utverdilo-strategiyu-gosudarstvennogo-byudzeta> (accessed 27.04.2017). (in Russ.)

52. Mezhevich N. M., Zverev Yu. M. 2016, *Rossiya i Pribaltika: stsenarii bezopasnosti v usloviakh politicheskoi napryazhennosti. Rabochaya tetrad No. 35/2016* [Russia and the Baltics: scenarios of security in conditions of political tension. Workbook No. 35/2016], Russian Council on Foreign Affairs, Moscow. (in Russ.)

The authors

Prof Nikolai M. Mezhevich, School of International Relations, Saint Petersburg State University; Institute of Regional Economic Problems, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

Dr Yuri M. Zverev, Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: YZverev@kantiana.ru

To cite this article:

Mezhevich N. M., Zverev Yu. M. 2018, The Economics of the Security Dilemma in the Eastern Baltic Economic Dilemmas of the Security Policy of the Eastern Baltic Countries, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 73—88. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-5.

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ: ВЫЗОВЫ ЭКСКЛАВНОСТИ И ПУТИ ЕЕ ВОЗМОЖНОЙ КОМПЕНСАЦИИ

А. Б. Себенцов¹
М. В. Зотова¹

Геополитические сдвиги последнего времени и российский ответ на них в полной мере сказались на жизни в Калининградской области, что создает новые и заставляет переосмысливать старые вызовы для регионального развития. В статье изучается реакция экономики региона на вызовы эксклавности и возможные способы и меры по ее компенсации в современных геополитических условиях. Информационной основой статьи стали статистические материалы, региональные стратегии и программы приграничного сотрудничества, дополненные серией экспертных интервью, проведенных авторами в Калининграде в 2012—2017 годах. Собранный обширный эмпирический базис позволил проанализировать взгляды разных субъектов деятельности и комплексно оценить проблемы и перспективы развития Калининградской области как «военного форпоста» России в Европе или «лаборатории сотрудничества» в том числе через призму взаимодействий с соседними государствами. Пытаясь ответить на вопрос о возможности выбора той или иной концепции регионального развития, авторы выявили низкую чувствительность локальных акторов приграничного сотрудничества к воинственной риторике центральных властей по обе стороны границы, а также на примере одной из перспективных отраслей специализации региона (туризм) показали двойственное влияние эксклавности, которое может рассматриваться не только как угроза, но и как ресурс.

Ключевые слова: эксклав, Калининградская область, экономика приграничных регионов, туризм, приграничное сотрудничество

¹ Институт географии РАН,
119017, Москва,
Старомонетный пер., 29.

Поступила в редакцию 25.12.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-6

© Себенцов А. Б., Зотова М. В., 2018

После распада СССР Калининградская область остается в сфере внимания российских и зарубежных исследователей. С тех пор вышло большое число работ, посвященных анализу феномена эксклавности [1], а также влиянию эксклавного положения на развитие Калининградской области

[7; 16; 17]. При этом одним из ключевых направлений научной и общественной дискуссии остаются перспективы развития региона. В 2011 году в книге «Стратегии развития Калининградской области» была предпринята удачная попытка представить шестнадцать гипотетических концепций регионального развития, которые отражали сложившееся многообразие точек зрения. Отказавшись от некоторых деталей и заведомо нереалистичных подходов, часть из которых предполагала выход области из состава страны, можно выделить две главные линии обсуждения проблем региона, органично связанные между собой. Часть исследователей изначально была сфокусирована на поиске внутренних (внутрироссийских) возможностей и стимулов развития этой территории. В рамках такого подхода широко обсуждались различные модели взаимоотношений между федеральным центром и областью, рассматривались разнообразные экономические механизмы для развития региона [8; 18].

Другим не менее важным направлением дискуссии была попытка связать экономическое развитие области с внешним контекстом: географическим положением, процессами евроатлантической интеграции и др. Часть российских и зарубежных исследователей обращала внимание на то, что эксклавность создает не только угрозы, но и новые возможности для развития. По их мнению, Калининградская область должна была превратиться в «регион сотрудничества» [8], что могло потенциально привести к укреплению доверия сначала между странами Балтийского региона [23], а затем и между Россией и ЕС в целом [22; 24]. Став «естественной лабораторией сотрудничества» для выработки отношений между Россией и ЕС [32], Калининградская область смогла бы получить заметные экономические выгоды и, модернизируя экономику, превратиться в своего рода «локомотив» сближения между Россией и Европейским союзом.

Наступление в 2014 году нового кризиса в отношениях между Россией и ЕС актуализировало старые представления о Калининградской области как о «двойной периферии» [19] и даже «геополитическом заложнике» [26], исключенном из российских и европейских модернизационных процессов. Балтийский эксклав, как в старые времена, всё чаще видится в роли очередного «непотопляемого авианосца», «военного форпоста» России на Западе [3; 21].

Изменение геополитической ситуации и взаимные санкции РФ и Запада существенно повлияли на положение российского эксклава, создавая новые вызовы для регионального развития.

Цель настоящей работы состоит в попытке проанализировать вызовы эксклавного положения и ответы на них, предлагаемые федеральными властями и содержащиеся в стратегиях регионального развития и программах приграничного сотрудничества. В статье на примере одной из перспективных отраслей специализации региона — туризма — показана двойственная роль эксклавного и приграничного положения, которое не только накладывает определенные ограничения, но и представляет собой важный ресурс. Исследование основывается на статистических материалах и серии интервью, проведенных авторами в Калининградской области в 2012, 2014 и в 2017 годах¹. Кроме того, информационная основа статьи стали региональные стратегии и программы

¹ Авторами проведено более 40 глубинных интервью с представителями бизнеса, экспертного сообщества, региональных и местных администраций, таможенных служб, религиозных и некоммерческих организаций.

приграничного сотрудничества, ведомственная статистика, мониторинги туристических потоков и опросы, предоставленные Министерством по туризму Калининградской области, Калининградским туристским информационным центром и Агентством по международным и межрегиональным связям.

Эксклавность как вызов развитию региона

Эксклавное положение накладывает отпечаток практически на все аспекты развития области. От остальной России она отделена территориями Литвы и Беларуси, а расстояние по морю до Санкт-Петербурга превышает 1000 км. Несмотря на то что в мире накоплен значительный опыт по управлению экс-клавными территориями, в том числе и существовавшими когда-то на территории современной Калининградской области [16], некоторые особенности региона ограничивают возможности его применения. Во-первых, Калининградская область — один из наиболее крупных экс-клавов в Новейшей истории. Среди других подобных территорий регион выделяется большой численностью населения (в 2017 году — 986 тыс. чел.) и сравнительно диверсифицированной экономикой. Во-вторых, статус российского анклава в Европейском союзе и странах НАТО в современных условиях создает значительный конфликтный потенциал, поскольку в отличие от других подобных территорий (Андорра, Ватикан) российский экс-клав не является самостоятельным государством.

Как и другие экс-клавы, Калининградская область сталкивается с четырьмя основными группами проблем. Во-первых, это доступ к территории экс-клава со стороны материнского государства, что часто является наиболее очевидной причиной серьезных конфликтов. В случае Калининграда эти конфликты разворачивались вокруг гражданского, грузового и военного транзита.

Во-вторых, сложности управления, проявляющиеся в невозможности эффективно решать внутренние проблемы без учета мнения третьих стран. Пытаясь решить энергетические проблемы области путем строительства Балтийской АЭС, Россия столкнулась с резкими возражениями соседей. При этом они не предлагали никаких адекватных альтернатив, ограничиваясь дипломатическими демаршами.

В-третьих, экономические проблемы, вытекающие из недостаточной емкости внутреннего рынка, а также дополнительных издержек, связанных с таможенными и пограничными барьерами.

В-четвертых, возможность формирования особой идентичности, которая, с одной стороны, может быть консервативна в силу изолированности от основной территории страны, а с другой — чрезвычайно подвижна вследствие влияния ближайших соседей [5; 14]. Эта возможность, связанная с риском выхода региона из состава России, вызывает большие опасения федерального центра. Это подтверждается как результатами анализа федерального дискурса, так и интервью с местными экспертами.

Негативные эффекты экс-клавности не возникли одномоментно, сразу после распада СССР, а развивались постепенно. Фактически можно говорить о поэтапном процессе «экс-клавизации», который привел регион от экс-клавности юридической к экс-клавности фактической [7] (рис. 1).

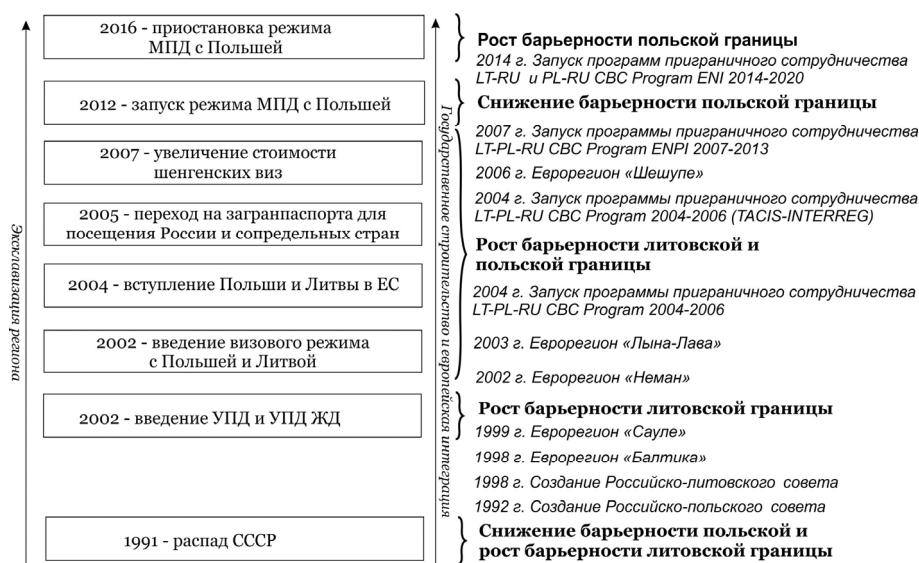

Рис. 1. Эксклавазация и развитие приграничного сотрудничества в Калининградской области

Внутрироссийские ответы на угрозу эксклавности

Федеральные и региональные власти прилагали значительные усилия для компенсации издержек процесса «эксклавазации», следуя в стратегических документах двум основным направлениям научной и политической дискуссии.

Первым направлением был поиск баланса полномочий между федеральным центром и регионом. Уже в конце 1980-х — начале 1990-х годов большинство исследователей и региональных политиков продвигали идею расширения экономической и политической самостоятельности Калининградской области, что вполне укладывалось в русло процессов децентрализации, характерных в то время для отношений между федеральным центром и другими регионами. В 1993 году был подготовлен проект закона «Об особом статусе Калининградской области», который, впрочем, не был принят. Альтернативное предложение состояло в том, чтобы сделать ставку на сохранение роли Калининградской области как военного форпоста страны, что означало ее полную дотационность. Однако процесс демилитаризации региона шел полным ходом.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда в стране в целом возобладал тренд на централизацию власти и унификацию прав субъектов федерации, более популярной стала идея усиления федерального присутствия в регионе [18] и увеличения объемов прямых инвестиций государства и подконтрольных ему компаний. Крупные вложения первоначально были направлены на улучшение коммуникаций между регионом и основной территорией России (паромная переправа в Балтийске) и сокращение энергетической зависимости от Литвы.

В рамках подготовки к чемпионату мира по футболу 2018 года значительные средства были направлены на развитие внутриобластной транспортной инфраструктуры (например, проект «Приморское кольцо» или круизный тер-

минал в Пионерском), благоустройство Калининграда и некоторых курортных городов области. В 2013 году принята масштабная государственная программа «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 г.», которая, правда, уже подвергнута некоторым корректировкам, связанным с экономией средств федерального бюджета.

Однако основная поддержка оказывалась через *создание особых условий хозяйствования на территории региона*. С начала 1990-х годов регион получил значительные преференции в таможенной и налоговой сферах, а также в части тарифной поддержки транспортного потока. Создание в 1991 году на территории области свободной экономической зоны «Янтарь» и закрепление статуса Особой экономической зоны в 1996 году позволило ее резидентам беспощинно импортировать сырье и полуфабрикаты, а также вывозить готовую продукцию при условии, что добавленная стоимость, созданная в пределах региона, составит не менее 30% (для электроники и бытовой техники — 15%). Это способствовало формированию новой экономики, основанной на получении сырья и полуфабрикатов из-за рубежа и поставку готовой продукции преимущественно на общероссийский рынок. В результате в области были сформированы крупные кластеры автомобильной, электронной и электротехнической промышленности, построенные на принципе импортозамещения [19]. В середине 2000-х годов, по данным Росстата, Калининградская область производила почти 86% российских телевизоров, 84% электропылесосов, четверть мясных консервов и др.

Однако кризис 2008 года показал высокую уязвимость экономической модели, основанной на развитии благодаря льготному режиму сборочных производств, рассчитанных на общероссийский рынок. Издержки эксклавноности полностью компенсировать не удавалось из-за набиравшего обороты процесса евразийской интеграции и подготовки к присоединению России к ВТО. Интересы эксклава как относительно изолированной от остальной страны территориальной системы не всегда совпадали с интересами других регионов России и государства в целом. Решения, направленные на преодоление эксклавноности, приводили к появлению у области дополнительных преимуществ перед другими регионами со схожей хозяйственной специализацией. Это вызывало межрегиональные конфликты экономического и политического свойства.

Отчасти этот опыт был учтен в Федеральном законе № 16 об ОЭЗ в Калининградской области от 10 января 2006 года, который установил десятилетний период по переходу с таможенных льгот на налоговые. В течение этого периода были сохранены таможенные льготы для юридических лиц, зарегистрированных до 1 апреля 2006 года. Новые резиденты ОЭЗ могли рассчитывать уже только на налоговые преференции. Однако, несмотря на эти меры, даже в 2016 году большинство обрабатывающих производств Калининградской области зависело от таможенных льгот режима ОЭЗ образца 1996 года. После отмены этих льгот с 1 апреля 2016 года предприятия стали получать компенсации из федерального бюджета. В 2016 году на эти цели было выделено около 26 млрд рублей, из которых почти 14 млрд получили производители автомобилей. Для поддержки местных производителей также были введены отсрочка уплаты таможенного НДС, субсидии на перевозку товаров железнодорожным транспортом и поддержку регионального рынка труда [15]. Тем не менее процедуры получения субсидий остаются для предпринимателей непрозрачными и запутанными [2].

Подчеркивая необходимость дополнительной поддержки калининградских предпринимателей, которые находятся в заведомо неконкурентной среде по отношению ко всем производителям из «материковой» России, местные власти в течение 2016 года разрабатывали комплекс мер для привлечения инвестиций и упрощения условий ведения предпринимательской деятельности в регионе.

В конце 2017 года были приняты поправки к федеральному закону ФЗ-16 «Об ОЭЗ в Калининградской области», которые расширяют ОЭЗ на территории и акватории морских портов, продлевают срок ее действия до 2045 года, а также вводят для резидентов ряд дополнительных преференций². Однако, по мнению местных экспертов, все эти поправки несущественны в сравнении с основными предложениями местного руководства, которые были отклонены федеральными властями в процессе работы над законом [13]. В то же время многие исследователи полагают, что дело не в конкретных процедурах, а в неустойчивости самой экономической модели, которая опирается не на специфические региональные факторы, а на искусственно созданные институциональные условия, изменение которых ведет к нежизнеспособности многих созданных в области производств [4; 12].

Соседство как способ компенсации эксклавноности: роль приграничного сотрудничества

«Внешние условия» развития региона также были предметом активной научной дискуссии, результаты которой отчасти зафиксированы в региональных стратегиях. Оценка этих условий и рецепты по преодолению эксклавноности зависят, во-первых, от того, что ставится на первое место в оценке географического положения региона — собственно эксклавноность или фактор соседства [12], а во-вторых — от оценки самого фактора соседства и всего комплекса отношений между Россией и ЕС в целом. Многообразие возникающих в результате точек зрения можно свести к двум основным подходам.

Первый подход, который в последние несколько лет обретает всё большую популярность, состоит в возможности и даже необходимости превращения Калининградской области вновь в «военный форпост» России. Несмотря на то что большинство сторонников данного подхода в самых крайних его формах являются скорее публицистами, чем учеными, вероятность реализации отстаиваемого ими сценария не может быть полностью исключена. В научной литературе этот подход представлен в более мягкой форме [3; 21], а в имевшихся до настоящего времени региональных стратегиях никак не отражен.

Второй подход строится на том, что использование выгод соседского положения может быть ключом к компенсации эксклавноности региона. В 1990-е годы, когда казалось, что отношения России и ЕС складываются в направлении не просто сотрудничества, но даже стратегического партнерства и интеграции, возникла идея «пилотного региона» сотрудничества между Россией и ЕС [18]. Суть идеи состояла в том, что Калининградская область, рассматриваемая и Россией, и Европейским союзом как специфический регион, находящийся под суверенитетом России, должна стать площадкой для отработки приоритетных направлений во взаимоотношениях сторон. Речь шла об апробации новых форм экономической интеграции, приграничного сотрудничества, увеличения мобильности людей и др. Эта идея была активно поддержана как российскими, так и иностранными учеными [8; 31], региональными властями и даже заявлялась в качестве официальной переговорной позиции России на различных саммитах с ЕС в начале 2000-х годов.

² Отмена утилизационного взноса, упрощение процедур различных экспертиз, снижение страховых взносов и ставки по налогам на прибыль и имущество для новых резидентов СЭЗ, снижение минимального порога инвестиций.

С середины 2000-х годов, когда сотрудничество между Россией и ЕС на высшем уровне начало ощутимо «притормаживать», обсуждалась уже менее масштабная и обязывающая идея «региона сотрудничества». Однако скоро уже и эта идея оказалась чрезмерно революционной, что не позволило в полной мере реализовать «Стратегию социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года». В рамках своих полномочий региональные власти сосредоточились на наиболее деполитизированной и, как показало время, наиболее устойчивой форме международного сотрудничества — приграничной.

Приграничное сотрудничество изначально рассматривалось региональными властями как способ смягчения эксклавности и острого социально-экономического кризиса, охватившего постсоветское пространство после распада СССР. В 1990-е годы на региональном уровне под контролем центральных правительств шел процесс активного выстраивания институциональной инфраструктуры и практик приграничного сотрудничества. В Калининградской области в этот период были созданы Российско-польский (1992) и Российско-литовский (1999) советы по сотрудничеству, в компетенцию отдельных комиссий которых входило большое число актуальных вопросов — от демаркации и делимитации границы до кооперации в сфере экономики.

Большую роль в формировании существующих сегодня сетей сотрудничества сыграли программы ТАСИС, запущенные в Калининградской области уже в 1991 году. В 1994 году регион стал одним из приоритетов данной программы, что выразилось, в частности, в существенном увеличении финансирования. Основные проекты были связаны с защитой окружающей среды, модернизацией отдельных предприятий, развитием транспортных сетей, тренингами для управленцев и специалистов.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов одной из главных форм и площадок регионального сотрудничества были еврорегионы. С участием Калининградской области было сформировано пять еврорегионов: «Неман» (основан в 1997 году), «Балтика» (1998), «Сауле» (1999), «Шешупе» (2003) и «Лына-Лава» (2003). Наиболее интенсивное сотрудничество наблюдалось в еврорегионах «Балтика» и «Неман». Общий размер грантов, выделенных ЕС еврорегиону «Балтика» в период с 1998 по 2005 год, составил 8,9 млн евро, а еврорегиону «Неман» — 13,2 млн [20].

В 2012 году в официальных документах МИД работа еврорегионов была признана неэффективной из-за ряда причин, в первую очередь из-за недостатка финансовых ресурсов у муниципалитетов для осуществления совместных с зарубежными коллегами инициатив и существенных разногласий между партнерами. Участие области в еврорегионах постепенно сворачивается, а новые проекты не реализуются. Активность в лучшем случае ограничивается проведением нескольких небольших международных мероприятий.

После расширения ЕС Калининградская область приняла активное участие в программе приграничного сотрудничества «Литва — Польша — Россия 2004—2006», которая получала финансирование по линии INTERREG (для стран ЕС), а также PHARE (для стран — кандидатов в члены ЕС) и TACIS (для всех остальных участников). Основная часть проектов, отобранных при реализации этих программ, была направлена на сотрудничество в области охраны окружающей среды, развитие гражданского общества, культурные и научные обмены. Однако программы приграничного сотрудничества неоднократно подвергались критике со стороны экспертного сообщества. Отмечалось, что проекты имели явно асимметричный характер: большая часть средств расхо-

довалась на территории стран ЕС, не оказывая серьезного воздействия на социально-экономическое положение соседних регионов, включенных в программу [6; 27]. Финансирование первых программ приграничного сотрудничества осуществлялось ЕС, а соисполнители из Калининградской области имели в проектах статус партнеров без финансового участия и поэтому не могли лоббировать свои интересы.

В 2007 году Калининградская область приняла участие в работе над новой программой приграничного сотрудничества «Литва — Польша — Россия» (2007—2013), в которой были учтены уроки предыдущего программного периода. Так, вместо сложного финансирования из различных фондов и европейских программ (INTERREG, TACIS, PHARE) была создана единая для всех участников финансовая система с одинаковым набором правил и процедур — Европейский инструмент соседства и партнерства (ENPI); снижен порог финансирования для заявителей проектов; появилось больше возможностей для адаптации приоритетов, предложенных Европейской комиссией, к реалиям территории.

По содержанию и практике реализации программы приграничного сотрудничества ENPI 2007—2013 годов сильно отличались от первых программ INTERREG, PHARE и TACIS (2004—2006). Во-первых, систематический мониторинг эффективности программ позволил снизить издержки асимметрии социально-экономического развития в приграничье. Сказались накопленный локальными акторами опыт работы в международных проектах и особенно ощутимый финансовый вклад российской стороны в суммарный бюджет программы (44 млн евро, или около 25%).

Во-вторых, приграничное сотрудничество стало «более приграничным»: новые программы в большей степени, чем раньше, затрагивают непосредственно приграничные районы (рис. 2). Программы 2007—2013 годов скорректировали сложившуюся конфигурацию сети, частично сместив центр тяжести от крупных городов к центрам, расположенным непосредственно вблизи границы. Они становились площадками реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов, основная часть которых была направлена на улучшение транспортной доступности таких городов для сопредельных территорий соседних стран, а также снижение негативного влияния этих городов на экологическое состояние трансграничных речных бассейнов.

В-третьих, в программах сотрудничества сравнительно небольшие по объемам финансирования «мягкие» проекты все чаще дополняются более крупными, направленными на модернизацию или создание современной инфраструктуры.

Анализ реализованных проектов в сфере приграничного сотрудничества свидетельствует о том, что за последние десять лет Калининградская область существенно продвинулась по пути углубления взаимодействия с соседними странами (в первую очередь с Польшей). Постепенно выстраивалась институциональная модель приграничного сотрудничества, которая привела к формированию настоящих сетевых партнерств — как «межотраслевых», так и по отдельным секторам деятельности (охрана окружающей среды, туризм и пр.). В настоящее время сложно прогнозировать устойчивость подобных сетей и их способность инициировать независимые проекты. Однако уже сейчас отчетливо проявилась преемственность партнерских отношений: в каждой новой программе наблюдается воспроизводство уже сложившихся контактных групп. Общие интересы их участников — залог продолжения сотрудничества даже в условиях геополитической напряженности.

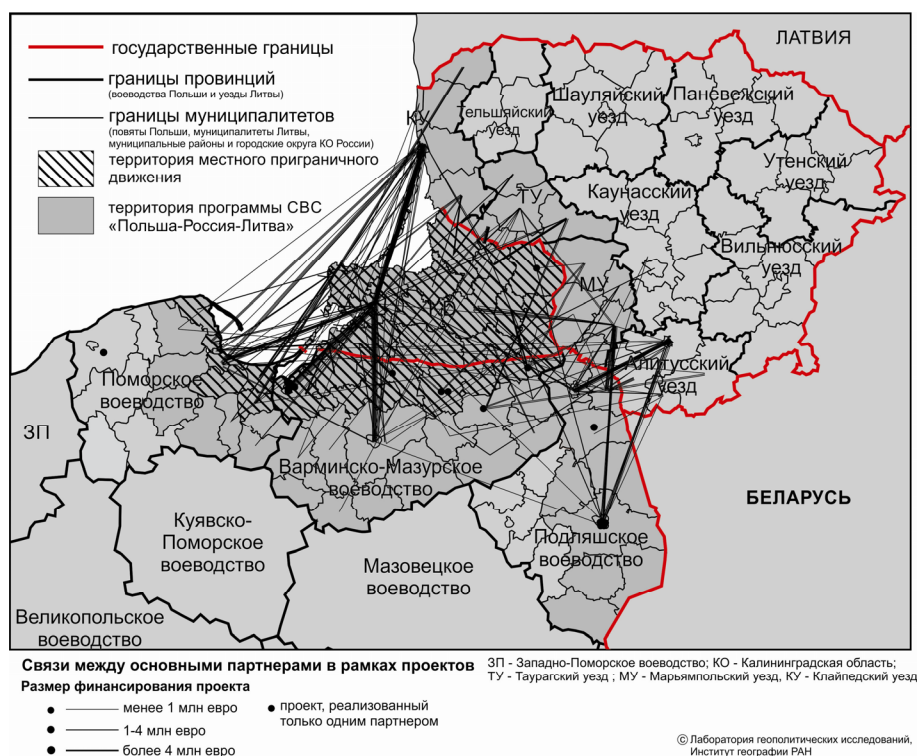

Рис. 2. Партнерская сеть, сформировавшаяся в рамках проектов приграничного сотрудничества по программам INTERREG IIIa и ENPI в 2004—2013 годах

Ключевым изменением нового программного периода (2014—2020) стал переход от трехстороннего формата сотрудничества к двухстороннему. Как и в прошлые годы, участники программы, используя предложенные Европейской комиссией приоритеты, могут выбрать и адаптировать те из них, которые в наибольшей мере соответствуют их интересам. В программе «Польша — Россия» основной акцент решено было сделать на улучшении доступности приграничных районов, а также охране окружающей среды. В программе «Литва — Россия» большое внимание предполагается уделить борьбе с бедностью, а также поддержке сотрудничества местных и региональных властей. Тем не менее общим для обеих программ приоритетом осталось сотрудничество в области сохранения исторического, природного и культурного наследия, а также в сфере управления безопасностью границ.

Также для обеих программ приоритетом стало сотрудничество в области сохранения исторического, природного и культурного наследия, а также в сфере управления безопасностью границ и регулирования миграционных потоков.

К началу 2018 года уже подписаны финансовые соглашения между Россией и Евросоюзом и рамочные документы по программам «Польша — Россия 2014—2020» и «Литва — Россия 2014—2020», заработал объединенный мони-

торинговый комитет программы, сформирован пакет заявок по крупномасштабным проектам с обязательной инфраструктурной составляющей. Среди них велодорожка «От косы до косы», очистные сооружения в Янтарном и Рыбачем, строительство набережной, парка и яхтенной марины в Светлом, организация водоснабжения, водоотведения и канализации, строительство дорог в Гусеве и др.

Известно, что общий бюджет программы приграничного сотрудничества «Польша — Россия» составит 61,9 млн евро (41,3 млн евро из средств Европейского союза и 20,6 млн евро из средств Российской Федерации), программы «Литва — Россия» — свыше 23,5 млн евро (при российском вкладе в 7,8 млн). Первый прием конкурсных заявок (скорее всего, их будет два) по российско-литовской программе был открыт в январе 2018 года и продлится до апреля. Итоги конкурсного отбора станут известны летом. Регулярный конкурс по российско-польской программе будет запущен только в феврале-марте 2018 года, так как из-за перестановок в польском правительстве и напряженности в российско-польских отношениях соглашение было подписано только в конце декабря 2017 года.

Несмотря на положительный опыт приграничного сотрудничества, оно пока не смогло оправдать все возложенные на него надежды. В первую очередь не оказало существенного положительного влияния на структуру экономики Калининградской области. Так и не была реализована идея производственной кооперации с соседями в «биполярном» (Трехградье (Гданьск — Гдыня — Сопот) — Калининград) или «триполярном» (Трехградье — Калининград — Клайпеда) форматах. В результате наиболее интенсивное сотрудничество до последнего времени было связано с поставкой потребительских товаров, сырья и полуфабрикатов для переработки на предприятиях региона с последующей отправкой на российский рынок. Ответные меры российского правительства на западные санкции нанесли удар и по этим уже сложившимся связям. От произошедших в последние годы событий пострадал и туризм — одна из приоритетных отраслей как для приграничного сотрудничества, так и для регионального развития.

Эксклавность и туризм: старые и новые возможности для приграничного сотрудничества

Туриндустрия официально стала одним из региональных приоритетов с начала 2000-х годов, когда разработка экономических стратегий приобрела систематический характер. Хотя вклад туризма в ВРП области пока еще скромный и по оптимистичным подсчетам не превышает 2%, отрасль развивается весьма динамично (рис. 3). По данным Министерства туризма Калининградской области, число туристов, посетивших эксклав, выросло за постсоветский период в 1,5 раза (с 400 тыс. в конце 1980-х годов до 600 тыс. человек в 2014 году). Основной прирост общего числа туристов обеспечили российские граждане, доля которых выросла с 68,3% в 1997 году до 93,7% в 2014-м. Как и в советское время, основные цели посещения Калининградской области для российских туристов — лечебно-оздоровительный (48%) и культурно-познавательный туризм (28%).

Рис. 3. Число туристов, посетивших Калининградскую область, тыс. чел.

После официального открытия области для посещения иностранцами в 1991 году первыми в регион отправились так называемые «ностальгические туристы» — граждане Германии, родившиеся на территории бывшей Восточной Пруссии. В конце 1990-х — начале 2000-х годов к ним добавились их дети и внуки, а также любознательные немцы, интересующиеся своей историей.

Иностранцы, в отличие от российских туристов, посещают Калининградскую область преимущественно с культурно-познавательными (46%) и деловыми целями (35%). Кроме граждан Германии, доля которых среди иностранных туристов сохраняется на уровне 60—70% в течение всего постсоветского периода, иностранные граждане прибывают в регион из Литвы и Польши, но их доля невелика (в среднем 3—5% из каждой страны).

Программы приграничного сотрудничества, региональные стратегии и областные программы развития туризма старались учитывать структуру туристического потока, а также запросы отдельных групп туристов. Показательно, что работа над всеми этими документами шла синхронно, что давало хорошие возможности для скоординированных действий [11; 28]. В 2003—2006 годах все эти документы были пронизаны идеей создания общего туристско-рекреационного пространства, базирующегося на «прусском наследии». После

2007 года региональные стратегии и программы по развитию туризма предпочитают ориентироваться прежде всего на собственные туристские бренды — «Европейская Россия», «Россия в Европе», «Янтарный край» и др. Игнорирование при этом возможностей приграничного сотрудничества в создании общего с соседями туристско-рекреационного пространства кажется странным, поскольку именно совместный туристический продукт, базирующийся на «прусском наследии», мог бы быть наиболее конкурентоспособным.

Главным препятствием для развития приграничного сотрудничества в сфере туризма и формирования единого туристско-рекреационного пространства является режим границы. Первый эксперимент с ослаблением визового режима для граждан стран Шенгенской зоны, Великобритании и Японии начался еще в 2002 году, когда представительство МИД в Калининграде организовало три консульских пункта на автомобильных пунктах пропуска в Мамоново и Багратионовске, а также в аэропорту Храброво. Получение 72-часовой визы формально связано с необходимостью покупки туристического продукта у одной из шести аккредитованных турфирм. Чаще всего услугой «виза на границе» пользуются граждане Германии, Франции, Великобритании, Скандинавских стран и Польши.

По словам сотрудников представительства МИД в Калининграде, этой возможностью пользовались в год от 500 до 1500 иностранных туристов, поэтому консульские пункты работают «по звонку» из аккредитованных турфирм, но только в рабочие дни и строго с 9.00 до 18.00. В связи с небольшим спросом на такую услугу и негативным фоном вокруг новых правил оформления шенгенских виз для россиян МИД принял решение прекратить эксперимент с 1 января 2015 года. Однако по просьбе правительства региона он был продлен до 31 декабря 2016 года. Одна из причин непопулярности услуги «виза на границе» — небольшой период ее действия.

С 2009 года безвизовый въезд (не более чем на 72 часа) также возможен для граждан иностранных государств в составе туристических групп, прибывших в регион на круизном судне. Однако для развития круизного туризма существуют серьезные инфраструктурные ограничения — отсутствие специально обустроенных портов. По данным Калининградского отделения Речморфлота, с 2011 по 2013 год морской порт Калининграда принял всего лишь 15 круизных судов, в то время как в 2012 году соседний порт Клайпеда принял 44 круизных лайнера, порт Гдыня — 70 лайнеров.

Еще одним инструментом, потенциально расширившим возможности региона по привлечению туристов, был механизм местного приграничного движения (МПП), работавший с 2012 года и отмененный в 2016 году по инициативе польской стороны. Этот механизм давал право жителям приграничных районов на взаимные поездки с использованием специальных карточек МПП. При этом российской и польской стороне удалось добиться изменения регламентов ЕС и расширить зону МПП, включив в нее и Трехградье [25].

По данным Центрального статистического управления Польши, 88% пересечений на российско-польской границе обеспечивали именно польские граждане, которые в 50% случаев использовали карточки местного приграничного передвижения [29; 30]. Около 96% поляков ездили за покупками на расстояние не более 30 км от границы, не доезжая до Калининграда и ограничиваясь посещением ближайшей бензозаправки. Следовательно, даже постоянно посещающие Калининградскую область жители соседних воеводств Польши не интересуются регионом как потенциальным местом для экскурсионного туризма или отдыха.

По мнению Т. Оманьского, руководителя Польского культурного центра в Калининграде, главная причина отсутствия интереса поляков к Калининградской области — недостаток информации о событиях в регионе, а также негативные стереотипы, которые по-прежнему сильны даже у жителей приграничных регионов³. Изменению ситуации могла бы способствовать разработка качественной стратегии развития туристической деятельности, включающая систему информирования соседей о событиях, происходящих в регионе, — концертах, фестивалях, распродажах и пр.

Отмена МПП ограничивает возможность компенсации эксклавного положения региона за счет удовлетворения потребительских потребностей в соседней стране в результате упрощенного режима пересечения польской границы [10]. Сворачивание проекта негативно отражается на приграничных контактах.

Существенные ограничения на развитие трансграничного туризма в том числе накладывает недостаток двусторонних пунктов пропуска и их перегруженность, а также особый режим пограничной зоны с российской стороны. В 2013 году в составе погранзоны, где наложены ограничения на мобильность и хозяйственную деятельность, оказались многие районы, которые рассматривались как потенциальные объекты для организации трансграничного туризма: знаменитая Роминтенская (Ромницкая) пуца на границе с Польшей, Виштынецкое озеро на границе с Литвой (кластер «Европейский Байкал»).

Развитию въездного туризма также препятствуют особые зоны с регламентированным для иностранцев режимом посещения, охватывающие значительные территории в Нестеровском и Краснознаменском районах, а также в курортных Зеленоградском и Гурьевском. В Балтийском городском округе подобная закрытая зона мешает реализации одного из якорных проектов региона — строительству велодорожек «От косы до косы».

Режим границ тормозит и развитие водного туризма, на который также возлагаются большие надежды. Сам факт прохождения государственных границ по пограничным рекам (Неман, Шешупе и др.), Куршскому и Вислинскому заливам крайне осложняет их использование в целях туризма. До сих пор затруднено сообщение между портами Балтийска и Эльблонга, практически отсутствуют необходимые для развития малого судоходства и яхтинга пункты пропуска, не разработаны особые правила пересечения морской границы для яхт. Хотя в 2013 году был открыт сезонный пункт пропуска «Рыбачий — Нида», он работает только на заявительной основе и имеет крайне небольшое число судозаходов (не более 20 за сезон). Одним из способов преодоления пограничных барьеров могло бы стать распространение на владельцев и пассажиров спортивных, парусных и прогулочных судов 72-часового безвизового режима.

Важным механизмом компенсации отмены МПП с 2018 года может стать введение упрощенного порядка оформления электронных виз для иностранцев, посещающих регион. Эксклавность региона в данном аспекте может сыграть положительную роль, поскольку турист, приехавший по особой электронной визе, не сможет попасть на основную территорию России, минуя пункты пропуска.

Заключение

Выбор концепции долговременного развития Калининградской области представляется непростой задачей, которая не может быть решена силами регионального правительства. В отличие от других субъектов федерации, в стратегиях которых учитываются прежде всего региональные и федеральные

³ Из интервью руководителя Польского культурного центра в Калининграде Т. Оманьского, сентябрь 2014 года.

интересы, Калининградской области в силу ее эксклавноности приходится принимать во внимание также интересы соседних стран. Попытки сбалансировать все три группы интересов предпринимались во всех существовавших до сегодняшнего дня стратегиях развития области, однако фактически эта задача так и не была решена.

Во-первых, калининградские власти не обладали полномочиями, которые позволили бы оказывать влияние на внешнеполитические риски или, наоборот, использовать внешние обстоятельства для регионального развития. Во-вторых, интересы и политика непосредственных соседей быстро менялись и причудливо переплетались с интересами экономических и военно-политических объединений, определяющих правила игры в регионе Балтийского моря. В-третьих, федеральный центр в своей внешней политике на европейском направлении не всегда в должной мере учитывал региональные интересы Калининградской области.

С начала 1990-х годов основной упор в региональном развитии был сделан на внутренние факторы в новых геополитических условиях, что выразилось в создании особых условий для экономического развития региона (ОЭЗ) и росте прямых государственных инвестиций. Хрупкость такой модели впервые проявилась в период кризиса 2008 года и позже при переходе с таможенных льгот на налоговые.

Обострение международных отношений после начала украинского кризиса сделало геополитическое положение региона еще более сложным. Тем не менее проведенные в 2012, 2014 и 2017 годах интервью с российскими и польскими экспертами свидетельствуют, что локальные и региональные акторы приграничного сотрудничества проявляют сравнительно низкую чувствительность к воинственной риторике центральных властей по обе стороны границы. Однако переход к реальной милитаризации общего пограничья может стать причиной потери накопленного потенциала сотрудничества, как это уже произошло с МПП.

Сбалансированное развитие экономики региона на основе внутренних и внешних факторов возможно на базе отраслей, в которых заинтересован он сам и его соседи. Создание общего с ними туристско-рекреационного пространства — идея, представляющая общий интерес, к реализации которой в области есть многие предпосылки, в том числе ее эксклавноное положение. Снижение или отмена визовых барьеров для посещающих регион гостей будет важным шагом не только навстречу развитию отрасли, но и изменению отношений с соседями.

Известно, что приграничное сотрудничество как одна из наиболее деполитизированных форм международных отношений способствует росту доверия и улучшению отношений на межгосударственном уровне. Именно через налаживание тесных связей и контактов между людьми региону будет легче интегрироваться в общеевропейское пространство и преодолеть негативные последствия как своей политической изоляции от Запада, так и изоляции от материковой России. Показательно, что напряженная международная обстановка несмотря на все сложности переговорного процесса в итоге не повлияла на финансирование и реализацию проектов приграничного сотрудничества в 2014—2018 годах. Чиновники регионального уровня по обе стороны границы надеются, что запущенные недавно программы приграничного сотрудничества ENI не пострадают от взаимного обмена санкциями, называя их «последним плацдармом» сотрудничества.

Работа выполнена в Институте географии РАН при поддержке гранта РФФ «Российское пограничье: вызовы соседства» №14-18-03621.

Список литературы

1. *Винокуров Е. Ю.* Теория анклавов. Калининград, 2007.
2. *Воловик Н.* Отмена таможенных льгот в ОЭЗ Калининградской области // Экономическое развитие России. 2016. №4. С. 33—36.
3. *Воловой В., Баторшина И. А.* Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США // Балтийский регион. 2017. №1. С. 27—43.
4. *Гареев Т. Р., Елисеева Н. А.* Модель товарных потоков эксклавного региона: в поисках ренты переходного периода // Балтийский регион. 2014. №1. С. 72—90.
5. *Зверев Ю. М., Клемешев А. П.* Проблемы анклавных территорий // Регион сотрудничества. 2004. №14. С. 25—32.
6. *Зотова М. В., Себенцов А. Б., Головина Е. Д.* Калининградская область в окружении Европейского союза: приграничное и социально-экономические контрасты // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. №3 (118). С. 145—157.
7. *Клемешев А. П.* Эксклавность как фактор развития Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2005. №3. С. 34—41.
8. *Клемешев А. П.* Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавноности и пути ее преодоления // Балтийский регион. 2009. №2. С. 102—115.
9. *Колосов В. А., Вендина О. И.* Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды // Балтийский регион. 2014. №4. С. 7—30.
10. *Колосов В. А., Зотова М. В., Себенцов А. Б.* Местное приграничное передвижение на российско-польской границе как инструмент трансграничной интеграции // Социально-экономические геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России. М., 2016. С. 97—108.
11. *Кропинова Е. Г.* Международная кооперация в сфере туризма и формирование трансграничных туристских регионов на Балтике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. №1. С. 113—119.
12. *Кузнецова А. Л.* О направлениях создания устойчивой и динамичной экономики Калининградской области // Балтийский регион. 2015. №3. С. 108—125.
13. *Майтакова О.* Нулевая ставка не прошла: что случилось с законом о Калининградской области // Новый Калининград. 2017. 24 янв. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/economy/12242085-nulevaya-stavka-ne-proshla-chto-sluchilos-s-zakonom-o-kaliningradskoy-oblasti.html> (дата обращения: 11.10.2017).
14. *Нис С.* Калининград — не единственный анклав // Pro et Contra. 2003. Т. 8, №1. С. 90—109.
15. *Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджету Калининградской области на компенсацию сумм таможенных пошлин* : постановление Правительства РФ от 15 мая 2015 г. №471. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70927202/> (дата обращения: 15.05.2016).
16. *Рожков-Юрьевский Ю. Д.* Историко-географическая эволюция анклавности территории Калининградской области // Балтийский регион. 2012. №2. С. 98—108.
17. *Себенцов А. Б., Зотова М. В.* Потенциал ЭГП Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. 2013. №4. С. 113—131.
18. *Смординская Н. В.* Калининградский эксклав: перспектива трансформации в пилотный регион. М., 2001. С. 220.
19. *Федоров Г. М.* Калининградская дилемма: «коридор развития» или двойная периферия? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. 2010. №2. С. 5—15.
20. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С.* Россия на Балтике: 1990—2012 годы : монография. Калининград, 2013.
21. *Худoley К. К.* Регион Балтийского моря в условия обострения международной обстановки // Балтийский регион. 2016. №1. С. 7—25.
22. *Aalto P.* A European Geopolitical Subject in the Making? EU, Russia, and the Kaliningrad Question // Geopolitics. 2012. Vol. 7, №3. P. 143—175.
23. *Browning C., Joenniemi P.*, Gibraltar, Jerusalem, Kaliningrad: Peripherality, Marginality, Hybridity // The Geopolitics of Europe's Identity / Noel Parker (ed.). N. Y., 2008. P. 141—158.

24. *Diener A., Hagen J.* Geopolitics of the Kaliningrad Exclave and Enclave: Russian and EU Perspectives // *Eurasian Geography and Economics*. 2011. Vol. 52, №4. P. 567—592.
25. *Domaniewski S., Studzińska D.* The Small Border Traffic Zone between Poland and Kaliningrad Region (Russia): The Impact of a Local Visa-Free Border Regime // *Geopolitics*. 2016. Vol. 21, №3. P. 538—555.
26. *Lopata L.* Kaliningrad, otage géopolitique de la Russie. Un point de vue lituanien // *Le Courrier des pays de l'Est*. 2005. №1048. P. 30—39.
27. *Melnik A.* Institutional aspects of Ukraine and Poland's transborder cooperation: results and problems // *Regional transborder cooperation in countries of Central and Eastern Europe — a balance of achievements*. Warsaw, 2006. P. 117—137.
28. *Sebentsov A., Zotova M.* Kaliningrad as a Tourism Enclave/Exclave? // *Tourism and Geopolitics: Issues and concepts from Central and Eastern Europe* / ed. by Derek Hall, 2017. P. 191—204.
29. *Tourism in 2014*. Warsaw, 2015.
30. *Tourism in Lithuania*. 2014. Vilnius, 2015.
31. *Timmermann H.* Kaliningrad: eine Pilotregion für Gestaltung der Partnerschaft EU — Russland? // *SWP-Studie*. Berlin, 2001.
32. *Trenin D.* The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization, Washington, DC, 2002.

Об авторах

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: asebentsov@igras.ru

Мария Владимировна Зотова, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: zotovam@bk.ru

Для цитирования:

Себенцов А. Б., Зотова М. В. Калининградская область: вызовы эксклавности и пути ее возможной компенсации // *Балтийский регион*. 2018. Т. 10, №1. С. 89—106. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-6.

THE KALININGRAD REGION: CHALLENGES OF THE EXCLAVE POSITION AND THE WAYS TO OFFSET THEM

A. B. Sebentsov¹

M. V. Zotova¹

¹ *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny Per., Moscow, 119017, Russia*

Submitted on December 25, 2017

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-6

The recent geopolitical shifts and Russia's response to them have had a significant impact on the Kaliningrad region. This has created new challenges and warranted a revision of the old ones. The article investigates the reaction of the region's economy to the challenges of its exclave position and considers possible measures to offset related problems in the current geopolitical situation. The article employs statistics, regional strategies, cross-border coop-

eration programmes, and expert interviews conducted by the authors in Kaliningrad in 2012—2014. The vast body of empirical data is instrumental in analysing the views of different stakeholders and estimating the problems and prospects of the region's development as either Russia's military outpost in Europe or as a 'cooperation laboratory.' The analysis takes into account collaborations with the neighbouring states. In striving to identify the preferable regional development conception, the authors reveal low susceptibility of local cross-border cooperation actors to the belligerent rhetoric of national authorities on either side of the border. The study of the state of affairs in tourism, a promising area of regional specialization, demonstrates a dual effect of the exclave position, which can be considered both as a challenge and an opportunity.

Key words: exclave, Kaliningrad region, border region economy, tourism, cross-border cooperation

References

1. Vinokurov, E. Yu. 2007, *Teorija anklavov* [Theory of Exclaves], Kaliningrad, 342 p. (In Russ.).
2. Volovik, N. 2016, Cancellation of customs privileges in the SEZ of the Kaliningrad Region, *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, no. 4, p. 33—36. (In Russ.).
3. Volovoj V., Batorshina, I.A. 2017, Security in the Baltic region as a Projection of Global Confrontation between Russia and the USA, *Balt. Reg.*, no 1, p. 18—29. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-2.
4. Gareev, T.R., Yeliseeva, N.A. 2014, Commodity flow model for an exclave region: Rent-seeking in the 'transitional period' of the special economic zone, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no 1, p. 54—68. doi: 10.5922/2079-8555-2014-1-5.
5. Zverev, Yu. M., Klemeshev, A.P. 2004, Problems of enclave territories, *Region sotrudnichestva*, no 14, p. 25—32 (In Russ.).
6. Zotova, M.V., Sebentsov, A.B., Golovina, E.D. 2015, The Kaliningrad Region surrounded by the European Union: cross-border and socio-economic contrasts, *Vestnik ZabGU*, no 3 (118), p. 145—157. (In Russ.).
7. Klemeshev, A.P. 2005, Exclave as a factor in the development of the Kaliningrad region, *Vestnik I. Kant Baltic Federal Universitity. Humanities and social science*, no 3, p. 34—41 (In Russ.).
8. Klemeshev, A.P. 2009, Russian Exclave on the Baltic Sea: Evolution of Exclavity and Ways to Overcome It, *Balt. Reg.*, Vol. 1, no 2, p. 86—97. doi: 10.5922/2079-8555-2009-2-11.
9. Kolosov, V., Vendina, O. 2014, The Youth in Kaliningrad, Gdansk and Klaipeda: Geopolitical Vision of the World, Identity and Images of the Other, *Baltic region*, Vol. 6, no 4, p. 4—26. doi: 10.5922/2074-2079-8555-4-1.
10. Kolosov, V.A., Zotova, M.V., Sebentsov, A.B. 2016, Local cross-border movement on the Russian-Polish border as an instrument of cross-border integration. In: *Social'no-ekonomicheskie geopoliticheskie i sociokul'turnye problemy razvitiya prigranichnyh rajonov Rossii* [Socio-economic geopolitical and socio-cultural problems of the development of the border regions of Russia], Moscow, p. 97—108. (In Russ.)
11. Kropinova, E.G. 2010, International cooperation in the field of tourism and formation of cross-border tourist regions in the Baltic Sea area, *Vestnik I. Kant Baltic Federal University. Natural and medical sciences*, no 1, p. 113—119. (In Russ.)
12. Kuznetsova, A. 2015, Towards a Stable and Dynamic Economy in the Kaliningrad Region, *Balt. Reg.*, Vol. 5, no 3, p. 83—95. doi: 10.5922/2079-8555-2015-3-7.
13. Maitakova, O. 2017, The zero rate did not pass: what happened to the law on the Kaliningrad region, *Novyj Kaliningrad* [New Kaliningrad], available at: <https://www.newkaliningrad.ru/news/economy/12242085-nulevaya-stavka-ne-proshla-chto-sluchilos-s-zakonom-o-kaliningradskoy-oblasti.html> (accessed 11.10.2017). (In Russ.)
14. Nis S. 2003, Kaliningrad — ne edinstvennyj anklav [Kaliningrad is not the only enclave] *Pro et Contra*, vol. 8. no 1. p. 90—109. (In Russ.).
15. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 15, 2015 No. 471 «On approval of the Rules for the provision of other inter-budget transfers from the federal budget to the budget of the Kaliningrad Region for compensation of customs duties», available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70927202/> (date of access: 15.05.2016). (In Russ.)

16. Rozhkov-Yuryevsky, Yu. D. 2013, *Politiko-geograficheskie osobennosti razvitiya Kaliningradskoj oblasti kak jeksklavnogo regiona Rossii* [Political and geographical features of development of Kaliningrad Region as exclave region], PhD thes., Kaliningrad. (In Russ.)
17. Sebentsov, A., Zotova, M. 2013, Geography and economy of the Kaliningrad region: limitations and prospects of development, *Balt. Reg.*, Vol. 5, no 4, p. 81—94. doi: 10.5922/2079-8555-2013-4-8.
18. Smorodinskaya, N.V. 2001, *Kaliningradskij ehksklav: perspektiva transformacii v pilotnyj region* [Kaliningrad exclave: the prospect of transformation into the pilot region], 220 p. (In Russ.)
19. Fedorov G., 2010, The Kaliningrad dilemma: a 'development corridor' or a 'double periphery'? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Baltic region*, Vol. 2, no 2. p. 4—12. doi: 10.5922/2079-8555-2010-2-1.
20. Fedorov, G.M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V.S. 2013, *Rossija na Baltike: 1990—2012* [Russia on Baltic: 1990—2012 Years], 252 p. (In Russ.)
21. Khudoley, K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no 1. p. 4—16. doi: 10.5922/2079-8555-2016-1-1.
22. Aalto P. 2002, A European Geopolitical Subject in the Making? EU, Russia, and the Kaliningrad Question, *Geopolitics*, Vol. 7, no. 3, p. 143—175.
23. Browning, C., Joenniemi, P. 2008, Gibraltar, Jerusalem, Kaliningrad: Peripherality, Marginality, Hybridity. In: Parker. N. (ed.) *The Geopolitics of Europe's Identity; Centers, Boundaries, and Margins*, New York, Palgrave Macmillan, p. 141—158.
24. Diener, A., Hagen, J. 2011, Geopolitics of the Kaliningrad Exclave and Enclave: Russian and EU Perspectives, *Eurasian Geography and Economics*, Vol. 52, no. 4, p. 567—592.
25. Domaniewski, S., Studzińska, D. 2016, The Small Border Traffic Zone between Poland and Kaliningrad Region (Russia): The Impact of a Local Visa-Free Border Regime, *Geopolitics*, vol. 21, no. 2, p. 243—262.
26. Lopata, L. 2005, Kaliningrad, otage géopolitique de la Russie. Un point de vue lituanien, *Le Courrier des pays de l'Est*, no.1048, p. 30—39.
27. Melnik. A. 2006, Institutional aspects of Ukraine and Poland's transborder cooperation: results and problems, *Regional transborder cooperation in countries of Central and Eastern Europe — a balance of achievements*, p. 117—137.
28. Sebentsov, A., Zotova, M. 2017, Kaliningrad as a Tourism Enclave / Excalve? *Tourism and Geopolitics: Issues and concepts from Central and Eastern Europe*, p. 191—204.
29. *Tourism in 2014*, 2015, Warsaw, Central Statistical Office, 254 p.
30. *Tourism in Lithuania. 2014, 2015*, Vilnius, Statistical Department of Lithuania, 124 p.
31. Timmermann, H. 2001, Kaliningrad: eine Pilotregion für Gestaltung der Partnerschaft EU-Russland, *SWP-Studie*.
32. Trenin, D. 2002, *The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization*, Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace, 340 p.

The authors

Dr Alexander B. Sebentsov, Research Fellow, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: asebentsov@igras.ru

Dr Maria V. Zotova, Leading Research Fellow, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: zotovam@bk.ru

To cite this article:

Sebentsov A.B., Zotova M.V. 2018, The Kaliningrad Region: Challenges of the Exclave Position and the Ways to Offset Them, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 89—106. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-6.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЛАТВИИ

Д. В. Житин¹
З. Кришьяне²
Г. Секи²

Реализация теории демографического перехода в глобальном масштабе приводит к тому, что количество стран с простым и суженным типом воспроизводства населения увеличивается с каждым десятилетием. В этих условиях на динамику численности населения и его половозрастную структуру всё большее влияние оказывает миграция населения. В наибольшей степени такая ситуация характерна сегодня для государств Восточной Европы и, в частности, для Латвии, уже два с половиной десятилетия имеющей естественную убыль населения. С 1990 года в стране наблюдается отрицательное сальдо внешней миграции, ускоряющее процесс депопуляции. Цель проведенного исследования — выявить влияние миграции на половозрастную структуру населения Латвии и ее наиболее крупных городов за период с 2000 года. Для этого рассматривался гипотетический сценарий трансформации возрастной структуры населения республики в 2000—2015 годах в условиях нулевой миграции. Использовался метод передвижки возрастов с учетом реальных возрастных коэффициентов смертности и рождаемости. Сравнение полученных результатов для всего населения Латвии и ее отдельных городов позволило выявить временные и пространственно-возрастные особенности миграционных процессов. Сравнение полученных в ходе расчетов значений сальдо миграции для различных возрастных групп с официальными данными дает возможность более точно оценить фактические объемы и направленность миграционных потоков для ряда городов Латвии. Разработанная и опробованная в данной статье методика расчета нетто-миграции для отдельных возрастных групп может восполнить пробелы текущего статистического учета миграционных событий и выявить территориальную неоднородность демографических процессов.

Ключевые слова: половозрастная структура, население, эмиграция, Латвия, международная миграция, демографическая ситуация, депопуляция

С каждым десятилетием в мире увеличивается количество государств, в которых происходит сокращение численности населения. Если в начале 1990-х годов прошлого века в мире насчитывалось только 8 таких стран, то в 2015 году депопуляция населения наблюдалась уже почти в двух десятках государств, боль-

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

² Латвийский университет, LV 1586, Латвия, Рига, бульвар Райниса, 19.

Поступила в редакцию 02.02.2018 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-7

© Житин Д. В., Кришьяне З., Секи Г., 2018

шинство из которых находятся в Европе [1]. К числу стран с наиболее быстрыми темпами сокращения населения в последние десятилетия относятся и страны Балтии. За период с 1992 по 2015 год численность постоянного населения Эстонии сократилась на 15,4%, Литвы — на 22,1%, Латвии — на 25,5% [2]. Это значительно более высокие темпы, чем в других странах Восточной Европы, не говоря уже о государствах Западной Европы, раньше других ощутивших на себе последствия *демографического перехода* [3].

Высокие темпы депопуляции населения стран Балтии вызваны не только низкой рождаемостью и высокой смертностью, что обусловлено искаженной половозрастной структурой населения. Заметную роль в депопуляцию играет отрицательное сальдо международной миграции населения. За 24 года (с 1992 по 2015 год) на отрицательную нетто-миграцию пришлось 63% общей убыли населения в Эстонии, 77% — в Литве и 61% — в Латвии [2]. При этом миграционная убыль населения, затрагивающая прежде всего лиц в возрасте от 18 до 40 лет, не только деформирует половозрастную структуру, но и способствует дальнейшему увеличению естественной убыли.

По темпам сокращения численности населения за последние десятилетия Латвия занимает первое место в Европе и в мире. При этом темпы убыли заметно различаются по районам и городам страны [4, с. 37—39].

Нельзя сказать, что вопросам демографического развития Латвии в постсоветский период не уделялось внимания со стороны российских и иностранных исследователей. В первую очередь необходимо отметить работы латвийских демографов, экономикогеографов и социологов, посвященные проблемам народонаселения республики. К ним относятся исследования Е. Апсите, А. Балуса, М. Берзиньша, В.В. Волкова, И. Инданса, З. Кришьяне, П. Эглите [5—12].

Часто демографические процессы в Латвии рассматриваются в контексте естественного и миграционного движения населения трех балтийских государств. Это обосновано, учитывая, что в течение последних более двухсот лет государства Балтии развивались в одном геоэкономическом и геополитическом пространстве. Многие исследователи, как в России [13—18], так и в других европейских странах [19; 20] отмечают общее сходство режимов воспроизводства населения и миграционных процессов в Эстонии, Латвии и Литве. Но более детальное рассмотрение ситуации позволяет выявить свои особенности демографического развития в каждой из стран Балтийского региона. Это касается как динамики показателей естественного и механического движения, так и трансформации половозрастной структуры населения и его этнического состава. Среди работ, опубликованных по данной тематике за последние годы, можно отметить исследования по динамике населения приморских городов Балтийского региона [21], об особенностях регионального развития [22], об этнической структуре [23] и о старении населения стран Балтии [24]. Исследования, затрагивающие страны Балтии, зачастую посвящены проблемам внутренних миграций населения и урбанизации [25].

При этом, отмечая большое значение механического движения в динамике численности населения различных стран Балтии и их отдельных регионов, мало кто из ученых акцентировал внимание на взаимосвязи между миграцией населения и его возрастной структурой [26].

Большая часть подобных исследований в странах Европы касается влияния миграции на принимающие сообщества: на динамику дальнейшего естественного движения населения принимающей страны, на этническую напряженность, на уровень преступности, рынок труда [27]. Из работ, затрагивающих аспекты взаимосвязи миграционных процессов и изменения половозрастной структуры, интерес представляют те, которые посвящены межрегиональной миграции в США после периода «беби-бума» [28].

Исследований о влиянии миграции на страну-источник миграционного потока гораздо меньше. Наиболее заметные работы касаются прежде всего влияния эмиграции на дальнейшее экономическое развитие страны-донора, а также такого явления, как «утечка мозгов» и его последствий в виде изменения структуры человеческого капитала [29; 30].

Авторы хотят заполнить имеющийся пробел, и потому цель данного исследования — выявление влияния миграции на половозрастную структуру населения Латвии и ее наиболее крупных городов.

Для достижения поставленной цели необходимо будет решить следующие задачи:

- проанализировать динамику естественного и миграционного движения населения Латвии за последние десятилетия;
- дать оценку изменениям половозрастной структуры населения Республики в период с 1989 по 2015 год;
- рассчитать демографический ущерб, нанесенный населению Латвии в 2000—2015 годах отрицательным сальдо внешней миграции;
- на примере отдельных городов Латвии рассмотреть влияние миграции на численность и возрастную структуру населения;
- рассчитать возрастную структуру сальдо миграции для отдельных территорий Латвии.

Динамика естественного и миграционного движения населения Латвии в конце XX — начале XXI века

Уже в конце советского периода в Латвии сложилась крайне неблагоприятная демографическая ситуация. На смену относительно многочисленному поколению, родившемуся в 1955—1964 годах, в начале 1990-х годов в основной детородный (фертильный) возраст вступила малочисленная когорта молодежи 1965—1970 годов рождения. В совокупности с происходившими в предыдущие десятилетия изменениями типа воспроизводства населения это привело к резкому снижению показателей рождаемости. За двенадцать лет — с 1986 по 1998 год — *суммарный коэффициент рождаемости* сократился в два раза (с 2,21 до 1,11) [31], а *общий коэффициент рождаемости* населения в Латвии снизился более чем в два раза (с 16,1 до 7,6‰) [32]. По времени это совпало с ростом показателя смертности¹ на 36% за пять лет — с 1989 по 1994 год (с 12,2 до 16,6‰) [32]. В результате с 1992 года в Латвии устанавливается суженный режим воспроизводства населения, когда смертность превысила рождаемость. Скорость естественной убыли населения республики достигает максимальных значений в 1994—1995 годах (–7,0‰ в год), и, хотя в последующем эти темпы сокращаются до 3—5‰ в год, сегодня в Латвии ежегодно количество умерших превышает численность родившихся на 30—50% (на 6,5—10,0 тыс. чел.) [32] (рис. 1).

Одной из причин продолжающегося демографического кризиса в республике стало то, что интенсивность рождений² в первые десятилетия XXI века так и не достигла уровня конца 1980-х годов. Сегодня в среднем на одну женщину в Латвии приходится только 1,5—1,6 ребенка, то есть суммарный коэффициент рождаемости имеет значение на 20—25% меньше, чем необходимо для количественного замещения поколений и выхода на режим простого воспроизводства населения [31] (табл. 1).

¹ Общий коэффициент смертности.

² Количество рожденных детей на 1000 женщин фертильного возраста.

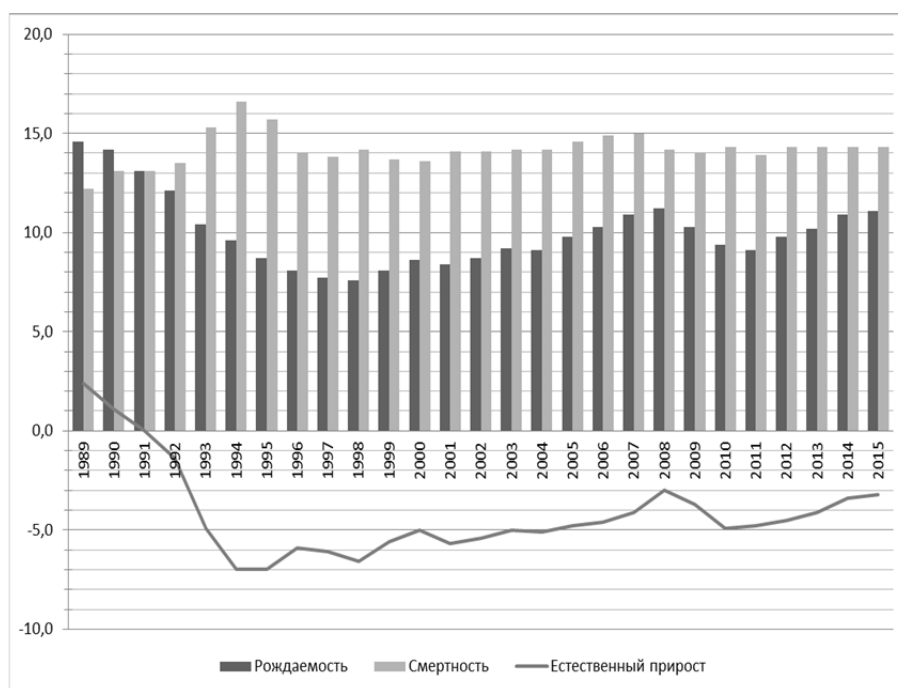

Рис. 1. Естественное движение населения Латвии за период 1989—2015 годов

Составлено авторами по [32].

Таблица 1

Среднегодовые показатели естественного и миграционного движения населения Латвии в 1986—2015 годах

Период	Суммарный коэффициент рождаемости (СКР)	Общий коэффициент рождаемости (ОКР), ‰	Общий коэффициент смертности (ОКС), ‰	Коэффициент естественного прироста (КЕП), ‰	Коэффициент миграционного прироста (КМП), ‰	Общий прирост населения, ‰
1986—1990	2,13	15,3	12,3	+3,0	+2,2	+5,2
1991—1995	1,56	10,8	14,8	-4,0	-10,8	-14,8
1996—2000	1,17	8,0	13,9	-5,9	-3,8	-9,7
2001—2005	1,30	9,0	14,2	-5,2	-5,8	-11,0
2006—2010	1,48	10,4	14,5	-4,1	-10,2	-14,3
2011—2015	1,54	10,2	14,2	-4,0	-6,4	-10,4

Источник: составлено авторами на основе данных [32].

Но было бы неправильным считать, что единственной причиной быстрого сокращения численности населения Латвии в постсоветский период стали изменения в характере естественного воспроизводства населения. Как уже отмечалось, на естественную убыль приходится менее 40% сокращения коли-

чества жителей Латвии в последние десятилетия. Значительно большее влияние на изменение численности и половозрастной структуры населения республики оказала миграция. За постсоветский период — с 1992 по 2016 год — Латвию покинула³ 421 тыс. человек — 16% ее населения в начале 1990-х годов [33]. За последнюю четверть века наблюдалось два всплеска миграционной активности. Первый массовый отток населения из Латвии приходится на начало 1990-х годов и связан с выездом в Россию и другие страны СНГ русского и русскоязычного населения республики. В первой половине 1990-х годов отрицательное миграционное сальдо Латвии составляло ежегодно в среднем 20—30 тыс. человек. (В 1992 году за счет эмиграции население Латвии сократилось более чем на 53 тыс. жителей.) В результате за короткий временной период Латвия из страны иммиграции превратилась в страну эмиграции [34, с. 107].

С середины 1990-х годов темпы эмиграции несколько снизились. Но уже с конца 1990-х годов выезд для постоянного проживания за пределы Прибалтийских республик вновь стал расти. Только вместо России и Белоруссии главным направлением эмиграции в этот период становятся страны Европы. После вступления Латвии в Европейский союз в 2004 году поток эмигрантов в западном направлении увеличился еще больше [35] (рис. 2).

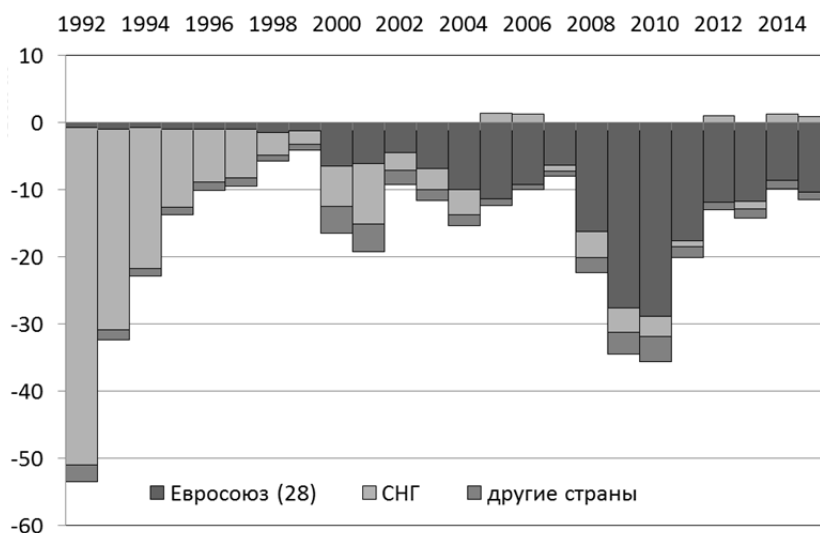

Рис. 2. Сальдо миграции населения Латвии по основным направлениям в 1992—2015 годах, тыс. человек

Составлено авторами по [35].

При этом вторая и следующие, после восстановления независимости, волны исхода за пределы Латвии затронули уже не только русское население республики, но и латышей [7]. Так, за 2011—2015 годы доля латышей в общей численности эмигрантов из Латвии выросла с 39 до 51%. При этом среди русского населения Латвии интенсивность эмиграции и сегодня значительно выше, чем среди латышей: в 2015 году уровень эмиграции русских жителей Латвии составил 10,9 чел. на 1000, а у латышей — только 8,4‰ [36].

³ Имеется в виду сальдо внешней миграции.

Изменения возрастной структуры населения Латвии в 1989—2016 годах

Сокращение численности населения Латвии в последние десятилетия в различных возрастных группах было неравномерным. Массовая эмиграция и значительная естественная убыль населения в конце XX — начале XXI века привели к существенной трансформации половозрастной структуры населения республики. Так, если по переписи населения 1989 года удельный вес лиц младше трудоспособного возраста (0—14 лет) составлял 21,4%, то к 2000 году он сократился до 18,0%, а в 2016 году был уже только 15,2% от общей численности жителей Латвии. Обратная ситуация наблюдалась с лицами старших возрастов (65 лет и старше). Их доля за период с 1989 по 2015 год увеличилась с 11,8 до 19,6% [37; 38] (табл. 2).

Таблица 2

Изменения соотношения основных возрастных групп населения Латвии в 1989—2016 годах

Год ⁴	Удельный вес населения		
	0—14 лет	15—64 года	65 лет и старше
1989	21,4	66,8	11,8
1996	20,5	65,7	13,8
2000	18,0	67,2	14,8
2011	14,2	67,4	18,4
2016	15,2	65,2	19,6

Источник: [37; 38].

Если посмотреть на половозрастные пирамиды населения Латвии 1989 и 2016 годов, то видно, что еще более значительные изменения произошли по отдельным возрастным группам (рис. 3). Так, при снижении общей численности населения республики за период с 1989 по 2015 год на 26% в возрастной группе 25—29 лет сокращение составило 47%, для молодежи 15—19 лет — в 2,1 раза, а для детей в возрасте 0—4 года — в 2,0 раза. При этом в возрастных когортах старше 65 лет численность населения Латвии за рассматриваемый период не только не сократилась, но и заметно выросла. Численность пожилого населения республики в возрасте 70—74 лет за период 1989—2015 годов выросла на 31% (с 70 до 92 тыс. человек), а в возрастной группе старше 85 лет — на 64% (с 27 до 44 тыс. чел.) [37; 38].

Быстрое старение населения Латвии наряду с ростом продолжительности жизни⁵ создают угрозу увеличения демографической и, как следствие, экономической нагрузки на население трудоспособного возраста. В значительной степени на возрастную структуру населения современной Латвии оказывает влияние состав мигрантов советского периода. До настоящего времени увеличение демографической нагрузки пожилыми компенсируется снижением доли детей, но в дальнейшем сокращение удельного веса налогоплательщиков в общей численности населения республики создаст серьезные экономические и социальные проблемы.

⁴ На начало года.

⁵ За период с 1989 по 1994 год средняя продолжительность жизни при рождении для жителей Латвии сократилась с 71,0 до 66,4 года, но затем выросла к 2016 году до 74,7 года.

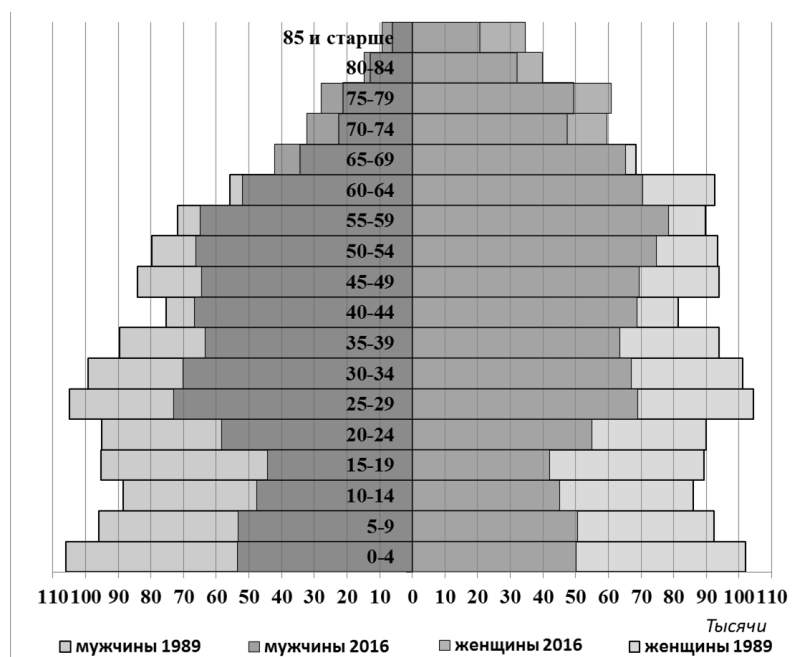

Рис. 3. Половозрастные пирамиды населения Латвии в 1989 и 2016 годах

Составлено авторами по [37; 38].

Роль эмиграции в трансформации половозрастной структуры населения Латвии в 2000—2016 годах

Настолько быстрое сокращение численности населения и такая значительная трансформация его возрастной структуры, как это происходило в конце XX — начале XXI века, не могли произойти только в результате изменения параметров естественного движения населения Латвии. Ухудшению демографической ситуации в республике способствовала эмиграция ее жителей в другие страны. Общие масштабы миграционной убыли рассматривались выше, но в какой степени выезд населения за пределы Латвии повлиял на изменение половозрастной (возрастно-половой) структуры населения республики в целом и ее наиболее крупных городов?

К сожалению, имеющиеся в открытом доступе статистические данные позволяют подробно рассмотреть структуру внешней миграции Латвии по полу и возрасту только за период с 2000 года. При этом отсутствуют данные о характере миграционных потоков по отдельным городам и районам республики. Тем не менее анализ сведений за период с 2000 по 2015 год позволяет сделать выводы о характере и роли миграции в трансформации половозрастной структуры населения Латвии и ее региональных центров.

Всего за 16 лет (с 2000 по 2015 год) отрицательное сальдо миграции населения Латвии составило 257,4 тыс. человек. В зависимости от социально-экономической ситуации в Латвии и в странах, куда эмигрируют жители республики (Великобритания, Германия, США, Россия, Ирландия), абсолютное

значение сальдо миграции изменялось в рассматриваемый период в диапазоне от 7,9 тыс. чел. (2007) до 35,6 тыс. чел. (2010) в год. При этом за последние 25 лет вектор эмиграции развернулся с востока на запад. Если в 1992 году из почти 60 тыс. человек, покинувших Латвию, более 90% переселились в Россию и другие страны СНГ, то в 2010—2015 годах на восток выехали не более 12—16% эмигрантов [35]. В отдельные годы (2005—2006, 2012, 2014—2015) обмен населением Латвии со странами СНГ был в пользу Латвии. В то же время удельный вес стран Западной Европы в миграционных предпочтениях латвийских мигрантов в последние десятилетия неуклонно рос. С 1993 по 2004 год доля 15 стран Европейского союза в эмиграционном потоке из Латвии выросла с 2,5 до 55%. После вступления Латвии в ЕС на те же государства Западной Европы (ЕС-15) приходилось уже от 60 до 70% эмигрировавших из страны. Экономический кризис 2008—2009 годов только усилил западный вектор латвийской эмиграции — после 2009 года от 70 до 76% жителей Латвии, покинувших страну, избрали своим новым местом жительства наиболее экономически развитые страны Европы [35].

Вполне объяснимо, что основную часть международных мигрантов в Латвии составили люди в возрастной группе 15—34 года, отличающиеся наибольшей пространственной мобильностью. Всего за период с 2000 по 2015 год доля данной возрастной группы в миграционной убыли населения республики составила 53%. При этом по годам данный показатель изменялся довольно значительно — от 31 (2000) до 72% (2006), оставаясь в последние годы устойчиво больше 50% от общего оттока населения⁶ [39] (рис. 4).

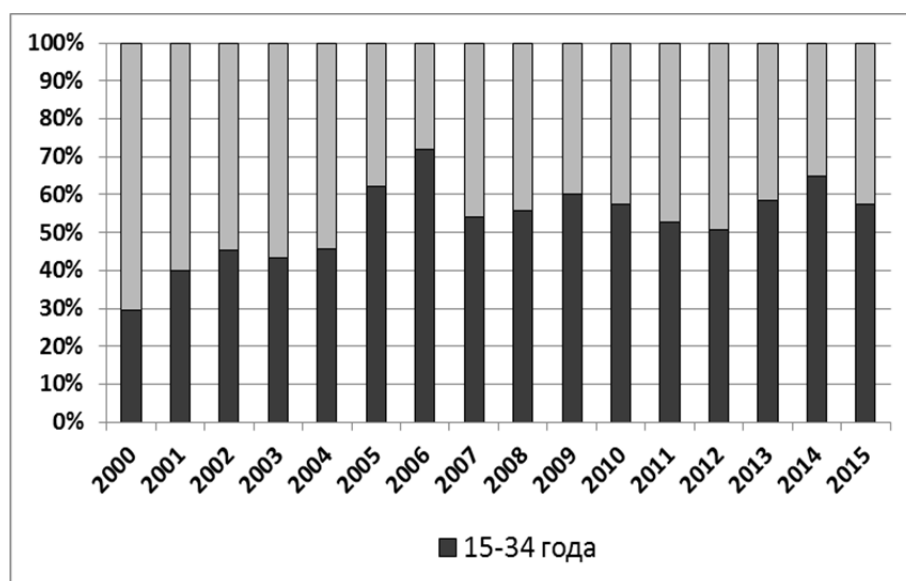

Рис. 4. Доля лиц в возрасте 15—34 лет в общей миграционной убыли населения Латвии в 2000—2015 годах

Составлено авторами по [39].

⁶ В эмиграционном потоке из Латвии в 2000—2015 годах удельный вес молодежи (15—34 года) изменялся в меньшем диапазоне — от 30 (2000) до 58% (2009).

Необходимо отметить, что среди населения Латвии удельный вес молодежи в возрасте 15—34 года в рассматриваемый период составлял 28—24%. Кроме более чем двукратного в целом превышения доли молодежи среди эмигрантов обращает на себя внимание и тот факт, что возрастная структура международной миграции с 2000 года претерпела существенные изменения. Так если в 2000—2004 годах, до вступления Латвии в Европейский союз, лица старше 60 лет составляли в среднем от 10 до 15% миграционной убыли населения, то в 2005—2006 годах численность прибывших в республику лиц данной возрастной группы превысила количество выбывших. В последующие годы восстановились отрицательные значения нетто-миграции пожилого населения Латвии, но в общем сальдо миграции их удельный вес не превышает сегодня 1,5—3,5% [39].

Обращает внимание гендерная структура миграционного потока и ее изменение в рассматриваемый период. В целом среди эмигрантов из Латвии в 2000—2015 годах женщины составляли 52%, но данный показатель сильно варьирует по годам. Так, в период благоприятной экономической конъюнктуры в стране и относительно низкого уровня эмиграции доля женщин в общем миграционном потоке превышала 55—60%, достигнув максимальных значений в 2006—2007 годах (63—68%). Если анализировать соотношение мужчин и женщин в составе миграционного сальдо населения Латвии, можно заметить, что их численность совпадает. Но в возрастных когортах мигрантов старше 50 лет начинается резкое преобладание женщин. Так, в возрасте старше 60 лет среди международных мигрантов (нетто-миграции) женщины составляют более 90%, что значительно превышает их долю в населении республики [39].

Но ущерб демографическому потенциалу Латвии состоит не только в разнице между количеством лиц, прибывших в страну (иммигранты)⁷ и выехавших на жительство за пределы республики (эмигранты). Тот факт, что подавляющее большинство покинувших Латвию составляют лица фертильного возраста предполагает и косвенный (непрямой) ущерб от эмиграции. Страна теряет не только тех, кто уехал в другие государства, но и их детей, родившихся уже за границей. С помощью метода передвижки возрастов, учета возрастных коэффициентов рождаемости и смертности можно рассчитать общую численность населения, которую потеряла Латвия за период с 2000 по 2015 год. Как уже отмечалось, за 16 лет прямые потери Латвии от миграции населения составили 257,4 тыс. человек. С учетом возрастной структуры миграционного потока, на основе существовавших в изучаемый период показателей рождаемости и смертности удалось рассчитать параметры естественного прироста для населения, покинувшего Латвию⁸. Он составил 21,5 тыс. человек, или 8,4% от сальдо миграции.

Таким образом, общие потери населения республики в результате международной миграции за 2000—2015 годы составили 278,9 тыс. человек. Половозрастная структура демографических потерь Латвии вследствие миграции за этот период представлена в таблице 3.

⁷ Большую часть иммигрантов в Латвии составляют жители страны, ранее выехавшие за рубеж и через некоторое время возвратившиеся обратно.

⁸ В расчетах использовались возрастные коэффициенты рождаемости и смертности населения Латвии 2000—2015 годов, а не стран прибытия эмигрантов.

Таблица 3

**Численность и половозрастная структура населения,
которое потеряла Латвия в период 2000—2015 годов
в результате внешней миграции (с учетом возрастных сдвигов,
по состоянию на начало 2016 года)**

Возрастная группа	Общая убыль, чел.			Доля возрастных групп, %		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
0—4	10 086	10 174	20 260	3,62	3,65	7,27
5—9	9 237	9 324	18 561	3,31	3,34	6,66
10—14	6 568	6 429	12 997	2,36	2,31	4,66
15—19	4 501	4 494	8 995	1,61	1,61	3,23
20—24	8 806	9 732	18 538	3,16	3,49	6,65
25—29	18 562	19 600	38 162	6,66	7,03	13,69
30—34	20 096	20 315	40 411	7,21	7,28	14,49
35—39	15 719	15 507	31 226	5,64	5,56	11,20
40—44	11 644	10 938	22 582	4,18	3,92	8,10
45—49	8 497	9 276	17 773	3,05	3,33	6,37
50—54	7 304	8 547	15 851	2,62	3,06	5,68
55—59	5 887	7 626	13 513	2,11	2,73	4,85
60—64	3 673	5 123	8 796	1,32	1,84	3,15
65—69	1 845	2 713	4 558	0,66	0,97	1,63
70—74	660	1 104	1 764	0,24	0,40	0,63
75—79	702	1 466	2 168	0,25	0,53	0,78
80—84	396	1 012	1 408	0,14	0,36	0,50
85 и более	291	1 012	1 303	0,10	0,36	0,47
<i>Всего</i>	134 474	144 392	278 866	48,22	51,78	100,00

Источник: [39].

Сравнение фактической половозрастной пирамиды населения Латвии на начало 2016 года [40] с той, которая могла бы существовать при нулевой нетто-миграции за период с 2000 года, показывает размеры демографического ущерба, нанесенного республике в результате отрицательного сальдо внешней миграции. Если в целом население Латвии недосчиталось за этот период 14%, то по отдельным возрастным группам различие между фактической и потенциально возможной численностью значительно больше. Так, в возрастной когорте 0—4 года оно составляет 20%, а в возрасте 30—34 года — 29% (рис. 5). В целом же, наибольшая разница при сопоставлении двух половозрастных пирамид населения Латвии наблюдается в возрастной группе от 25 до 40 лет. За 16 лет она составила 27%. Минимальное расхождение между реальной и возможной численностью населения (2—4%) наблюдается в возрастных когортах старше 65 лет.

Таким образом, внешняя миграция не только в значительной степени деформировала половозрастную структуру населения Латвии, но и увеличила демографическую нагрузку на его трудоспособную часть (табл. 4).

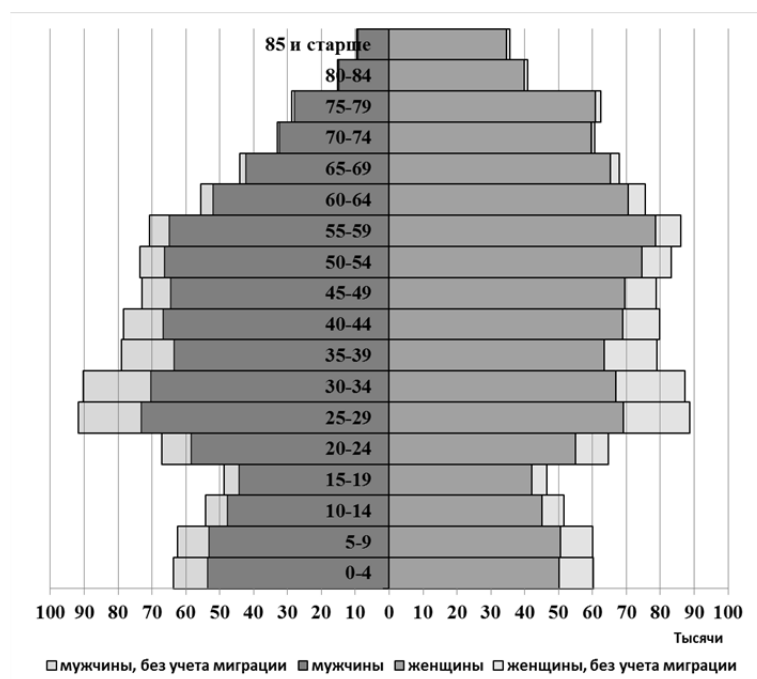

Рис. 5. Фактическая и потенциальная (в случае «нулевого» сальдо внешней миграции в 2000—2015 годах) половозрастная пирамида населения Латвии на начало 2016 года

Составлено авторами по [40] и на основании собственных расчетов.

Таблица 4

Демографическая нагрузка на трудоспособное население Латвии (по состоянию на начало 2016 года)

Половозрастная структура населения	Демографическая нагрузка на 1000 чел. трудоспособного возраста		
	лицами в возрасте моложе трудоспособного (0—14 лет)	лицами в возрасте старше трудоспособного (65 лет и старше)	общая
Фактическая	234	302	536
Возможная	235	266	501

Источник: составлено авторами на основе данных [40] и собственных расчетов.

Региональные особенности влияния миграции населения на возрастную структуру населения Латвии

Если в целом за 16 лет (с 2000 по 2015 год) из-за отрицательного сальдо миграции Латвия недосчиталась 14% населения, то по отдельным городам и районам республики ситуация отличается существенным образом. К сожалению, имеющаяся в открытом доступе статистическая информация не позволяет определить половозрастную структуру (ПВС) мигрантов по отдельным административно-территориальным единицам (АТЕ) республики. В связи с

этим при расчете влияния миграции на ПВС населения отдельных территорий в рассматриваемый период (2000—2015) будут использоваться те же пропорции по полу и возрасту, как и для всего населения Латвии.

В качестве объектов исследования рассмотрим девять крупнейших городов Латвии, получивших после административной реформы 2008 года статус отдельных АТЕ. К городам республиканского значения сегодня относятся Рига, Даугавпилс, Елгава, Екабпилс, Юрмала, Лиепая, Резекне, Валмиера и Вентспилс. В отличие от других АТЕ Латвии, образованных в ходе реформы, по вышеперечисленным городам имеется информация о ПВС населения не только на момент проведения переписей (2000, 2011), но и по состоянию на 2016 год. Это позволяет выявить изменения численности и удельного веса отдельных возрастных когорт за весь рассматриваемый период (2000—2015) под влиянием процессов естественного и механического движения населения.

Как отмечалось, с 2000 по 2015 год население Латвии сократилось на 412,8 тыс. человек, что составило 17,3% численности жителей республики на рубеже веков. Для крупнейших городов Латвии данный показатель варьировал в диапазоне от 10,5 (Елгава) до 27,2% (Резекне) [41] (табл. 5).

Таблица 5

Изменение численности населения крупнейших городов Латвии в 2000—2015 годах

Город	Численность населения на начало года, чел.		Прирост (убыль) населения в 2000—2015 годах, чел.	Темпы роста численности населения в 2000—2015 годах (2000 = 100 %)	Доля миграции в общем приросте (убыли) населения, %
	2000	2016			
Рига	766 381	639 630	-126 751	83,5	68,3
Даугавпилс	115 574	85 858	-29 716	74,3	70,9
Лиепая	89 641	70 630	-19 011	78,8	76,2
Елгава	63 743	57 053	-6 690	89,5	74,0
Юрмала	55 673	49 182	-6 491	88,3	36,2
Вентспилс	43 999	35 903	-8 096	81,6	65,0
Резекне	39 430	28 692	-10 738	72,8	67,8
Екабпилс	27 911	22 750	-5 161	81,5	72,2
Валмиера	27 799	23 248	-4 551	83,6	78,7

Источник: составлено авторами на основе данных [41].

Сопоставив половозрастные пирамиды населения городов Латвии 2000 и 2016 годов, можно заметить, что по отдельным возрастным когортам изменение численности за 16 лет было несимметричным. Так, для всех городов характерно увеличение абсолютной численности жителей в возрасте 0—4 года⁹ и в возрасте старше 75 лет. Общим для всех рассматриваемых городов Латвии является и значительное сокращение численности населения — на 41—57% от

⁹ Кроме Вентспилса и Резекне, где за 2000—2015 годы численность детей в возрасте 0—4 года сократилась соответственно на 5,7 и 2,8%.

уровня 2000 года — в возрастной группе 10—19 лет (рис. 6). Но если отмеченные особенности трансформации возрастной структуры населения городов республиканского подчинения соответствуют общему для Латвии тренду, то изменения в других возрастных группах имеют существенные различия [42].

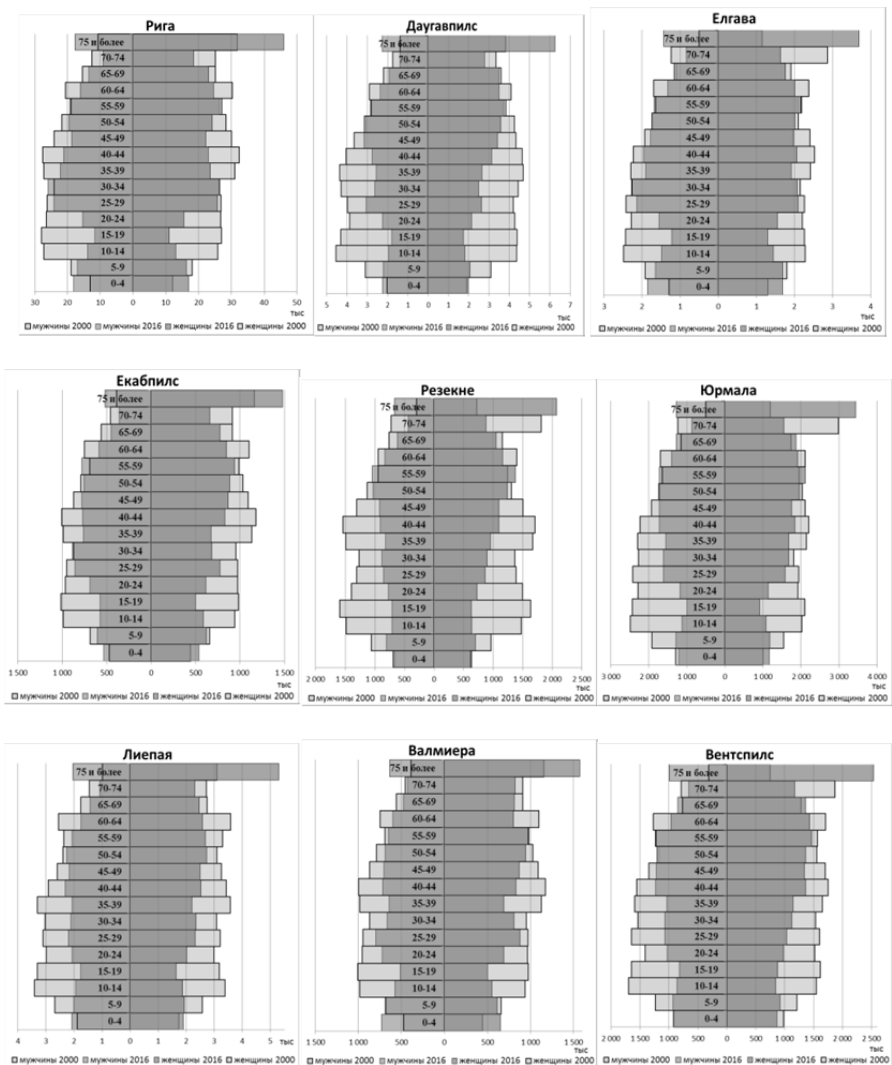

Рис. 6. Сравнение половозрастной структуры городов Латвии в 2000 и 2016 годы

Составлено авторами по [42].

Так, для одних городов Латвии (Даугавпилс, Лиепая, Резекне, Валмиера) характерно значительное сокращение численности и удельного веса населения в возрасте 35—39 лет, а для других (Елгава, Юрмала, Резекне) — в группе 70—74 года. В то же время в Юрмале и Резекне в рассматриваемый период значительно выросла численность населения в возрасте 55—59 лет (табл. 6).

Таблица 6

**Темпы роста численности населения Латвии и отдельных городов
республики в пятилетних возрастных когортах в 2000—2015 годах,
% (2000 = 100 %)**

Возраст	Латвия	Рига	Даугавпилс	Лиепая	Елгава	Юрмала	Вентспилс	Резекне	Екабпилс	Валмиера
0—4	108,0	139,8	108,3	110,0	137,2	115,2	94,3	97,2	116,8	151,0
5—9	71,5	89,8	69,1	74,9	89,8	80,7	75,4	74,4	91,2	95,8
10—14	49,7	50,8	42,1	55,9	61,7	54,1	52,6	45,7	60,1	58,8
15—19	48,4	41,3	40,6	52,5	53,6	46,4	51,9	41,4	53,8	51,1
20—24	70,2	58,2	53,8	68,2	69,4	61,5	68,4	51,8	67,3	73,3
25—29	86,2	94,2	69,7	71,7	90,4	82,5	64,9	63,7	84,7	87,5
30—34	86,2	104,4	58,6	73,0	97,8	92,4	71,5	67,6	85,6	80,8
35—39	71,7	78,4	57,5	62,0	81,0	80,7	67,3	56,1	67,6	63,1
40—44	77,3	73,4	67,8	76,5	84,5	86,9	78,5	61,8	73,1	71,2
45—49	86,2	75,7	82,5	79,7	86,6	90,5	84,0	71,6	83,6	80,3
50—54	100,8	87,3	89,9	91,1	97,7	100,6	92,0	93,0	89,9	89,8
55—59	100,6	99,6	99,2	83,9	100,7	113,9	96,9	111,0	102,6	97,3
60—64	83,6	79,7	84,0	70,4	82,2	93,9	80,6	85,2	77,3	75,9
65—69	88,8	90,0	93,3	86,3	93,8	113,7	108,2	86,8	82,9	87,4
70—74	86,8	73,2	81,9	81,6	60,2	58,0	69,1	51,6	74,3	91,7
75 и более	148,0	149,8	163,8	179,6	311,9	282,0	332,5	269,6	129,1	143,3
<i>Всего</i>	82,7	83,5	74,3	78,8	89,5	88,3	81,6	72,8	81,5	83,6

Источник: составлено авторами на основе данных [42].

Используя данные о ПВС жителей городов Латвии по состоянию на 2000 и начало 2016 года и зная возрастные коэффициенты рождаемости и смертности для всего населения республики, можно определить сальдо миграции в отдельных возрастных когортах. Так, в случае «нулевой» миграции за 16 лет с 2000 по 2015 год пятилетняя возрастная когорта 14—18 лет переходит в возрастную группу 30—34 года с потерей 1,6% численности за счет смертности. Аналогично при переводе возрастной когорты 24—28 лет в возраст 40—44 года теряется 3,4% начальной численности населения, а когорта 39—43 года, переходя в возраст 55—59 лет, уменьшается на 10,8%. Закономерно, что с увеличением возраста потери численности населения в возрастных группах растут — для когорты 59—63 года при ее переходе в возрастную группу 75—79 лет сокращение численности составляет 36%. Подобным образом может быть рассчитана и возможная численность населения в младших возрастных группах — от 0 до 16 лет. Смертность в младших возрастных группах минимальна (десятые доли промилле в год), и численность населения зависит от возрастных коэффициентов рождаемости среди женщин фертильного возраста.

С помощью описанного выше метода передвижки возрастов можно получить возрастную структуру населения городов Латвии в начале 2016 года, какой бы она была в случае полного отсутствия миграции. Разность же между фактической и возможной численностью населения в отдельных возрастных группах может быть отнесена только на счет миграции населения.

Проверим обоснованность наших расчетов для крупнейших городов Латвии, используя имеющиеся возрастные коэффициенты рождаемости и смертности. Во всех девяти городах республиканского подчинения за 2000—2015 годы наблюдалась миграционная убыль населения. И именно миграция внесла ос-

новой вклад в уменьшение количества населения в этих городах (см. табл. 6). При этом обращает внимание тот факт, что в большинстве (6 из 9) рассматриваемых городов расхождение между фактической численностью населения на начало 2016 года и данными, полученными в ходе расчетов, близко к миграционному сальдо, накопленному за предшествующие 16 лет [43]. Различие между официальными и расчетными значениями нетто-миграции в Риге, Даугавпилсе, Лиепае, Елгаве, Валмиере и Екабпилсе не превышает 10%. Только для Резекне, Вентспилса и Юрмалы значение фактической миграции, рассчитанное методом передвижки возрастов, отклоняется от данных статистического учета более чем на 10%. Но если для Даугавпилса, Лиепай, Елгавы, Юрмалы, Вентспилса, Резекне полученные значения убыли населения были больше официальных, то в Риге, Валмиере и Екабпилсе потери населения вследствие миграции были несколько завышены.

Еще более неоднозначную картину дает сравнительный анализ возрастной структуры миграционного прироста (убыли) в различных городах Латвии (рис. 7).

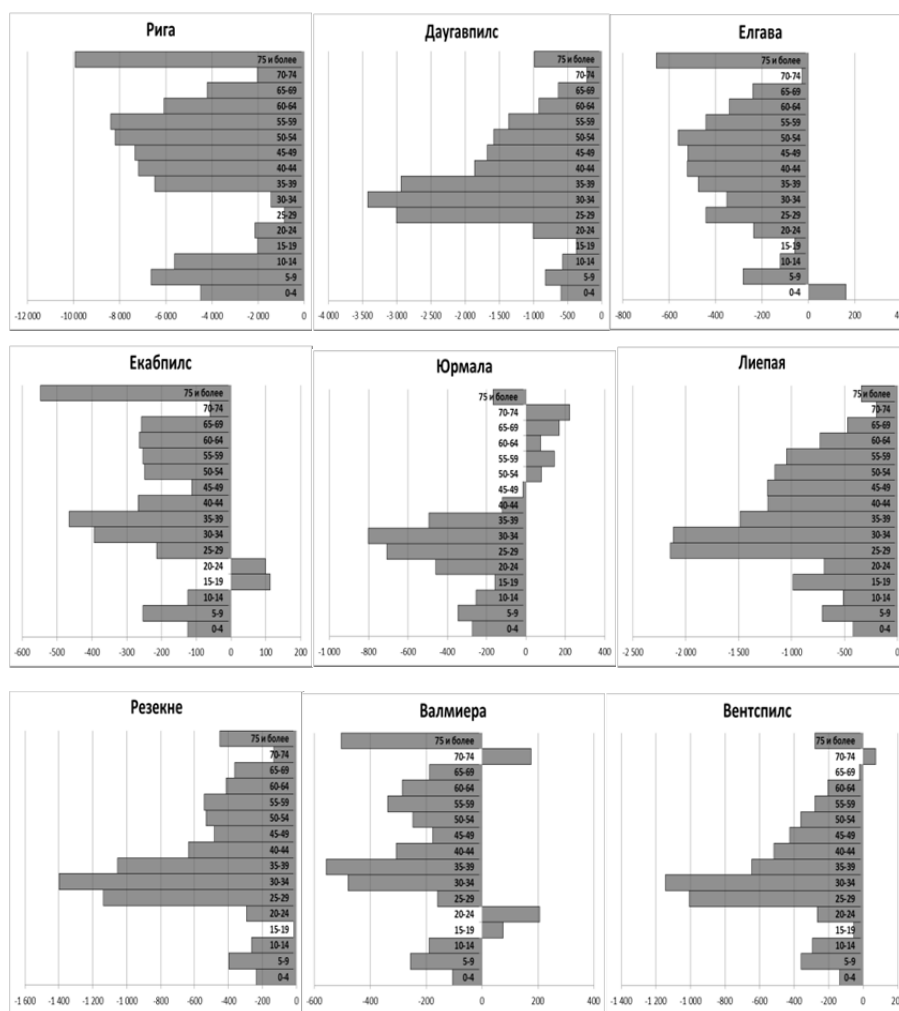

Рис. 7. Возрастная структура сальдо миграции за 2000—2015 годы по городам Латвии, чел.

Составлено авторами на основе данных [43] и собственных расчетов.

Так, для Даугавпилса, Лиепай, Вентспилса, Резекне наблюдается в целом схожая возрастная структура мигрантов, близкая по своим пропорциям к общим миграционным потерям республики за последние 16 лет (см. табл. 3 на с. 117 и рис. 5 на с. 116). Она характеризуется миграционной убылью во всех возрастных когортах, достигающей максимальных значений в группах 25—39 лет и минимальных — в возрасте 15—19 лет (для Лиепай — 0—4 года) и старше 65 лет.

Возрастная структура мигрантов в других городах Латвии заметно отличается от рассмотренных выше. Так, в Риге максимальная миграционная убыль населения, накопившаяся за 2000—2015 годы, отмечена в возрастной группе 40—59 лет, на которую приходится почти 38% расчетного сальдо миграции, а минимальная убыль — в возрасте 25—29 лет. В Юрмале, наоборот, в возрастных когортах от 50 до 75 лет численность населения за последние 16 лет выросла за счет миграции, а наибольшая убыль пришлась на возрастную группу 25—34 года. В Валмиере и Екабпилсе миграционный прирост наблюдается среди лиц 15—24 лет.

Заключение

Рассмотренные особенности миграционных процессов в Латвии позволяют сделать некоторые выводы.

1. По темпам сокращения численности населения за последнюю четверть века Латвия стала лидером среди государств Европы и мира. Большую часть депопуляции населения (62,4%) составляет миграционная убыль. При этом по сравнению с началом 1990-х годов вектор внешней миграции сменил свою направленность — в настоящее время практически вся миграционная убыль населения в Латвии приходится на страны Европейского союза. Наиболее высокая эмиграционная активность наблюдается среди русского населения республики, проживающего преимущественно в крупных городах.

2. Темпы сокращения численности населения Латвии значительно различаются по возрастным группам, что приводит к серьезной деформации структуры населения. По сравнению с концом 1980-х годов доля лиц моложе трудоспособного возраста (0—14 лет) сократилась почти на треть (с 21,4 до 15,2%), а лиц старше трудоспособного возраста (65 лет и старше) увеличилась более чем в полтора раза (с 11,8 до 19,6%). Пока еще рост демографической нагрузки пожилыми на население трудоспособного возраста компенсируется снижением нагрузки детьми, но это не может продолжаться долго. Уже в ближайшем будущем, в связи с постепенным увеличением продолжительности жизни жителей Латвии, начнется быстрое сокращение доли населения трудоспособного возраста (15—64 года) и рост общей демографической нагрузки. При этом эмиграция населения республики существенно ускоряет данный процесс, так как за последние полтора десятилетия большая часть сальдо внешней миграции (54%) приходится на лиц наиболее репродуктивного возраста (20—39 лет).

3. Влияние внешней миграции на трансформацию половозрастной структуры населения Латвии не ограничивается только массовым оттоком населения с преобладанием молодежи (15—29 лет) и лиц средних возрастных групп (30—49 лет). Так, если прямые потери от эмиграции составили в 2000—2015 году 257,4 тыс. человек — 10,8% численности населения Латвии¹⁰, то с учетом потенциальной рождаемости и смертности среди мигрантов можно утверждать, что за 16 лет республика недосчиталась 278,9 тыс. человек — 14,2% населения на начало 2016 года. При этом в возрастных когортах 25—29 лет и 30—34 года эта недостача составила соответственно 26,8 и 29,4%. Всего на

¹⁰ От численности населения республики по состоянию на начало 2000 года.

возрастную группу 25—39 лет, характеризующуюся наибольшей фертильностью, пришлось почти 40% общих потерь населения Латвии вследствие миграционной убыли. В результате это привело к еще большим диспропорциям в половозрастной структуре населения Латвии, затруднило возможность преодоления глубокого демографического кризиса, в котором республика находится с начала 1990-х годов.

4. Возрастная структура миграционных потерь населения Латвии имеет выраженные территориальные особенности. Методом передвижки возрастов, с учетом общих для всего населения республики возрастных коэффициентов смертности и рождаемости удалось рассчитать реальный объем и возрастную структуру сальдо миграции населения в 2000—2015 годах для девяти городов республиканского подчинения. Сравнение полученных значений с фактической численностью населения городов позволило выявить несоответствие между официальными данными миграционной убыли и сделанными расчетами. Так, если для Риги, Даугавпилса, Лиепай, Елгавы, Валмиеры расхождение варьировались в пределах 3—7%, то для Вентспилса расхождение между рассчитанными и официальными значениями сальдо миграции за 16 лет составило 12%, для Резекне — 13%, а для Юрмалы — 24% (!) в пользу расчетных данных. Это значит, что официальная статистика существенно занижает реальное количество лиц, выехавших из этих трех городов. В то же время в Екабпилсе фактическая миграционная убыль населения за 2000—2015 годы оказалась на 9% меньше официальных данных.

Но наиболее важным результатом полученных расчетов оказалось то, что для крупнейших городов Латвии характерна совершенно различная возрастная структура мигрантов. Если для Даугавпилса, Лиепай, Вентспилса, Резекне (как и для всего населения Латвии в целом) наибольшая часть миграционных потерь в рассматриваемый период приходилась на возрастную группу 25—39 лет, отличающуюся наибольшей пространственной и социальной мобильностью, то для столицы республики, привлекающей активное молодое население из провинции, миграционная убыль в данной возрастной группе незначительна. Наоборот, для Риги характерны большие миграционные потери в возрастных группах 45—59 и старше 75 лет. Подобную Риге возрастную структуру миграционных потерь имеет и расположенный в непосредственной близости от нее город Елгава. Здесь, как и в столице Латвии, наиболее многочисленную группу среди выбывших составляют лица старше 75 лет.

В связи с этим обращает внимание на себя пример Юрмалы, где миграционные потоки в различных возрастных группах имеют противоположную направленность. Так, если для населения главного латвийского курорта в возрасте до 40 лет характерно массовое выбытие за пределы города в поисках работы, то для лиц старшего возраста (50—74 года), имеющих определенные финансовые накопления, Юрмала является привлекательным местом жительства. Этот город-курорт, в котором богатые россияне любят приобретать недвижимость, выступает своеобразным «окном в Европу», доступным способом получения вида на жительство на территории Европейского союза.

Сложнее объяснить миграционный прирост населения в возрастной группе 15—24 года для самых небольших по численности городов республиканского подчинения — Валмиеры и Екабпилса. Если Валмиера сегодня интересна молодежи благодаря наличию высшего учебного заведения (*Vidzemes augstskola*), то привлекательность Екабпилса для данной возрастной группы мигрантов не вполне понятна. Впрочем исчерпывающее объяснение причинно-следственных связей, выявленных в ходе анализа миграционных процессов, не входит в задачи данной работы.

Использованные в статье методы оценки влияния миграции на изменение половозрастной структуры населения и выявления территориальных различий

структуры миграционного прироста на примере городов Латвии позволяют лучше понять закономерности демографического развития отдельных стран и регионов. Применение данной методики даст возможность не только восполнить пробелы текущего статистического учета миграционных событий, но и смоделировать его развитие, улучшив качество демографического прогноза.

Список литературы

1. Коэффициент ежегодного прироста населения (на 1000), 1950—2015 // Демоскоп Weekly. Институт демографии национального исследовательского института «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4002.php> (дата обращения: 02.01.2018).
2. Житин Д. В., Иванова А. А. Демографическое развитие стран Балтии. М., 2017.
3. Клунт М. Центр-периферийные отношения в Европе: демографический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №2. С. 58—67.
4. Demografija 2015. Statistisko datu krajums. Rīga, 2015.
5. Indans I. Migration Policies in the Baltic Sea Region 2008—2009. Rīga, 2009.
6. Krišjāne Z., Berzins M. Post-socialist Urban Trends: New Patterns and Motivations for Migration in the Suburban Areas of Riga // Latvia Urban Studies. 2012. Vol. 49, iss. 2. P. 289—306.
7. Goller D., Krišjāne Z., Berzins M. International Migration in the Periods of Transition and Crisis: the Case of Latvia // Baltic Region. 2014. №2 (20). p. 97—120.
8. Apsite E., Krišjāne Z., Berzins M. Emigration from Latvia underp economic crisis conditions // International Proceedings of Economics Development and Research. 2012. Vol. 31. P. 134—138.
9. Eglite P. Regional Differences of Depopulation in Latvia // Geografiski Raksti/Folia Geographica. 2007. Vol. 13. P. 169—174.
10. Krišjāne Z., Berzins M., Apsite E. Post-accession migration from the Baltic states. The case of Latvia // Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement / eds. B. Glorius [et al.]. Amsterdam, 2013. P. 85—109.
11. Krišjāne Z., Eglite P., Bauls A. et al. Darbaspēka ģeogrāfiska mobilitāte. Rīga, 2008.
12. Волков В. В. Этнические меньшинства в Латвийском политическом дискурсе // Этнографическое обозрение. 2017. №2. С. 24—38.
13. Кузнецова Т. Ю. Миграционные тенденции в странах Балтийского региона: пространственно-временной аспект // Балтийский регион. 2010. №4 (6). С. 53—60.
14. Хрущев С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. №4 (6). С. 91—102.
15. Виноградова С. М., Руцин Д. А. Гендерные аспекты социального развития Балтийского региона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. №1. С. 111—119.
16. Кузнецова Т. Ю., Федоров Г. М. Территориальная дифференциация демографического развития Балтийского макрорегиона // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2011. Вып. 1. Сер.: Естественные науки. С. 131—137.
17. Казьмина О. Е. Динамика этнического состава населения Литвы, Латвии и Эстонии в XX в. (этнодемографическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
18. Манаков А. Г., Чученкова О. А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. : науч. доклад. М., 2017.
19. Kaszmarczyk P., Okólski M. Economic Impacts of Migration on Poland and Baltic States // Fafo-paper. Oslo, 2008.
20. Катус К., Саккеус Л. Урбанизация, миграция и региональное развитие населения Эстонии // Миграция и урбанизация в 90-е годы / под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 159—183.
21. Федоров Г. М., Разумовский В. М., Кузнецова Т. Ю., Гуменюк Л. Г. Размещение и динамика численности населения приморских городов на Балтике // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 146, №6. С. 14—24.
22. Raagmaa G. Centre-Periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society // 43rd Congress of the European regional science association (ERSA) Jyväskylä, Finland, August 27—30. 2003. URL: <https://www.jyu.fi/ersa2003/cdrom/papers/503.pdf> (дата обращения: 02.01.2018).

23. *Иванов К. О.* Этническая структура населения Латвии // Псковский региональный журнал. 2011. № 12. С. 62—69.
24. *Манаков А. Г., Суворков П. Э., Станайтис С. А.* Старение населения как социально-демографическая проблема Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 79—95.
25. *Kontuly T., Tammaru T.* Population subgroups responsible for new urbanization and suburbanization in Estonia // European Urban and Regional Studies. 2006. Vol. 13, iss. 4. P. 319—336.
26. *Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б.* Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: Динамика населения в 2000-е гг. // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 62—80.
27. *Coleman D.* The demographic effects of international migration in Europe // Oxford Review of Economic Policy. 2008. Vol. 24, iss. 3. P. 453—477.
28. *Plane D. A.* Age-Composition Change and the Geographical Dynamics of Interregional Migration in the U. S. // Annals of the Association of American Geographers. 1992. Vol. 82, iss. 1. P. 64—85.
29. *Beine M., Docquier F., Rapoport H.* Brain drain and human capital formation in developing countries: Winners and losers // Economic Journal. 2008. Vol. 118, iss. 528. P. 631—652.
30. *Vidal J.-P.* The effect of emigration on human capital formation // Journal of Population Economics. 1998. Vol. 11, iss. 4. P. 589—600.
31. *15 независимых государств.* Коэффициент суммарной рождаемости // Демоскоп Weekly. Институт демографии национального исследовательского института «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_tfr.php (дата обращения: 03.01.2018).
32. *ISVG01.* Vital statistics // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/ISVG010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
33. *IBG01.* Long-term migration // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
34. *Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В.* Миграционные связи Европы: пространственно-временные трансформации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 101—124.
35. *IBG02.* International long-term migration by country group // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0020.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
36. *IBG041.* International long-term migration by ethnicity of migrants // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0041.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
37. *ISG022.* Resident population by major age group at the beginning of the year (by 5-years age groups) // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0022.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
38. *Всесоюзная перепись населения 1989 г.* Распределение населения союзных республик и их регионов по полу и возрасту. Латвийская ССР // Демоскоп Weekly. Институт демографии национального исследовательского института «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_89.php?reg=82 (дата обращения: 03.01.2018).
39. *IBG04.* International long-term migrants by age and sex // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0040.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
40. *ISG06.* Population by sex and age at the beginning of year // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0060.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 04.01.2018).

41. *ISG12*. Usually resident population in statistical regions, cities under state jurisdiction and counties by actual and declared place of residence; at the beginning of the year // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0120.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 04.01.2018).

42. *ISG171*. Men and women by age and cities under state jurisdiction at the beginning of year // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0171.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 04.01.2018).

43. *IBG10*. Long-term net migration of population in statistical regions, cities under state jurisdiction and counties // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0100.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 05.01.2018).

Об авторах

Дмитрий Викторович Житин, кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: d.zhitin@spbu.ru

Зайга Кришьяне, доктор географических наук, профессор, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: zaiga.krisjane@lu.lv

Гвидо Секи, доктор наук, исследователь, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: g.sechi@lu.lv

Для цитирования:

Житин Д. В., Кришьяне З., Секи Г. Влияние миграции на изменение половозрастной структуры населения Латвии // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №1. С. 107—129. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-7.

THE EFFECT OF MIGRATION ON LATVIA'S SEX AND AGE COMPOSITION

D. V. Zhitin¹

Z. Krisjane²

G. Sechi²

¹ Saint-Petersburg State University,
7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

² University of Latvia,
19 Rajnisa Bul., Riga, LV 1586, Latvia

Submitted on February 02, 2018

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-7

The theory of Demographic Transition stipulates that the number of countries with the replacement and sub-replacement level of the total fertility rate is growing. In these conditions, population dynamics and the sex and age composition are increasingly affected by migration. The above holds true for Eastern European countries. Population decline has haunted Latvia for two and a half decades. Since 1990, the net migration rate has been negative, which contributes to depopulation. This study aims to reveal the effect of migration on the sex and age composition across Latvia and its largest cities. The authors consider hypo-

thetical transformations in the country's age structure in 2000—2015 in the case of zero net migration. The study uses the cohort component methods and considers the actual age-specific mortality and birth rates. The analysis of the results obtained for the population of Latvia and its individual cities makes it possible to identify temporal and age/space features of migration. A comparison of the official data with net migration rates calculated for different age groups ensures a more accurate estimate of the actual volume and direction of migration flows for certain Latvian cities. The method for calculating net migration for the selected age groups, described in the article, may narrow the gaps in the current migration statistics and reveal the territorial inhomogeneity of demographic processes.

Key words: sex and age composition, population, emigration, Latvia, international migration, demographic situation, depopulation

References

1. The coefficient of annual population growth (per 1000), 1950—2015. In: *Demoscope Weekly*, Institute of Demography of the National Research Institute "Higher School of Economics", available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4002.php> (accessed 02.01.2018). (In Russ.)
2. Zhitin, D.V., Ivanova, A.A. 2017, *Demograficheskoe razvitie stran Baltii* [Demographic development of the Baltic States], Scientific reports of the Russian Association of Baltic Studies, Series 2. Socio-economic development, Moscow, Association of Book Publishers "Russian Book", 112 p. (In Russ.)
3. Klupt, M. 2015, Center-Peripheral Relations in Europe: Demographic Aspect. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 2, p. 58—67. (In Russ.)
4. *Demografija*, 2015. Statistisko datu krajums, Riga, 120 p. (In Latvian)
5. Indans, I. 2009, *Migration Policies in the Baltic Sea Region 2008—2009*. Rīga.
6. Krisjane, Z., Berzins, M. 2012, Post-socialist Urban Trends: New Patterns and Motivations for Migration in the Suburban Areas of Riga, *Latvia Urban Studies*. Vol. 49, no. 2, p. 289—306.
7. Göler, D., Krišjāne, Z., Bērziņš, M. 2014, International Migration in the Periods of Transition and Crisis: the Case of Latvia, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 2, p. 75—85. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-6.
8. Apsite, E., Krišjāne, Z., Berzins, M. 2012, Emigration from Latvia under economic crisis conditions, *International Proceedings of Economics Development and Research*, Vol. 31, p. 134—138.
9. Eglite, P. 2007, Regional Differences of Depopulation in Latvia. In: *Geografiski Raksti. Folia Geographica* [Geographic Articles], Vol. 13. p. 169—174.
10. Krišjāne, Z., Berzins, M., Apsite, E. 2013, Post-accession migration from the Baltic states. The case of Latvia. In: Glorius, B. (ed.) *Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement*, Amsterdam, p. 85—109.
11. Krisjane, Z., Eglite, P., Baul, A. et al. 2008, *Darbaspeka geografiska mobilitate* [Working in the field of geographic mobility], Riga. (In Latvian)
12. Volkov, V.V. 2017, Ethnic minorities in the Latvian political discourse, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 2, p. 24—38. (In Russ.)
13. Kuznetsova, T., 2010, Migration trends in the Baltic region states: the spatiotemporal aspect, *Balt. Reg.*, Vol. 2, no. 4, p. 48—54. doi: 10.5922/2079-8555-2010-4-5.
14. Khrushev, S. 2010, The ethnic aspects of demographic processes in the Baltic region states, *Balt. Reg.*, Vol. 2, no. 4, p. 81—91. doi: 10.5922/2079-8555-2010-4-9.
15. Vinogradova, S.M., Rushchin, D.A. 2016, Gender aspects of the social development of the Baltic region, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie* [Bulletin of the St. Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflictology. Culturology. Religious studies], no. 1, p. 111—119. (In Russ.)
16. Kuznetsova T. Yu., Fedorov G.M. 2011, Territorial differentiation of the demographic development of the Baltic macroregion, *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University, Natural and medical sciences*, no. 1, p. 131—137. (In Russ.)

17. Kazemina, O. E. 1991, *Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Litvy, Latvii i Estonii v XX v. (etnodemograficheskoe issledovanie* [Dynamics of the ethnic composition of the population of Lithuania, Latvia and Estonia in the XX century. (ethnodemographic study)], PhD thes., Moscow. (In Russ.)
18. Manakov, A. G., Chuchenkova, O. A. 2017, *Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Estonii i Latvii s 1881 po 2016 g.* [Dynamics of the ethnic composition of the population of Estonia and Latvia from 1881 to 2016], Scientific Reports of the Russian Association of Baltic Studies, Series 2. Social and Economic Development, no. 2, Moscow, Association of Book Publishers "Russian Book", 96 p. (In Russ.)
19. Kaszmarczyk, P., Okólski, M. 2008, Economic Impacts of Migration on Poland and Baltic States, *Fafo-paper*, Oslo.
20. Katus, K., Sakkeus, L. 1999, Urbanization, migration and regional development of the Estonian population. In: *Migratsiya i urbanizatsiya v 90-ye gody* [Migration and urbanization in the 90s], Moscow, p. 159—183. (In Russ.)
21. Fedorov, G. M., Razumovsky, V. M., Kuznetsova, T. Yu., Gumenyuk, L. G. 2017, Location and dynamics of the population of coastal cities in the Baltic. In: *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Geographical Society], Vol. 146, no. 6, p. 14—24. (In Russ.)
22. Raagmaa, G. 2003, Centre-Periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society, *43rd Congress of the European regional science association (ERSA) Jyvaskyla*, Finland, August 27—30, available at: <https://www.jyu.fi/ersa/2003/cdrom/papers/503.pdf> (accessed 02.01.2018).
23. Ivanov, K. O. 2011, Ethnic structure of the population of Latvia. In: *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionological journal], no. 12, p. 62—69. (In Russ.)
24. Manakov, A., Suvorkov, P., Stanaitis, S. 2017, Population Ageing as a Sociodemographic Problem in the Baltic Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 55—67. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-5.
25. Kontuly, T., Tammaru, T. 2006, Population subgroups responsible for new urbanization and suburbanization in Estonia. In: *European Urban and Regional Studies*. Vol. 13, no. 4, p. 319—336.
26. Mkrtchyan, N., Karachurina, L. 2014, The Baltics and Russian North-West: the Core and the Periphery in the 2000s, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 2, p. 48—62. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-4.
27. Coleman, D. 2008, The demographic effects of international migration in Europe, *Oxford Review of Economic Policy*, Vol. 24, no. 3, p. 453—477.
28. Plane, D. A. 1992, Age-Composition Change and the Geographical Dynamics of Inter-regional Migration in the U.S, *Annals of the Association of American Geographers*, Vol. 82, no. 1, p. 64—85.
29. Beine, M., Docquier, F., Rapoport, H. 2008, Brain drain and human capital formation in developing countries: Winners and losers, *Economic Journal*, Vol. 118, no. 528, p. 631—652.
30. Vidal, J.-P. 1998, The effect of emigration on human capital formation, *Journal of Population Economics*, Vol. 11, no. 4, p. 589—600.
31. 15 independent states. Coefficient of total fertility, *Demoscope Weekly*, Institute of Demography of the National Research Institute "Higher School of Economics", available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_tfr.php (accessed 03.01.2018). (In Russ.)
32. ISVG01. Vital statistics, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/ISV0010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).
33. IBG01. Long-term migration, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).
34. Zhitin, D., Krasnov, A., Shendrik, A. 2016, Migration Flows in Europe: Space and Time Transformation, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 2, p. 68—86. doi: 10.5922/2079-8555-2016-2-6.
35. IBG02. International long-term migration by country group, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0020.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).

36. IBG041. International long-term migration by ethnicity of migrants, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0041.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).

37. ISG022. Resident population by major age group (by 5-years age groups), *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0022.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).

38. All-Union Population Census of 1989. Distribution of population of union republics and their regions by sex and age. Latvian SSR, *Demoscope Weekly*, Institute of Demography of the National Research Institute "Higher School of Economics", available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_89.php?reg=82 (accessed 03.01.2018). (In Russ.)

39. IBG04. International long-term migrants by age and sex, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0040.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).

40. ISG06. Population by sex and age at the beginning of year, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0060.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 04.01.2018).

41. ISG12. Usually resident population in statistical regions, cities under state jurisdiction and counties by actual and declared place of residence, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0120.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 04.01.2018).

42. ISG171. Men and women by age and cities under state jurisdiction at the beginning of year, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0171.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 04.01.2018).

43. IBG10. Long-term net migration of population in statistical regions, cities under state jurisdiction and counties, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0100.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 05.01.2018).

The authors

Dr Dmitrii V. Zhitin, Associate Professor, Department of Economic & Social Geography, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: d.zhitin@spbu.ru

Prof. Zaiga Krisjane, Chair of Human Geography, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: zaiga.krisjane@lu.lv

Dr Guido Sechi, Department of Human Geography, University of Latvia, Latvia.

E-mail: g.sechi@lu.lv

To cite this article:

Zhitin D. V., Krisjane Z., Sechi G. 2018, The Effect of Migration on Latvia's Sex and Age Composition, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 107—129. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-7.

**ОЦЕНКА УРОВНЯ
СФОРМИРОВАННОСТИ
ТРАНСГРАНИЧНОГО
ЛАТВИЙСКО-ЭСТОНСКО-
РОССИЙСКОГО
ТУРИСТСКО-
РЕКРЕАЦИОННОГО
РЕГИОНА**

*А. Г. Манаков¹
Е. С. Голомидова²*

С 2004 года на стыке границ Эстонии, Латвии и России (Псковская область) был организован еврорегион «Псков — Ливония». Туристская сфера определена в качестве одного из наиболее важных направлений сотрудничества в данном еврорегионе. Этому же должны содействовать научные исследования и практические разработки в рамках «отраслевого» аналога еврорегиона, имеющего туристско-рекреационную направленность.

Целью исследования является определение степени сформированности выделенных авторами трансграничных микрорегионов в пределах латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного мезорегиона. Оценка проводится по десяти основным и дополнительным признакам, предложенным в рамках концепции трансграничного туристско-рекреационного регионообразования. В результате исследования выделено пять микрорегионов: первого уровня «Псков — Печоры — Тарту» и «Псков — Изборск — Цесис», второго уровня «Пыталово — Резекне», третьего уровня «Изборско-Печорский край / Сетомаа» и «Чудское поозерье».

Экспертная оценка позволила распределить данные микрорегионы по уровню сформированности: «выше среднего» — микрорегион «Изборско-Печорский край / Сетомаа», «средний» — «Псков — Печоры — Тарту», «ниже среднего» — «Псков — Изборск — Цесис», «низкий» — «Пыталово — Резекне». Микрорегион «Чудское поозерье» отнесен к категории «потенциальных», или находящихся на начальной стадии развития. Общий уровень сформированности совокупности данных трансграничных туристско-рекреационных микрорегионов оценен как «ниже среднего». Результаты исследования могут быть востребованы в разработке рекомендаций по развитию трансграничных микрорегионов в составе латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного мезорегиона.

¹ Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2.

² ООО «ИнТур»,
180000, Россия, Псков,
Октябрьский просп., 22.

Поступила в редакцию 02.11.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-8

© Манаков А. Г., Голомидова Е. С.,
2018

Ключевые слова: трансграничный регион, туризм, рекреация, Псковская область, Эстония, Латвия

В 2004 году на стыке границ Латвии, Эстонии и России была создана Ассоциация по взаимодействию с приграничными территориями «Еврорегион "Псков — Ливония"», которая первоначально включала четыре района Латвии, три уезда Эстонии и пять административных районов

Псковской области [1]. Со временем Ассоциация расширилась, в том числе за счет изменений в административном делении соседних государств, и в ее работе в разное время участвовало в общей сложности около трех десятков муниципальных образований высшего уровня [8].

Одним из важнейших направлений сотрудничества в еврорегионе «Псков — Ливония» является туристская деятельность. Еврорегион имеет ряд преимуществ, которые способствуют развитию в нем туризма и рекреации, в частности наличие экологически чистых территорий, а также большого количества объектов культурно-исторического наследия, повышающих привлекательность территории для туристов. Но есть и факторы, осложняющие развитие туризма и рекреации в пределах еврорегиона: слабость экономической базы, низкая плотность населения и т. д. [1].

На наш взгляд, приданию нового импульса в развитии туризма и рекреации на приграничных территориях может способствовать координация усилий соседних стран в рамках «отраслевого» трансграничного региона, имеющего туристско-рекреационную специализацию. Его внешние рубежи не обязательно должны соответствовать общим границам субъектов еврорегиона «Псков — Ливония», формируемого по принципу добровольности. Для создания трансграничного туристско-рекреационного региона требуется наличие ряда предпосылок, которые и предлагается обсудить в данной статье.

Целью статьи является определение степени сформированности трансграничного латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного региона на основании оценки признаков регионообразования на уровне его территориальных составляющих (микрорегионов).

Степень изученности проблемы. В настоящее время изучению феномена трансграничного туристско-рекреационного регионообразования уделяется большое внимание как в зарубежной, так и отечественной науке. Например, общие вопросы развития трансграничного туризма рассматривали В. Кудни [14], К.-Л. Лепик [17], М. Миленкович [19], Н. Серик и С. Маркович [21], Т. Студзиенецки [22], Х. Вачовиак [27], А. Вайденфельд [28] и др. Трансграничное туристское регионообразование на польско-российской границе изучали Р. Анисевич, В. Корнеевец, Т. Пальмовски, Т. Студзиенецки [13; 23] и др., на российско-финской границе — К. Якосио [16], на финско-шведской — Е.-К. Проккола [20], на словенско-хорватской — К. Водеб [26], на венгерско-сербской — П. Гулиаш [15], В. Майсторонич, Ю. Станков и С. Стоянов [18], на американо-канадской — Д. Тимоти [24].

Вопросам трансграничного туристско-рекреационного регионообразования на территориях, окружающих Балтийское море, посвящено несколько работ Е.Г. Кропиновой [4—6]. Ею же предложены основные и дополнительные регионообразующие признаки, разработана иерархия регионов, обозначены трансграничные туристско-рекреационные регионы мезоуровня на Балтике. В число мезорегионов включен и латвийско-эстонско-российский туристско-рекреационный регион, рассмотренный в данной статье. В целом уровень его сформированности был оценен как средний [5, с. 119].

Нами ранее были рассмотрены предпосылки формирования данного трансграничного туристско-рекреационного мезорегиона [8], а также туристский потенциал и особенности формирования одного из входящих в его состав микрорегионов [2; 9].

Иерархия микрорегионов. Е.Г. Кропинова предложила выделить три иерархических уровня трансграничных туристско-рекреационных микрореги-

онов. В микрорегион первого уровня входят несколько муниципалитетов высшего порядка. Микрорегион второго уровня состоит из муниципальных образований низшего порядка, но может включать небольшие муниципалитеты высшего порядка. Микрорегионы третьего уровня включают части муниципалитетов или небольшие муниципальные образования низшего порядка. Трансграничные туристско-рекреационные регионы нижнего уровня могут укладываться в пределы регионов более высокого порядка [5, с. 167].

В Псковской области к муниципальным образованиям высшей ступени относятся 2 городских округа и 24 муниципальных района, низшей ступени — городские и сельские поселения (в основном волости). В Эстонии муниципальными образованиями высшего уровня являются 15 уездов, которые делятся на муниципалитеты двух типов: города и волости. С 2009 года в Латвии выделяется 110 краев и 9 городов республиканского подчинения. Края, в свою очередь, делятся на краевые волости и города. Формально края являются высшей ступенью муниципальных образований в Латвии, но они по своим размерам и численности населения сильно уступают эстонским уездам и российским муниципальным районам. Намного ближе к эстонскому и российскому вариантам было административное деление Латвии до 2009 года, когда в ней выделялось 26 районов и 7 городов республиканского подчинения. Это обстоятельство учитывалось при определении ранга трансграничных туристско-рекреационных микрорегионов, в формировании которых участвует Латвия.

Нами предложено выделить в пределах трансграничного латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного мезорайона два микрорегиона первого уровня («Псков — Печоры — Тарту» и «Псков — Изборск — Цесис»), один микрорегион второго уровня («Пыталово — Резекне») и несколько микрорегионов третьего уровня, среди которых можно отдельно рассмотреть «Изборско-Печорский край / Сетомаа» и «Чудское поозерье» (рис.). Оценка уровня сформированности дается именно по этим микрорегионам — они характеризуют различные стадии формирования, от близкой к «зрелости» до начальной, по сути обозначающей потенциальные трансграничные туристско-рекреационные микрорегионы.

Признаки регионообразования. Для определения наличия или отсутствия трансграничных туристско-рекреационных регионов ранее было предложено использовать шесть основных (регионообразующих) признаков и четыре дополнительных (необязательных) признака [3; 5]. Ниже дается оценка степени присутствия этих признаков на территориях пяти трансграничных туристско-рекреационных микрорегионов: трех российско-эстонских («Псков — Печоры — Тарту», «Изборско-Печорский край / Сетомаа» и «Чудское поозерье»), российско-эстонско-латвийского «Псков — Изборск — Цесис» и российско-латвийского «Пыталово — Резекне». Для начала разберем шесть основных признаков регионообразования.

1. Непрерывность территории, то есть возможность прямого транспортного сообщения, без пересечения границ трансграничного региона.

Почти все трансграничные микрорегионы имеют связывающие их территории транспортные магистрали, но интенсивность их использования заметно уменьшилась после распада Советского Союза и сейчас зависит от пропускной способности пограничных пунктов пропуска (ППП) на границе России и стран Евросоюза. Собственно транспортные магистрали (в первую очередь автомобильные) и являются связующими «осями», организующими трансграничные микрорегионы. Магистраль Псков — Тарту обслуживает ППП «Куничина гора (г. Печоры) — Койдула (Эстония)», Псков — Рига (в том числе Цесис и

Сигулда — ППП «Шумилкино (Печорский район) — Лухамаа (Эстония)», Пыталово — Даугавпилс (в том числе Резекне) — ППП «Убылинка (Пыталовский район) — Гребнево (Латвия)». В качестве исключения выступает микро-регион «Чудское поозерье», так как на трансграничном Чудском озере в настоящее время полностью отсутствует пассажирское сообщение, хотя и имеются проекты его возобновления.

Рис. Трансграничные туристско-рекреационные микрорегионы в пределах латвийско-эстонско-российского мезорегиона; границы: 1 — государственные; 2 — субъектов РФ; 3 — муниципальных образований высшего уровня; 4 — «ядра» микрорегионов первого уровня; территории: 5 — микрорегионов первого уровня «Псков — Печоры — Тарту» и «Псков — Изборск — Цесис»; 6 — микрорегиона третьего уровня «Изборско-Печорский край / Сетомая»; 7 — микрорегиона третьего уровня «Чудское поозерье»; 8 — микрорегиона второго уровня «Пыталово — Резекне»

2. Взаимодополнение компонентов природного и культурно-исторического потенциала развития туризма, стимулирующее туристские потоки.

Территория мезорегиона в целом характеризуется не очень большим разнообразием природной среды, у него нет богатых рекреационных ресурсов, которые могут предоставить морские побережья и высокие горы. Но и здесь присутствуют ландшафтные различия, связанные с контрастами в рельефе (возвышенность Хаанья в Эстонии, Алуксненская, Видземская и Латгальская возвышенности в Латвии, а также низменности на побережье Псковского и Чудского озер) и важной зональной границей (двух природных подзон — южной тайги и подтайги), проходящей примерно по южной оконечности Псковского озера. При этом трансграничный туристско-рекреационный мезорегион отличается высоким уровнем разнообразия объектов культурно-исторического

наследия, особенно в своем «сердце» — микрорегионе «Изборско-Печорский край / Сетомаа», являющемся составной частью двух микрорегионов более высокого уровня («Псков — Печоры — Тарту» и «Псков — Изборск — Цесис»). К этому нужно добавить этнокультурные контрасты, которые рассмотрены ниже и вместе с объектами культурно-исторического наследия выступают в качестве важнейшего туристского ресурса данного трансграничного мезорегиона.

3. Общая или скоординированная транспортная инфраструктура.

В настоящее время уже имеется существенная координация пассажироперевозок по разные стороны границы между Эстонией и Латвией, с одной стороны, и Псковской областью — с другой, создающая удобство для лиц, пересекающих границу на автотранспорте или даже пешком (например, на ППП «Куничина гора» в г. Печоры). При этом в ближайшее время в Псковской области предполагается создание транспортно-логистического хаба. Хотя данный проект нацелен на увеличение грузоперевозок через регион, но он же решит и ряд проблем, возникающих при пересечении границы автотранспортом.

4. Тесные связи между входящими в трансграничный регион субъектами туризма.

Латвия и Эстония входят в число наиболее популярных направлений выездного туризма жителей Псковской области, что предопределено политико-географическим положением региона [12]. При этом туристский поток стимулируется путем увеличения срока действия виз, выдаваемых соседними государствами. К примеру, Псковская канцелярия Генерального консульства Эстонской Республики в Санкт-Петербурге и Латвийское консульство в Пскове предоставляют жителям Псковской области долгосрочные многократные визы сроком от 2 до 5 лет.

Важным фактором развития туризма в трансграничном регионе является наличие офисов (уполномоченных агентств) крупных туроператоров в центрах муниципальных образований соседних стран. Например, туроператор «Tez Tour» имеет офисы в таких населенных пунктах, как Псков (Россия), Резекне, Балви, Цесис, Даугавпилс (Латвия), Тарту, Пылва и Выру (Эстония) [29]. Росту контактов между субъектами туризма в настоящее время способствует программа подготовки Псковской области к Ганзейским дням в г. Пскове в 2019 году.

5. Трансграничные туристские маршруты.

Трансграничные туристские маршруты разработаны в пределах всех микрорегионов, но чаще всего они являются частями более «длинных» маршрутов, связывающих Псков со столицами Эстонии и Латвии или другими центрами туризма, находящимися вне трансграничных микрорегионов. При этом имеются и разработки турмаршрутов собственно в пределах микрорегионов. Яркий пример — это этнографический тур по российским и эстонским территориям в границах Сетомаа, в большей степени ориентированный на индивидуальных туристов.

Наибольший поток туристов принимает микрорегион первого уровня «Псков — Печоры — Тарту», в пределах которого действуют маршруты, завершающиеся не только в центрах микрорегиона, но и в Выру (с посещением Ватселийны и Отепя). В микрорегионе «Псков — Изборск — Цесис» работает как одноименный турмаршрут, так и с завершением в Сигулде и Риге. Микрорегион второго уровня «Пыталово — Резекне» не имеет пока полноценных туристских программ, однако статистика перемещений индивидуальных туристов между этими городами достаточно высока. В перспективе здесь возможно включение в турмаршруты городов Балви и Гулбене.

Из микрорегионов третьего уровня наибольший поток туристов приходится на «Изборско-Печорский край / Сетомаа», пользующийся своим транзитным положением и уникальным природным и культурно-историческим наследием. В «Чудском поозерье» разработка турмаршрутов сдерживается отсутствием пассажирского сообщения на Псковско-Чудском водоеме. В случае развития здесь водного транспорта будет возможна реализация туристских программ с посещением Гдова, Турутневых пещер, Спицино (Россия), Алатскиви, Пыльтсмаа, Калласте, Муствеэ (Эстония) и др. Возможны вариации программ с посещением островов на Чудском и Псковском озерах.

Каждый год турагентствами Эстонии, Латвии и Псковской области разрабатываются оригинальные маршруты, охватывающие новые территории и объекты. В составлении российской части программ участвуют турфирмы Псковской области, эстонскую и латвийскую части разрабатывают их зарубежные партнеры. Благодаря такому сотрудничеству происходит обучение и накопление опыта в создании экскурсионных туров.

6. Наличие государственных и / или общественных институтов, организуемых и координирующих трансграничные туристские потоки.

В настоящее время имеются несколько проектов трансграничного сотрудничества, в том числе в области туризма и рекреации, в реализации которых участвуют государственные структуры и общественные организации соседних стран. На период с 2014 по 2020 год ориентированы крупномасштабные проекты приграничного сотрудничества «Россия — Эстония» и «Россия — Латвия». Программы финансируются Европейским союзом из средств Европейского инструмента соседства (ЕИС) Европейского фонда регионального развития (ЕФРР), Российской Федерацией, Латвийской и Эстонской Республиками.

В качестве примера также можно привести совместный с Латвией проект «Сохранение и продвижение культурного наследия в Латвии и России», партнерами которого являются администрация г. Пскова, несколько латвийских муниципалитетов и государственное АО «State Real Estate». Целью проекта является развитие культурно-исторического наследия, продвижение приграничного туризма путем взаимодействия с Латвийской Республикой [30].

Далее рассмотрим *дополнительные признаки* трансграничного туристско-рекреационного регионообразования, которые создают благоприятные предпосылки для развития туризма.

7. Общий уровень социально-экономического развития.

Северо-восточная часть Латвии и юго-восток Эстонии заметно уступают по уровню социально-экономического развития столицам и прилегающим к ним регионам, являясь по сути периферийными территориями этих стран. Причем данное отставание характеризует и развитие международного туризма. Так, например, на Тарту в 2016 году приходилось всего 5% ночевков иностранных туристов (и только 4% — российских туристов) в гостиницах Эстонии [25]. Аналогичная ситуация характерна и для соседних с Россией регионов Видземе и Латгале в Латвии.

На этом фоне, несмотря на то, что Псковская область входит в число наименее развитых в социально-экономическом плане регионов России, к месту стыка границ между тремя странами в ней примыкают наиболее густонаселенные районы, включая и областной центр. Здесь же сформировался и самый развитый в области туристско-рекреационный район, включающий г. Псков и Печорский муниципальный район [10]. Благодаря этому по уровню

развития туризма данная часть Псковской области не только не уступает по многим параметрам развития туристской сферы соседним регионам Эстонии и Латвии, но даже по некоторым показателям превосходит их [8]. В целом же развитие туризма в данном трансграничном регионе должно дать толчок социально-экономическому развитию этих территорий, оказавшихся в сложном (периферийном) социально-экономическом положении, особенно в постсоветское время, вследствие барьерного характера государственных границ.

8. Этническое сходство населения как потенциал для развития этнического, этнографического туризма.

Государственные границы, разделяющие туристско-рекреационный мезорегион, имеют пороговый характер с точки зрения этнического состава населения. Но в данном случае этнические и культурные различия выступают в качестве дополнительного туристского ресурса. Эта небольшая территория является зоной стыка сразу пяти народов и трех религий: лютеран (эстонцев и латышей), католиков (латгальцев), православных (русских и сету). К этому можно добавить еще и культуру старообрядцев (преимущественно русских), создающих небольшие «островки» в разных частях трансграничного региона (особенно в Эстонии и Латвии). Так, на эстонском побережье Чудского озера (в Муствеэ и Калласте) проживают потомки старообрядцев, переселившихся сюда в XVIII—XIX веках. Еще больше старообрядцев проживает в восточном регионе Латвии — Латгалии, преимущественно в ее южной части.

Исключение в этом плане представляет трансграничный микрорегион «Сетомаа» (в переводе — «Земля сето»), единство которого определяется историческим ареалом проживания принявшего православие финно-угорского народа сету (самоназвание — сето), ныне проживающего в Печорском районе Псковской области (около 250 чел.) и смежных волостях двух уездов Эстонии — Вырумаа и Пылвамаа [11]. Исторически Чудское озеро не всегда выступало в качестве четкого этнического разграничителя. Был период (конец XIX — первая половина XX века), когда в Восточном Причудье проживали значительные группы эстонцев и латышей, составлявшие в то время свыше 10% местного населения. Они были потомками переселенцев из Лифляндии и Эстляндии, прибывших на эти земли во второй половине XIX века сразу после отмены крепостного права в России [7].

9. Общее историческое прошлое.

Хотя территория трансграничного мезорегиона в целом не характеризуется общим историческим прошлым, но это, как и этнический, и культурный контраст, представляет собой скорее дополнительный туристский ресурс. В общей сложности земли мезорегиона начиная с XIII века пять с половиной веков находились в разных государственных образованиях и только два с половиной века — в составе одного государства (1721—1917 годы — в Российской империи, 1940—1991 годы — в Советском Союзе). Вхождение в состав разных государственных образований привело к созданию различий в культурных ландшафтах, объектах культурно-исторического наследия (типы и формы сооружений, архитектурные стили и т. п.).

В качестве исключения в данном случае опять же выступает трансграничный микрорегион «Изборско-Печорский край / Сетомаа», который в состоянии государственной разделенности существует всего четверть века, только после распада Советского Союза. До этого территория микрорегиона развивалась в составе политических и административных образований, подчиненных Пскову (с XIII века до 1920 года), в составе Эстонской Республики (с 1920 по 1944 год), а затем разделенной между Эстонской ССР и РСФСР (с 1944 по 1991 год), но и тогда Сетомаа оставалась в границах одного государства (СССР) [8].

10. *Развитые связи в социальной сфере (культура, спорт, медицина, образование, наука и др.).*

Наличие расположенных недалеко от границы двух региональных центров в России (г. Псков) и Эстонии (г. Тарту), которые вместе с тем представляют собой крупные университетские центры, создает несколько более благоприятные предпосылки для развития связей в социальной сфере (особенно в области науки и образования) в пределах туристско-рекреационного микрорегиона «Псков — Печоры — Тарту», чем в российско-эстонско-латвийском микрорегионе «Псков — Изборск — Цесис». При этом г. Псков является побратимом сразу нескольких городов в Латвии (Цесис, Валмиера, Резекне, Даугавпилс) и Эстонии (Тарту и Вярса) [30].

Еще в менее выигрышном положении в этом плане оказывается российско-латвийский микрорегион «Пыталово — Резекне». Микрорегион третьего уровня «Изборско-Печорский край / Сетомая» успешно использует преимущества своего транзитного положения между Псковом и Тарту. А вот микрорегион «Чудское поозерье» сильно проигрывает в этом плане, хотя при восстановлении водного сообщения «Псков — Тарту» и создании новых водных маршрутов вполне может вернуть себе утраченные в постсоветское время возможности тесных социальных контактов. Развитие связей в социальной сфере стимулируют программы приграничного сотрудничества «Россия — Эстония» и «Россия — Латвия» 2014—2020 годов.

Выводы. Опираясь на представленный выше анализ признаков регионообразования на уровне трансграничных туристско-рекреационных микрорегионов, а также с учетом реальных потоков туристов в настоящее время можно определить следующий уровень сформированности: для российско-эстонского микрорегиона первого уровня «Псков — Печоры — Тарту» как «средний», для российско-эстонско-латвийского микрорегиона первого уровня «Псков — Изборск — Цесис» как «ниже среднего», для российско-латвийского микрорегиона второго уровня «Пыталово — Резекне» как «низкий», для российско-эстонского микрорегиона третьего уровня «Изборско-Печорский край / Сетомая» как «выше среднего», для российско-эстонского микрорегиона третьего уровня «Чудское поозерье» как «начальный» (его можно рассматривать, скорее, как потенциальный трансграничный туристско-рекреационный микрорегион).

В целом уровень сформированности трансграничного латвийско-эстонско-российского мезорегиона следует признать как «ниже среднего», если рассматривать все вышеперечисленные микрорегионы, или же «средний», если не включать в него находящиеся пока на начальной стадии формирования периферийные микрорегионы «Чудское поозерье» и «Пыталово — Резекне».

Исследование выполнено в рамках стратегического проекта Псковского государственного университета «Россия начинается здесь» (программа «Опорный университет»).

Список литературы

1. *Баринов С.Л., Кирюшин П.А.* Характер и результаты развития трансграничных регионов в различных институциональных условиях на примере евروهгионов «Эрсунн», «Псков — Ливония» и «Днепр» // Вестник международных организаций. 2013. Т. 8, №4. С. 196—213.
2. *Голомидова Е.С.* Оценка потенциала развития трансграничного туристско-рекреационного региона «Псков — Печоры — Тарту» // Туристско-рекреационный потенциал, природное и культурное наследие Восточной Европы: матер. Междунар. науч.-практ. конф. 24—25 ноября 2017 года. Псков, 2017. С. 116—122.
3. *Корнеев В.С., Кропинова Е.Г.* Трансграничные формы сотрудничества в сфере туризма в пределах СНГ // Туризм в евразийском пространстве: реальности и новые тенденции: сб. ст. из материалов Евразийского научного форума 4—5 декабря 2014 г. / общ. науч. ред. М.Ю. Спириной, ред. А.А. Торопыгиной. СПб., 2014. Ч. 1. С. 149—157.

4. Кропинова Е. Г. Проект «Перекрестки 2.0» в формировании трансграничного туристского региона Юго-Восточной Балтики // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 53—59.
5. Кропинова Е. Г. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Калининград, 2016.
6. Кропинова Е. Г. Трансграничный туристский регион (ТТР) как разновидность трансграничных регионов // Трансграничный регион как объект исследования естественных и гуманитарных наук : матер. междунар. науч.-практ. конф. Псков, 2013. С. 22—27.
7. Маамяги В. А. Эстонцы в СССР. 1917—1940 гг. М., 1990.
8. Манаков А. Г. Предпосылки формирования трансграничного латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного региона // Псковский регионологический журнал. 2017. № 3 (31). С. 104—118.
9. Манаков А. Г., Турченко Е. С. Особенности формирования трансграничного туристско-рекреационного региона «Псков — Печоры — Тарту» // Псковский регионологический журнал. 2017. № 4 (32). С. 31—39.
10. Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2020 года. Псков ; СПб., 2009. URL: http://www.pskov.ru/sites/default/files/documents/2010/soc_econ_strategy_pskov_2020.pdf (дата обращения: 23.07.2017).
11. Суворков П. Э. Этносоциальный портрет сету Печорского района Псковской области (по материалам экспедиции 2016 г.) // Псковский регионологический журнал. 2017. № 3 (31). С. 55—79.
12. Турченко Е. С. Основные направления и динамика выездного и въездного туризма в Псковской области // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 144—153.
13. Anisiewicz R., Palmowski T. Small Border Traffic and Cross-Border Tourism Between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation // Quaestiones Geographicae. 2014. № 33 (2). P. 79—86.
14. Cudny W. Tourism and its role in the integration of divided regions // Region and Regionalism. 2009. № 9 (2). P. 161—166.
15. Gulyás P. The Development of Tourist Relations during the Economic Crisis through the Example of the Southern Great Plain Region and Serbia // Romanian Review of Regional Studies. 2016. № 12 (1). P. 111—120.
16. Jakosuo K. Russia and the Russian tourist in Finnish tourism strategies — the case of the Karelian region // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2011. № 24. P. 1003—1013.
17. Lepik K.-L. Euroregions as mechanisms for strengthening cross-border cooperation in the Baltic sea region // Trames. 2009. № 13 (63/58), 3. P. 265—284.
18. Majstorović V., Stankov U., Stojanov S. Border regions as the tourist destination // Škola Biznesa. 2013. № 2. P. 15—29.
19. Milenkovic M. Ecoregionalism — Factor Cross-Border Cooperation and Tourism Development // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2012. № 44. P. 236—240.
20. Prokkola E.-K. Resources and barriers in tourism development: cross-border cooperation, regionalization and destination building at the Finnish-Swedish border // Fennia. 2008. № 186: 1. P. 31—46.
21. Seric N., Marcovic S. V. Brand management in the practice of crossborder tourism destinations // Academica Turistica. 2011. № 2. P. 89—99.
22. Studzieniecki T. Euroregions — new potential destinations // Tourism review. AIEST. 2005. Vol. 60, iss. 4. P. 26—32.
23. Studzieniecki T., Palmowski T., Korneevets V. The System of Cross-border Tourism in the Polish-Russian Borderland // Procedia Economics and Finance. 2016. Vol. 39. P. 545—552.
24. Timothy D. Cross-border partnership in tourism resource management: international parks along the US — Canada border // Journal of Sustainable Tourism. 1999. № 3—4. P. 182—205.
25. Tourism in Estonia in 2016 (as of 2 march 2017). URL: https://static1.visitestonia.com/docs/3024432_tourism-in-estonia-2016.pdf (дата обращения: 19.10.2017).
26. Vodeb K. Cross-border regions as potential tourist destinations along the Slovene-Croatian frontier // Tourism and Hospitality Management. 2010. Vol. 16, № 2. P. 219—228.
27. Wachowiak H. Tourism and Borders. Aldershot, England. Burlington, 2006.
28. Weidenfeld A. Tourism and cross border regional innovation systems // Annals of Tourism Research. 2013. Vol. 42. P. 191—213.

29. *Tez-tour*. URL: <https://www.tez-tour.com/ru/minsk/whereToBuy.html?id=5000104> (дата обращения: 22.10.2107).

30. *For the benefit* of the municipalities of the partner cities of Pskov // Portal «City of Pskov». 2017. URL: http://www.pskovgorod.ru/media_about_us.html?id=10201&do=print (дата обращения: 22.10.2107).

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.
E-mail: region-psk@yandex.ru

Елена Сергеевна Голомидова, старший менеджер по туризму, ООО «ИнТур», г. Псков, Россия.
E-mail: solnce24_89@mail.ru

Для цитирования:

Манаков А. Г., Голомидова Е. С. Оценка уровня сформированности трансграничного латвийско-эстонско-русского туристско-рекреационного региона // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 1. С. 130—141. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-8.

ESTIMATING THE DEVELOPMENT OF THE LATVIAN-ESTONIAN-RUSSIAN TRANSBOUNDARY TOURISM AND RECREATION REGION

A. G. Manakov¹
E. S. Golomidova²

¹ Pskov State University, 2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia.

² InTour Ltd., 22 Oktyabrskiy prosp., Pskov, 180000, Russia

Submitted on November 02, 2017
doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-8

In 2004, the Pskov — Livonia Euroregion was established across the borders of Estonia, Latvia and Russia (the Pskov region). Tourism became a cooperation priority in the Euroregion. This necessitated research on the local tourism and recreation areas. This study aims to estimate the development prospects of transboundary microregions which have been identified by the authors within the Latvian-Estonian-Russian tourism and recreation mesoregion. The authors employ ten additional criteria proposed in the general conception of transboundary tourism and recreation regions. The article identifies five microregions: Pskov-Pechory-Tartu and Pskov-Izborsk-Cesis (first level), Pytalovo-Rezekne (second level), and Izborsk-Pechory district- Setomaa and Lake Chudskoe area (third level). The authors classify the microregions according to their level of development. The development of the Izborsk-Pechory district-Setomaa microregion is defined as 'above average', that of Pskov-Pechory-Tartu as 'average', and that of Pskov-Izborsk-Cesis as 'below average', and finally, the development of Pytalovo-Rezekne microregion is described as 'poor'. The Lake Chudskoe area microregion is classified as an 'emerging' one. The overall level of development of transboundary tourism and recreation microregions is assessed as 'below average'. The results of the study can be used in preparing recommendations for the development of transboundary microregions within the Latvian-Estonian-Russian tourism and recreation mesoregion.

Key words: transboundary region, tourism, recreation, Pskov region, Estonia, Latvia

References

1. Barinov, S. L., Kiryushin, P. A. 2013, Nature and results of cross-border regions development in different institutional conditions: the example of the Oresund, "Pskov-Livonia" and "Dnepr", *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [Bulletin of international organizations], Vol. 8, no 4, p. 196—213. (In Russ.)
2. Golomidova, E. S. 2017, Evaluation of the development potential of cross border tourism-recreation region "Pskov — Pechory — Tartu". In: *Turistsko-rekreacionnyj potencial, prirodnoe i kul'turnoe nasledie Vostochnoj Evropy* [Tourist-recreational potential, natural and cultural heritage of Eastern Europe], Pskov, p. 116—122. (In Russ.)
3. Korneevets, V. S., Kropinova, E. G. 2014, Cross-border forms of cooperation in the sphere of tourism in the CIS. In: Spirina, M. Yu., Toropyga, A. A. (eds.) *Turizm v evrazijskom prostranstve: real'nosti i novye tendencii* [Tourism in the Eurasian space: reality and new trends], St. Petersburg, Vol. 1, p. 149—157. (In Russ.)
4. Kropinova, E. G. 2014, Project "Crossroads 2.0" in the formation of cross-border tourist region of South-Eastern Baltic, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 17, p. 53—59. (In Russ.)
5. Kropinova, E. G. 2016, *Transgranichnye turistsko-rekreacionnye regiony na Baltike* [Cross-border tourist and recreational regions in the Baltic sea], Kaliningrad, 272 p. (in Russ.)
6. Kropinova, E. G. 2013, Cross-border tourist region (TTR) as a kind of cross-border regions. In: *Transgranichnyj region kak ob'ekt issledovaniya estestvennyh i gumanitarnykh nauk* [Cross-border region as an object of study natural and human sciences], Pskov, p. 22—27. (In Russ.)
7. Maamyagi, V. A. 1990, *Estony v SSSR. 1917—1940 gg.* [Estonians in the USSR, 1917—1940], Moscow, 200 p. (in Russ.)
8. Manakov, A. G. 2017, Prerequisites for the formation of cross-border Latvian-Estonian-Russian tourism-recreation region, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 3 (31), p. 104—118. (in Russ.)
9. Manakov, A. G., Turchenko, E. S. 2017, Features of formation of cross-border tourism-recreation region "Pskov — Pechory — Tartu", *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 4 (32), p. 31—39. (in Russ.)
10. Strategy for socio-economic development of Pskov oblast until 2020, 2009, Pskov — St. Petersburg, 85 p, available at: http://www.pskov.ru/sites/default/files/documents/2010/soc_econ_strategy_pskov_2020.pdf (accessed 23.07.2017). (in Russ.)
11. Suvorkov, P. E. 2017, Ethnic and Social portrait of Setu Pechora district of the Pskov region (on materials of expedition 2016), *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 3 (31), p. 55—79. (in Russ.)
12. Turchenko, E. S. 2015, Main directions and dynamics of inbound and outbound tourism in the Pskov region, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 3 (49), p. 144—153. (in Russ.)
13. Anisiewicz, R., Palmowski T. 2014, Small Border Traffic and Cross-Border Tourism Between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, no. 33 (2), p. 79—86.
14. Cudny, W. 2009, Tourism and its role in the integration of divided regions, *Region and Regionalism*, no. 9 (2), p. 161—166.
15. Gulyás, P. 2016, The Development of Tourist Relations during the Economic Crisis through the Example of the Southern Great Plain Region and Serbia, *Romanian Review of Regional Studies*, no. 12 (1), p. 111—120.
16. Jakosuo, K. 2011, Russia and the Russian tourist in Finnish tourism strategies — the case of the Karelian region, *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, no. 24, p. 1003—1013.
17. Lepik, K.-L. 2009, Euroregions as mechanisms for strengthening cross-border cooperation in the Baltic sea region, *Trames*, Vol. 13 (63/58), no. 3, p. 265—284.
18. Majstorović, V., Stankov, U., Stojanov, S. 2013, Border regions as the tourist destination, *Škola Biznesa*, no. 2, p. 15—29.
19. Milenkovic, M. 2012, Ecoregionalism — Factor Cross-Border Cooperation and Tourism Development, *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, no. 44, p. 236—240.

20. Prokkola, E.-K. 2008, Resources and barriers in tourism development: cross-border cooperation, regionalization and destination building at the Finnish-Swedish border, *Fennia*, Vol. 186, no. 1, p. 31—46.
21. Seric, N., Marcovic, S.V. 2011, Brand management in the practice of crossborder tourism destinations, *Academica Turistica*, no. 2, p. 89—99.
22. Studzieniecki, T. 2005, Euroregions — new potential destinations, *Tourism review, AIAEST*, Vol. 60, no. 4, p. 26—32.
23. Studzieniecki, T., Palmowski, T., Korneevets, V. 2016, The System of Cross-border Tourism in the Polish-Russian Borderland, *Procedia Economics and Finance*, Vol. 39, p. 545—552.
24. Timothy, D. 1999, Cross-border partnership in tourism resource management: international parks along the US — Canada border, *Journal of Sustainable Tourism*, no. 3—4, p. 182—205.
25. *Tourism in Estonia in 2016 (as of 2 march 2017)*, available at: https://static1.visitestonia.com/docs/3024432_tourism-in-estonia-2016.pdf (accessed 19.10.2017).
26. Vodeb, K. 2010, Cross-border regions as potential tourist destinations along the Slovene-Croatian frontier, *Tourism and Hospitality Management*, Vol. 16, no. 2, p. 219—228.
27. Wachowiak, H. 2006, *Tourism and Borders*, Aldershot, England, 275 p.
28. Weidenfeld, A. 2013, Tourism and cross border regional innovation systems, *Annals of Tourism Research*, Vol. 42, p. 191—213.
29. *Tez-tour*, available at: <https://www.tez-tour.com/ru/minsk/whereToBuy.html?id=5000104> (accessed 22.10.2017). (in Russ.)
30. For the benefit of the municipalities of the partner cities of Pskov, 2017, *Portal "City of Pskov"*, available at: http://www.pskovgorod.ru/media_about_us.html?id=10201&do=print (accessed 22.10.2017). (in Russ.)

The authors

Prof. Andrei G. Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Elena S. Golomidova, Travel Agent, InTour Ltd., Pskov, Russia.

E-mail: solnce24_89@mail.ru

To cite this article:

Manakov A.G., Golomidova E.S. 2018, Estimating the Development of the Latvian-Estonian-Russian Transboundary Tourism and Recreation Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 130—141. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-8.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках, оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;

- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

5) список литературы;

6) приставейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

BALTIJSKIJ
REGION
2018
Volume 10
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2018.
145 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel/Fax.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2018

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Bussygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Pertti Joenniemi*, senior researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin K. Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolesov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Gennady V. Kretinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Spirajevus*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia.

Mass Media Registration Certificate PI № FS77-61749,
on 26 August, 2011

CONTENTS

Regional Economy

- Druzhinin P. V., Prokopyev E. A.* An Assessment of the Economic Performance of the EU Baltic Region States 4
- Andreeva E. L., Ratner A. V., Myslyakova Y. G., Glukhikh P. L.* The External Economic Factor in the Development of Northwestern Regions: Institutional Support and an Impact Assessment..... 19
- Kuznetsov S. V., Rastova Y. I., Sushcheva N. V.* The Role of Public Companies in Creating a Platform for Economic Growth in Saint Petersburg..... 37

Regional Security

- Gribanova G. I., † Kosov Yu. V.* NATO Policies in the Baltics: Objectives and Priorities..... 56
- Mezhevich N. M., Zverev Yu. M.* The Economics of the Security Dilemma in the Eastern Baltic Economic Dilemmas of the Security Policy of the Eastern Baltic Countries 73

Regional Development: Geography and Economy

- Sebentsov A. B., Zotova M. V.* The Kaliningrad Region: Challenges of the Exclave Position and the Ways to Offset Them 89
- Zhitin D. V., Krisjane Z., Sechi G.* The Effect of Migration on Latvia's Sex and Age Composition 107
- Manakov A. G., Golomidova E. S.* Estimating the Development of the Latvian — Estonian — Russian Transboundary Tourism and Recreation Region 130

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2018
Том 10
№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 16.03.2018 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,8
Тираж 1000 экз. (1-й завод 56 экз.). Заказ

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6